

АРОН КАЦЕНЕЛИНБОЙГЕН

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА
И ЭКОНОМИКА

КНИГА ПЕРВАЯ

А. КАЦЕНЕЛИНБОЙГЕН

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

КНИГА 1

АРОН КАЦЕНЕЛИНБОЙГЕН

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА
И ЭКОНОМИКА

КНИГА ПЕРВАЯ

CHALIDZE PUBLICATIONS 1988

Благодарности

В особенности мне хочется поблагодарить Б.Мойшезона, В. Перельмана, В.Чалидзе, А.Янова и моих сыновей Гришу и Сашу за частые дискуссии по затронутым в книге проблемам, а В.Шляпентоха в добавление к этому еще за регулярное снабжение материалами из текущей советской прессы. Все эти господа оказали на меня сильное влияние. Многие их мысли стали мне настолько близки, и я так к ним привык, что трудно уже бывает отделить от своих.

Я весьма признателен за беседы по отдельным затронутым в работе проблемам Г.Гроссману, Л.Заку, В.Конторовичу, Х.Левину, В.Лефевру, П.Литвинову, Д.Михееву, А.Радину, В.Тремлю, В.Турчину, А.Штротмасу.

Я также в долгу перед своей женой Женей, сыном Сашей и Лерой Фуксман за подготовку рукописи к печати.

ARON KATSENELINBOIGEN

**THE SOVIET POLITICAL AND ECONOMIC
SYSTEM**

Copyright 1988 by Aron Katsenelinboigen

**Published by Chalidze Publications
Benson, Vermont 05731
Manufactured in USA**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие7

Направления развития советского общества

Немного о страшном прошлом, сумбурном настоящем и затемшемом будущем России	17
Об открытости СССР.....	55
Некоторые мысли о пользе аристократии и монархии.....	86
Рецензия на книгу А.Штромаса "Политические изменения и социальное развитие"	96

Гласность и ее конфликтность

Парадокс Горбачева	101
Заметка в журнале "The Nation".....	177
Ответ профессору Г.Гибяну.....	180
Янов против Солженицица	186
Заметки об антисемитизме	205

Друзьям в СССР, которым мое посвящение уже не может повредить:

Пете Барскому, Льву Яковлевичу Берри, Александру Михайловичу Бирману, Мише Лазаревне Благодатной, Абраму Израильевичу и Фаине Соломоновне Болтянским, Адольфу и Фриде Боттам, Мише (Эммануилу Марковичу) Браверману, Альберту Львовичу Вайнштейну, Игорю Гирсавову, Наташе и Грише Розенштейнам, Леониду Иосифовичу Гринману, Льву Израильевичу Гутенмахеру, Люсе и Мише Дубинским, Сергею Александровичу Думлеру, Льву Иосифовичу Итину, Леониду Евгеньевичу Иоффе, Леониду Витальевичу Канторовичу, Галке Карпелевич (Поляк), Якову Бенционовичу Кваше, Константину Ивановичу и Елене Николаевне Клименко, Натану Ефимовичу Кобринскому, Всеволоду Николаевичу Крылову, Александру Львовичу и Татьяне Михайловне Лурье, Абраму Борисовичу и Татьяне Ивановне Меерсонам, Георгию Яковлевичу Метту, Теодору Давидовичу Саксаганскому, Михаилу Яковлевичу Сонину, Толе Толмачеву, Гале Тюриной, Семену Давидовичу Фельду, Борису Сергеевичу Омину, Борису Абрамовичу и Екатерине Ивановне Фуксам, Фире Цейтлин, Льву Яковлевичу Шухгальтеру.

Спасибо им большое за все то доброе, что они сделали для меня и особенно тем, кому пришлось для этого рисковать своим благополучием и даже большим.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние 15 лет я написал ряд статей и заметок, касающихся политических и экономических проблем в СССР. Большинство этих работ были опубликованы в различных русскоязычных изданиях и прежде всего в выпусках сборника "Внутренние противоречия" - 11 статей - и в журнале "Время и мы". Заметная часть из написанного мною о СССР либо вообще не была опубликована, либо опубликована в различных англоязычных изданиях. Насколько мне известно ни одна из этих работ не публиковалась в СССР; лишь одна из моих статей, посвященная цветным рынкам в СССР, была распространена в СССР через самиздат (в обратном переводе с английского).

Поскольку все эти работы по СССР оказались разбросанными, то я решил собрать их вместе и издать в форме отдельной книги. Объем работ оказался слишком велик для издания их в одной книге определенного формата; поэтому издание разделено на три книги, каждая из которых в свою очередь разделена на несколько частей.

В первой части излагаются общие направления развития советского общества. В центре этого изложения проблема постепенной замены нынешней теократии, т.е. одномерной системы, в которой органически слились все виды властей, включая и идеологическую, многомерным обществом, в котором соответствующие размерности представлены плюралистическим механизмом, собственно демократией (в отличии от охлократии требующей участие компетентных и ответственных граждан в механизме приятия решений), разделением всевозможных властей

(идеологической, законодательной, исполнительной, юридической), открытостью и т.п. Формирование многомерного общества (о котором я говорю частично и во второй части первой книги) чрезвычайно сложный процесс, так как чрезмерные скорости развития одной размерности могут привести к несовместимости с другими размерностями и в целом к сползанию системы в пределе к одномерному образованию. К примеру, чрезмерные скорости развития многостадийного процесса плюрализации, выражающееся в быстром перескоке от снятия запретов на исследование определенных проблем, публикации различных идей, их обсуждения в профессиональных кругах к организации массовых обществ, на собраниях которых обсуждаются эти идеи и даже на разрешение демонстраций, направленных на усиление требований по воплощению этих идей, может при неразвитости других размерностей и прежде всего отсутствия демократической традиции, т.е. достаточного числа компетентных и ответственных людей, привести к хаосу. А выход из последнего в такой ситуации обычно ищется через более крутые авторитарные режимы, чем существующие.

Во второй части ведется обсуждение следующей моей гипотезы: в стагнирующей советской империи, усугубленной нехваткой потребительских продуктов, борьбой с алкоголизмом, открытым объявлением политики повышения цен на важнейшие продукты питания, угрозой сокращения порядка 13 миллионов работников, мощных сепаратистских настроениях при великодержавных националистических традициях, попытка выйти из кризиса путем активизации населения - *гласности* - может привести к торжеству русского шовинизма, т.е. в данных условиях реакционные круги могут выиграть больше, чем либеральные. Такая точка зрения резко отличается от широко распространенного мнения, что вводимая в этих условиях гласность в СССР - это хорошо, но только возможно ее еще мало.

Учитывая особую роль традиции в моей гипотезе, я значительно внимание в этой части книги (впрочем как и в других частях) уделяю развитию русского национализма и сопутствующему ему явлению - антисемитизму. Я попытался показать, что эта традиция почти не прерывалась и в советский период: менялись только лозунги, которые ее поддерживали.

В третьей части я привлекаю прежде всего внимание к обсуждению вопроса о влиянии имперских интересов на формирование структуры советского общества, выражающемся как в оправдании авторитарного политического режима, так и в глубокой милитаризации экономики страны. При этом я обращаю внимание на то, что милитаризация советской экономики не только (а может быть даже и не столько) проявляется в больших прямых военных расходах на содержание армии, но и в ориентации промышленности на быструю конвертируемость для военных нужд в ущерб мирным нуждам, а также в целом первоочередного развития отраслей тяжелой промышленности, ориентированных на создание военного потенциала. Именно в непомерной военизации советского общества, истощившей природные ресурсы, капитал и главное людей, одна из решающих причин созданного там строя и сегодняшние его проблемы; без изменения этой политики вряд ли можно ожидать глубокого разрешения накопившихся в СССР проблем.

Между тем советским лидерам весьма трудно отказаться от империи, учитывая, что она собиралась под разными лозунгами на протяжении 600 лет. Отсюда и заключительный вопрос в данной части книги: "Является ли горбачевская перестройка *передышкой* перед новым ростом военного могущества Российской империи или речь идет о смене традиции и большего акцентирования на рост благосостояния населения, плохо совместимого в сложившейся расстановке мировых сил с существованием империи?".

Центральной идеей четвертой части является борьба направлений в советской экономической науке со второй половины 50-ых годов. Парадоксальность ситуации заключается в том, что наиболее профессионально образованные экономисты, рушащие основы официальной экономической теории, по преимуществу занимаются проблемами, направленными на укрепление существующего централизованного экономического и политического режима, тогда как социально более прогрессивные экономисты, выступающие против сложившегося централизованного управления и зовущие к более действенной рыночной экономике, обременены устаревшими представлениями в области экономической теории на уровне 18-го века. Основная масса экономистов вообще консервативна и в научном и в социальном плане: она хочет на базе марксистской экономической науки, столь созвучной здравому смыслу (см. по этому поводу также часть пятую данной книги), сохранить действующую экономическую систему или в лучшем случае навести на нее косметический лоск. Такой в целом состав экономистов мало пригоден для требований радикальной перестройки стагнирующей экономики. Опыт Запада показывает, что он смог справиться с подобными задачами в 30-ые годы, так как там был Кейнс, кембриджская школа и многие экономисты были достаточно грамотны, чтобы воспринять и воплотить революционные идеи этой школы.

В пятой части книги я пытаюсь рассматривать некоторые вопросы управления экономикой в рамках парадигмы вертикальных механизмов (с подчиненностью одних экономических агентов другим) и горизонтальных механизмов (с равноправием этих агентов) в отличие от обычно принятой парадигмы "план-рынок". Последняя значительно обедняет исследование многообразия экономических механизмов. Дело в том, что среди вертикальных механизмов может быть не только планирование, но и механизм управления кейнсианского

типа, т.е. когда государство воздействует на рынок через встроены в него стабилизаторы.

В частности, в этой части книги я рассматриваю разновидность вертикального механизма, связанного с деконцентрацией и отмечаю его отличие от децентрализованных механизмов, т.е. горизонтальных. Децентрализация предполагает экономическую независимость предприятия, т.е. что ее руководители или коллектив сами финансирует его деятельность; деконцентрация означает, что в пределах подчиненности звена нижнего уровня иерархии верхнему звену последнее может уменьшать требования к числу входных и выходных показателей, задаваемых нижнему звену, а равно меньше вмешиваться во внутренние дела этого звена.

Выделение деконцентрации весьма важно не только с точки зрения создания разнообразных вертикальных механизмов гибкого типа. Это выделение позволяет также избежать идеологических ошибок, заключающихся в том, что такие категории как цены, деньги, прибыль и т.п. считаются капиталистическими; между тем они являются экономическими инвариантами: при выполнении одних и тех же функций они различаются методами их построения, т.е. с помощью центрального органа в вертикальных механизмах и через локальные взаимодействия - в горизонтальных. Шизофренический характер сложившегося в СССР планового механизма заключается именно в том, что даже при слабой деконцентрации не удалось найти способы формирования цен, увязывающих затраты с приоритетами в производстве различных товаров, устанавливаемыми центральными властями.

Осознание концепции деконцентрации вертикальных механизмов позволяет лучше понять в чем была ограниченность реформы 1965г. (только деконцентрация) и в чем дальше пошла нынешняя перестройка советской экономики (упор на децентрализацию).

Среди горизонтальных механизмов прежде всего можно различать рыночные и нерыночные (с такими институтами как университеты, фонды развития и т.п.). Если рыночные механизмы направлены на защиту интересов потребителей, на решение ими вопросов о предпочтительности спроса на те или иные товары, то нерыночные механизмы (не путать с вертикальными, так как нерыночные механизмы тоже могут быть горизонтальными) направлены на защиту интересов производителей и прежде всего творцов пионерских идей. Оба механизма нужны в развитой экономике, но в разных пропорциях на различных стадиях процесса научно-технического развития и воплощения его результатов в производство.

Далее, среди горизонтальных механизмов в СССР можно выделить такой их класс, который я именую "централизованные горизонтальные механизмы"; здесь я имею ввиду взаимные договоры между предприятиями как равноправными участниками на выпуск в детальной номенклатуре и доставку продукции в строго установленные сроки в рамках сформированных центром агрегированных показателей.

Вместе с тем я подробно разобрал множество типов рынков, которые имеются в советской экономике с точки зрения меры их легальности и контролируемости. Чтобы читатель лучше почувствовал эту типологию я дал каждому рынку определенный цвет.

Наконец в последней, шестой части, книги я рассказываю о некоторых экономистах, которые оказали влияние на формирование советской экономической науки. В центре этой части математик и экономист лауреат Нобелевской и Ленинской премий академик Леонид Витальевич Канторович. Незаурядный талант этого человека выразился не только в том, что, решая казалось бы частную экономическую задачу о лучшей загрузке оборудования фаерного треста, он решил знаменитую проблему Монжа. Немешьего понимания сути дела и главное научного мужества потребовалось

Канторовичу для того, чтобы обобщить эту частную задачу на уровень народного хозяйства, представить его модель как оптимальностную задачу и увидеть в множителях Лагранжа как в параметрах, используемых для анализа этой модели новыми математическими методами линейного программирования, ни что иное как важнейшую экономическую категорию - цены. Будучи в науке непоконформистом, Канторович вместе с тем был политическим и идеологическим конформистом (что, по-видимому, в немалой мере затормозило его дальнейшее научное развитие как экономиста): таковы гримасы советской действительности.

Итак, мне представляется, что вопросы, поднимаемые в многочисленных главах данной книги, позволяют лучше понять происходящие в СССР события. Поскольку здесь собраны работы за 15 лет, то, конечно, некоторые мои рассуждения устарели. Разумеется также, что острота моих работ частично притувлена, так как в период *гласности* в СССР стало возможным глубже обсуждать в печати вопросы, которые ранее там дискутировались весьма поверхностно (к примеру, причины появления тирана Сталина, отставания социализма от капитализма и т.п.). Скорость расширения тематики, становящейся доступной для обсуждения в период гласности, превысила все мои ожидания. В орбиту дискуссий включается советская внешняя политика, подвергается критике В.И. Ленин и т.п. "святейшие" темы, на которые еще вчера было наложено табу и казалось, что эти проблемы в обозримое время не будут разрешены для обсуждения.

И все же несмотря на сказанное мне кажется, что в целом мои работы по советскому обществу сохраняют свое значение. Действительно, несмотря на допущенную гласность некоторые существенные вопросы развития советского общества остаются пока запретными из за их чрезмерной политической остроты (в первую очередь это касается судьбы империи). Но главное, что важнейшие

проблемы, которые даже в принципе разрешено обсуждать, настолько мало разработаны в СССР, что потребуется немало времени, пока уровень их понимания достигнет мировых стандартов (к примеру, сочетание плюрализма, демократии, разделения властей, открытости в период стагнации; природа инфляции, коррупции и т.п.). Такого рода ситуация является во многом следствием в целом многолетнего отставания гуманитарных и социально-экономических наук в Советском Союзе, на преодоление которого потребуется не меньше времени, чем на его создание.

Что же касается обсуждения проблем СССР в западной советологической литературе, то в целом он был и остается несравненно выше, чем в СССР. Это не только следствие того, что по сравнению со своими советскими коллегами западные ученые могут обсуждать вопросы без оглядки. Прежде всего научный уровень советологов на Западе значительно выше, понятийный аппарат, которым они владеют, отражает достижения мировой науки, тогда как у большинства советских ученых в области гуманитарных и социально-экономических наук он базируется на идеях почти двухсотлетней давности.

Вместе с тем глубина разработки многих важнейших вопросов развития общества на Западе оставляет еще много свободного пространства для дальнейшего развития. Это касается как самых общих проблем типа формирования политической системы в виде многомерного образования, так и сравнительно частных вопросов, к примеру, природы инфляции. Причем в данном случае я говорю о необходимости дальнейшего развития самой методологии, которой владеет западные ученые. Разумеется, что при этом остаются пока еще не вовлеченные в советологические исследования некоторые аспекты советской действительности. В качестве экзотического примера можно привести такой аспект: как западному туристу, приезжающему в остающийся в

основном закрытым Советский Союз и не знающего языка, раскрыть основные черты советского общества.

Я надеюсь, что в целом данная книга, где воедино собраны соответствующие мои работы по СССР, позволит советологам углубить свою методологию, заострить их внимание к казавшимся им ясным аспектам происходивших, происходящих и могущих произойти процессов в советском обществе. В еще большей мере сказанное относится к советскому читателю этой книги, если таковой найдется.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

НЕМНОГО О СТРАШНОМ ПРОШЛОМ, СУМБУРНОМ НАСТОЯЩЕМ И ЗАТЕМНЕННОМ БУДУЩЕМ РОССИИ*

Комбинаторная советология

Среди политиков Запада, в прессе, в среде эмиграции не утихает полемика о возможных путях развития России – особенно в связи с глубоким кризисом, охватившем все стороны жизни советского общества. *Становление* после смерти Брежнева нового лидера вселяет надежды и опасения по поводу разрешения этого кризиса.

Под впечатлением работ американского политолога Е. Луттвака (E. Luttwak) я предложил двумерную матрицу для оценки остроты состояния системы и связанных с этим намерениях лидера. Размерностями матрицы являются *направленность* действия системы (ее можно подразделить на *внешнюю* и *внутреннюю*), *отдаленность* результатов этого действия (для простоты будем ее считать либо *отдаленным будущим*, либо *ближайшим будущим*, т.е. в ближайшие 4-5 лет). Каждый из четырех элементов матрицы может иметь *оценку*, характеризующую веру лидера в возможное изменение соответствующего состояния системы (для простоты будем считать эту оценку *оптимистической* или *пессимистической*).

Каждое решение лидера основывается на оценке в целом сочетания всех четырех элементов матрицы с соответствующей каждому ее элементу одной из оценок — оптимистической или пессимистической, т.е. как оценок внешней и внутренней долговременной ситуации, так и оценок внешней и внутренней кратковременной ситуации. (Доводы в пользу каждой из таких оценок см. в приложении № 1.) Число такого рода сочетаний может быть 16. (См. приложение № 2).

Каждое из таких сочетаний позволяет увидеть "чистую стратегию". В реальности обычно воплощаются "смешанные стратегии", т.е. комбинации из чистых стратегий. Значительно проще рассматривать доводы в пользу чистых стратегий. Веса, с которыми они используются в смешанных стратегиях, учесть значительно труднее. Ниже я рассмотрю доводы в пользу нескольких возможных чистых стратегий.

Так, по одному варианту лидер может пессимистически оценить сложившееся внутреннее положение на ближайшее будущее, расценивая его как результат глубокого кризиса и поэтому не веря в возможности быстрого его изменения; он также может пессимистически оценить внутреннее отдаленное будущее, так как для улучшения системы в будущем требуется ее радикальное изменение; он может пессимистически оценить внешнее отдаленное будущее для системы, так как наличие в мире трех демократических сверхиндустриальных держав (США, Японии и Западной Германии) и индустриализация Китая грозит всевозможными беспокойствами; он может оптимистически оценить внешнее положение в ближайшем будущем, поскольку страна имеет огромное преимущество в обычном вооружении и, по крайней мере, равновесие сил в ракетно-ядерном. Вследствие такого рода оценки новый лидер может в союзе с правым шовинистическим крылом поставить страну на грань катастрофы, т.е. начать искать выход во внешней экспансии, что, к сожалению, было в традициях России. В надежде, скажем, на то, что он совершит победоносное наступление на Китай, ему все

простят. Победителей не судят. Это сделает его героем и все покроет, как уже было со Сталиным, Петром, Грозным.

В "Истории государства Российского" Карамзина поразительно современно звучит очерк, посвященный Грозному. Почему люди помнят Грозного? – Потому, что он остался в памяти как человек, который еще больше централизовал Россию, захватил Новгород и Псков, Казань и Астрахань. А то, что была опричнина, что он полстраны разорил, поубивал тысячи людей – это все кажется второстепенным. (Моя покойная мама неоднократно ссылалась на слова, якобы сказанные Екатериной Второй: "Что вы говорите о людях – люди рожают людей, а вот земля не родит землю".)

Не случайно Сталин так превозносил Грозного – после Петра Первого это была идеальная для него модель. Между прочим, все трое пожертвовали своими детьми – все трое были "выше" каких-либо человеческих чувств.

Более того, в случае положительных результатов экспансии можно единить народ, получить престиж, а в случае захвата Западной Европы и Ближнего Востока с его нефтью – значительные средства для развития страны. (В отличие от Сталина, Хрущева и Брежнева новые лидеры в условиях развивающегося экономического кризиса в стране вынуждены будут в большей мере совмещать экспансионизм во имя престижа и военной мощи с экспансионизмом во имя экономических благ страны.) Естественно, что Запад предвидит такого рода сценарий и заявление некоторых западных политических деятелей, что в случае экспансии СССР будет применено тактическое ядерное оружие, может сдерживать выполнение СССР такого плана. Кроме того, убедительная победа Израиля в Ливанской войне вызывает серьезные сомнения в силе советского конвенционального оружия.

По другому варианту, лидер может считать, что в будущем СССР может стать преуспевающей страной. Наличие значительного числа образованных, талант-

ливых людей, созданная индустрия (ненужность первоначального накопления) может способствовать такой оптимистической оценке. Вместе с тем лидер по указанным выше соображениям может дать пессимистическую оценку как внутреннему положению в ближайшем будущем, так и в отдаленном будущем. При таких оценках может возникнуть весьма сложная ситуация, поскольку трудно без значительного улучшения положения в ближайшем будущем надеяться на более отдаленное светлое будущее. Трудно будет убедить население далее терпеть низкий уровень жизни; а без его подъема и несколько боязно проводить и большую либерализацию и т.п. В этой ситуации для лидера чрезвычайно важно получить значительную экономическую помощь с Запада в форме, которая не закабалит его и вместе с тем не унижает. Это довольно тонкая дипломатическая задача для Запада помочь новому советскому лидеру преодолеть трудности переходного периода. Возможно, даже, что если советское руководство сумеет дать надежные гарантии глубокого изменения направления развития страны в сторону создания свободного общества, то Западные страны могли бы дать СССР для преодоления трудностей переходного периода до половины сбережений, полученных от сокращения вооружений в этих странах.

Можно представить себе также комбинацию, когда лидер дает оптимистическую оценку ближайшему будущему. Он исходит из того, что снятие военного напряжения (улучшение отношений с Китаем и уменьшение числа войсковых соединений на китайской границе, аналогичное может быть и в Европе) позволит использовать высвободившиеся ресурсы для технического перевооружения промышленности, создания новых совершенных мощностей. Вместе с тем можно в основном сохранить (а для стабильности и даже несколько ужесточить) существующую политическую и экономическую структуру, памятуя, что централизованный механизм управления успешно справился в свое время с индустриализацией страны и ее возрождением после войны. Вместе с тем лидер по указанным выше соображениям может

оказаться пессимистически настроенным как по поводу внутреннего отдаленного будущего, так и ближайшего и отдаленного будущего во внешнем мире. Такого рода вариант может оказаться весьма соблазнительным для лидера. Но он будет опасным для страны, если происшедшие изменения не будут сопровождаться созданием условий для перехода страны в отдаленном будущем в свободное общество. Тогда разрешение назревших кризисных явлений будет только отдалено и тем с большей силой может проявиться их отрицательная роль в будущем. Латать дырявую систему, если могут предстоять бури, не самая безопасная политика.

Можно предложить разбор двух вариантов оценки новым лидером сложившейся ситуации и путей дальнейшего развития. И во всех вариантах, мне представляется, будет оставаться центральный вопрос о соотношении оценок лидером экспансионизма и кризиса страны. Политика экспансионизма, с которой СССР начал свое развитие, и которая с той или иной степенью активности и под разными лозунгами продолжается, привело к созданию мощной империи. СССР — последняя большая империя в мире; по своей территории она, по-видимому, не имела себе равных в мире. Эта империя создала мощные военные силы, которые имеют сравнимое с Западом современное ракетно-ядерное оружие и превосходство в обычном вооружении. Превосходство, заметим, временное, поскольку США в 70-ые годы сократили затраты на вооружение, а другие две ведущие индустриальные державы вообще не милитаризованы. Вместе с тем, советская империя переживает глубокий кризис. И этот кризис, говоря марксистским языком, всеобщий, охвативший все стороны жизни советского общества.

Другой кардинальной важности вопрос, который присутствует во многих вариантах дальнейшего развития СССР, касается условий для развития советской системы в будущем. Развитие системы в сторону создания свободного общества, по-видимому, требует, чтобы страна в ближайшие годы могла сосредоточиться

на решение проблем отдаленного будущего. Конечно, наиболее благоприятная ситуация для этого, когда улучшение положения в ближайшем будущем одновременно создает условия для развития системы в отдаленном будущем. Однако такие совпадения весьма трудно достичь. Улучшение положения в ближайшем будущем, если страна в тяжелом положении, требует такой огромной сосредоточенности от лидера для решения текущих вопросов, что не оставляет ему времени для решения перспективных проблем (не до жиру — быть бы живу). Поэтому в случае кризисного положения в стране так важна внешняя помощь стране извне, чтобы дать лидеру возможность сосредоточиться в большей мере на решении проблем, обеспечивающих в отдаленном будущем эффективное развитие. Соблазны предостерегают лидера на этом пути. Из-за трудностей верификации шагов, направленных на создание условий для отдаленного будущего, лидер может соблазниться помощью извне для решения текущих проблем. (Вспомним печальный опыт Польши в период Герека). Другими словами, политика полулиберализации, которую лидер может использовать для решения текущих проблем, может быть весьма двусмысленна: она может вести к созданию условий для эффективного развития страны в отдаленном будущем, а может быть только косметическим средством, которое отдалит страшную развязку. Поэтому требуется такая осторожность в ее оценке.

Данная статья не претендует на полный разбор всевозможных вариантов оценки новым лидером сложившегося положения; ее цель, прежде всего, привлечь внимание читателя к предложенной выше парадигме анализа путей развития страны. Основное внимание в статье уделяется фрагментарному анализу некоторых аспектов развития советского общества, который, возможно, сумеет помочь читателю лучше понять альтернативы, стоящие перед новым лидером. Мои замечания коснутся не только будущего России, но и ее прошлого. При этом я разделяю известное мнение, что если страна стыдится своего прошлого, то она не имеет

будущего. В свою очередь судить о прошлом страны надо не только по результирующим ее развития, но и по тому, каким образом они складывались. В этой связи представляет большой интерес книга А. Yanov, *The Origins of Autocracy*, University of California Press, 1981. В ней сделана попытка показать, что складывающаяся на протяжении многих столетий преимущественно консервативная линия развития России была результатом борьбы с противоположными, оппозиционными тенденциями, а не результатом монолитности страны.

Симптомы кризиса или легкого заболевания?

Можно привести много симптомов глубокого заболевания советского общества. Это прежде всего опустошение душ, цинизм как массовое явление. Коммунистическая идеология уже вызывает больше равнодушие, чем презрение. С этим соседствует принявший невиданный размах алкоголизм (по новой теории исторического материализма между социализмом и коммунизмом появилась новая стадия — алкоголизм), коррупция снизу доверху и сверху донизу.

В механизме политической власти симптомы кризиса видны в геронтократии, отсутствии преемственности поколений в руководстве страны. Сложилось такое острое положение, когда большинство руководителей — люди старческого возраста. Если бы в руководстве было немного старых, немного — среднего возраста и немного молодых, тогда естественно был бы процесс передачи власти. А когда власть в основном в руках старых лидеров, то больше шансов на рывок, на взрыв.

Кризис в экономике выражается не только в трудностях со снабжением населения потребительскими товарами. Впервые за 50 лет после индустриализации — за исключением периода войны — в СССР упало в абсолютном выражении производство ведущего базисного продукта — стали.

В 1978 г. было выплавлено	151 млн. тонн,
в 1979 г.	— 149 млн. тонн,
в 1980 г.	— 148 млн. тонн.

Это более страшный симптом, чем недопроизводство сельскохозяйственных продуктов — к этому СССР привык. И это всегда оправдывалось *монотонным* ростом средств производства.

Уменьшение производства ряда ведущих продуктов при резком снижении общих темпов промышленного производства сопровождалось такого рода явлениями, как истощение природных ресурсов в обжитых районах, устаревание оборудования, излишками рабочей силы при массовой ее нехватке ("диалектика советской природы").

Симптомом глубокого заболевания общества является демографический спад. Он связан прежде всего с деградацией населения. Происходит падение прироста населения также за счет роста смертности и детской смертности в особенности. Последняя не есть результат временных трудностей, связанных с созданием надлежащих условий для новорожденных. Это есть результат общей деградации поколения новорожденных. Детская смертность находится лишь на краю этого спектра вырождения: одновременно значительно возросла численность умственно-отсталых детей. Такие демографические тенденции в свою очередь связаны с растущим алкоголизмом, увеличением загрязнения среды (включая отсутствие соответствующей техники безопасности на предприятиях), предотвращение которой требует значительных капитальных вложений.

Уже приведенного списка симптомов достаточно, чтобы заявить о глубоком кризисе советского общества.

В последующем я постараюсь рассмотреть некоторые важные для меня глубинные причины такого рода болезненного положения. Я не собираюсь давать рецептов, как устранить эти причины. Но читатель меня извинит, если я иногда поддамся соблазну давать такого рода советы.

На Запад, Восток, Север, Юг, Вверх, Вниз

Всякое общество, где господствует идеология, согласно которой интересы людей устремлены прежде всего к росту благосостояния и успеху (в отличие от интровертированных обществ, где интересы людей устремлены прежде всего к внутреннему самосовершенствованию) может решать свои проблемы путем экспансии, взаимного обмена и совершенствования механизма функционирования общества. Оно не может сохранять стабильность без притока новых средств, мобильности людей и т.п. Я в этом убедился на собственном опыте. Будучи руководителем отдела в одном из академических институтов в Москве, я думал, что, поскольку в отделе сложились хорошие условия для творческой работы, то я смогу сохранить стабильность отдела без получения новых ресурсов от руководства института. У меня не было больших возможностей изыскать эти ресурсы внутри отдела в силу того, что он был для этого недостаточно велик. Люди в отделе, как во всякой живой экстравертированной системе, хотели расти, требовали более высокие оклады, новых сотрудников, поездки на конференции и т.п. Вскоре я убедился, что моя политика сохранения стабильности без притока ресурсов оказалась ложной. Идти же на развитие обменных отношений (т.е. отдавать в безликой форме работу отдела для личного пользования дирекции в обмен на большие ресурсы для отдела) я не хотел. Экспансионистскую политику я бы не смог проводить, если бы и хотел, учитывая "превосходящие силы противника".

Для экстравертированного общества в целом характерно, что доходы людей должны расти, им надо давать возможность повышать престиж и власть и т.п., а для этого нужен динамизм системы, расширение потока товаров и мобильность структуры. Между тем авторитарный режим ограничен в своих возможностях решать эти

проблемы. Авторитарный режим, стремящийся прежде всего к своему расширению и упрочению, плохо совмещается с совершенствованием механизма функционирования системы (см. подробнее часть 6-ю данной статьи). Он плохо совмещается с возможностями для развития длительных обменных отношений с другими странами, хотя бы уже потому, что несовершенный экономический механизм затрудняет производство качественных современных товаров. Менее ограничен для авторитарных режимов экспансионизм. В свою очередь, экспансионизм, истощая страну, в еще большей мере усиливает трудности совершенствования системы и развития обменных отношений с другими странами (см. мою статью во "Внутренних противоречиях", № 4, 1982).

Как и некоторые историки, я считаю, что Россия прежде всего разрешала свои проблемы путем экспансии. Совершенствование экономики страны и системы в целом, а равно обменные отношения с другими странами, преимущественно играло подчиненную роль по отношению к милитаризму. Конечно, в ходе российской истории менялись формы и причины, объясняющие экспансионизм. В этой связи интересно посмотреть на политику России в послереволюционный период.

Пути развития коммунистической экспансии. Коммунисты, исходя из необходимости победы коммунизма во всем мире, считали экспансию естественным продолжением помощи России международному пролетариату; международный пролетариат, в свою очередь, должен был помочь России строить коммунизм. Такого рода стремления русских коммунистов усугублялись еще тем, что в отличие от требований марксизма пролетарская революция впервые победила в одной стране, да к тому еще отсталой. Однако методы реализации обязательств России перед мировым пролетариатом могли быть разные. Россия могла лишь помогать пролетариату других стран устанавливать у себя коммунистический режим, а могла устанавливать в других странах коммунистический режим, пользуясь поддержкой пролетариата и вообще недовольных масс в этих странах. Эти две возможности к середине 20-х годов были

концептуализированы и озаглавлены "Перманентная революция" и "Победа социализма в одной стране". Но довольно четкое осознание среди русского коммунистического руководства остроты этой дилеммы пришло раньше и было выражено еще В.И. Лениным.

Я думаю, что в оценке Ленина как лидера революции следует различать после октября 17 года два периода, выделяя понимание им ситуации до и после 20-го года. До 19-20 года он, по-видимому, считал, что прорыв цепи капитализма в слабом месте – это удача, но удача временная. Без победы социализма в основных промышленно развитых странах нельзя даже и думать о выживании СССР. Но два-три года успешного правления и победа в гражданской войне, а также ощущение себя лидером первой в мире социалистической страны, вероятно, привели его к мысли об опасности для него революции в развитых странах, поскольку в случае таких революций он потерял бы свою роль вождя мирового коммунистического движения.

С этой точки зрения сейчас, в эмиграции, очень интересно перечитывать произведения Ленина не так, как это делалось в студенческие годы, когда приходилось с отвращением зубрить всю эту догматику, а чтобы свежим взглядом взглянуть на эти произведения, понять, чего же хотел их автор. В этом плане безусловный интерес представляет "Детская болезнь левизны в коммунизме", которую я здесь перечитал.

Меня она поразила тем, что уже на первой странице Ленин пишет, что опыт русской революции имеет международное значение, неверно думать, что это специфический опыт революции в отсталой стране". После чего следует такого рода заявление: "После победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, именно: Россия сделается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в 'советском' и в социалистическом смысле) страной". Далее Ленин призывает: Коммунистические партии, не делайте никаких революций в своих странах! Сотрудничайте с профсоюзами, научитесь соответствующим образом вести себя в парламентах –

инными словами, он призывает их как можно дальше держаться от прямой революционной деятельности. Не менее примечательно, из каких людей Ленин сформировал III Интернационал. Он был сформирован так, чтобы было признано величие России и ее руководящая роль.

И вот это-то понимание Лениным того, что в случае победы революции в других странах он потеряет власть, в огромной степени предопределило последующую сталинскую политику, нареченную затем "победой социализма в одной стране". В этом смысле Сталин действительно был верным учеником Ленина и продолжателем его дела — дела, которое называлось "коммунизм под руководством СССР".

Отсюда и вся последующая политика Коминтерна — "все, что хорошо для СССР, — хорошо для мирового коммунистического движения".

Сталин продолжил дело Ленина по расширению империи. Его успехи в этом деле известны.

Послесталинское руководство продолжало традицию расширения русской империи. Если Ленин и Сталин, по-видимому, хотели ускоренными темпами продолжать русскую традицию и добиться того, чтобы Россия правила всем миром (Сталин, возможно, был даже готов развязать для этого новую мировую войну), то послесталинское руководство, возможно, придерживается идеи развития России как мировой державы, то есть ближе к традиционной, предреволюционной русской внешней политике. Вместе с тем, послесталинская политика экспансионизма приобрела новые принципиальные черты. Прежде Россия как держава всегда расширялась за счет стран, граничащих с ней. Сталин присоединял те земли, которые он мог контролировать. Сталин шел на победу коммунистических партий только в сопредельных странах, куда он мог ввести войска. Поэтому, видимо, в свое время и была предана Испания.

Создание заморской империи. Хрущев был первым правителем, который вывел Россию на заморские терри-

тории. При Хрущеве Россия обосновалась на Кубе, в Индонезии и Египте. Это, по-видимому, стало возможным потому, что, с одной стороны, у России появились возможности создавать базы вдалеке от своих границ (выросший флот, ракетное стратегическое оружие и т.п.), а, с другой, – вместо множества сильных держав, разделивших между собой колонии, имелась лишь одна, впервые во весь рост вышедшая на мировую арену страна – США, – действующая в мире ослабших демократических стран и националистически настроенных бывших колоний.

Послехрущевское руководство в целом продолжало прежнюю политику.

Таким образом, кардинальный вопрос будущего России – это вопрос о сохранении и развитии империи. По этому поводу существует множество известных мнений, и я их касаться не буду. Меня интересует, в какой мере будущее развитие империи определит его внутреннюю структуру, какие возможны изменения, если экспансионистская тенденция не будет сразу же изменена, а будет лишь существенно приглушена с надеждой на возможное изменение в будущем.

”Сталинский коктейль”

Экспансионистской политике России-СССР подчинялись в целом все стороны жизни страны. Это отразилось и на идеологии страны, в т.ч. на отношении к религиозным и политическим институтам, патриотизму и т.п. С этой точки зрения интересно взглянуть на идеологию, развитую Сталиным.

Сталинизм как идеология представляет собой комбинацию марксизма и старой русской идеологии: веры в царя, отечество и православие.

Довольно широко распространено убеждение, что Сталин создал эту идеологию после того, как наступил перелом в войне или даже после войны. Указывают, например, на его кремлевскую речь после победы. Думаю, что это заблуждение. Сталин приступил к про-

ведению "русской идеи" в жизнь еще в 1924 г., когда он, используя в частности антисемитские приемы, добивался устранения левого крыла партии, т.е. сторонников "перманентной революции". Однако в 20-е годы "русская идея" была еще скрыта. Но в начале 30-х годов она уже всплывает на поверхность. Первый известный мне документ по этому поводу – письмо 34-го года "О некоторых ошибках в освещении истории СССР", подписанное Сталиным, Кировым и Ждановым. В чем заключался его смысл? Вспомним, что доминирующей в то время была марксистская историческая школа Покровского, с ее лозунгом "История России без царей". "Цари – ничто, народ творит историю" – таково было кредо Покровского. Подобный взгляд Сталина не устраивал. Нужно было возродить идею царя, что Сталин и сделал. Тут и возвеличивание Александра Невского, и возвеличивание Петра Первого, которые все время подаются и оцениваются как победоносные лидеры.

Любопытно, каких историков Сталин призывает в это время – Тарле, Бахрушина, Грекова, Тихомирова, т.е. ученых, которые не были ни марксистами, ни членами партии. Они были поставлены во главе советской исторической науки, чтобы дать обоснование для возврата к старой русской идеологии.

Родственники Косарева (комсомольского вождя, погибшего во время ежовщины) говорили мне, как он, вернувшись однажды домой после беседы со Сталиным, – дело происходило в 34-ом году, – рассказывал, что Сталин совершенно откровенно высказывался в том смысле, что нужно поднимать его имя ради интересов народа, а не в его личных, ради социализма.

Иначе говоря, мы видим, что происходило возрождение первого пункта "триптиха" русской идеологии – идеи царя.

Второе, что происходит в этот период, – возрождение веры в отечество, т.е. второго кита русской идеологии. Это широко известно и вряд ли необходимы особые примеры.

И третье – религия. Авторитетные историки мне говорили о наличии документа, датируемого серединой 30-х годов, об изменении отношения к священникам. Затем разгон общества "Безбожник", закрытие журнала "Безбожник". Внешние признаки этого поворота стали заметны после начала войны, в 42-м году, когда Сталин принимает патриарха, дает разрешение на открытие семинарии, хотя в то же самое время продолжается пропаганда антирелигиозной марксистской идеологии.

Мне представляется, что понимание усилившейся роли "русской идеи" уже в 30-е годы позволяет сделать попытку объяснения причин того, почему в период великих чисток, устроенных Сталиным, была все же избирательность в уничтожении различных групп населения. Почему выжили такие талантливые писатели, как Пастернак, Платонов, Булгаков, Ахматова, Зощенко. Все они умерли "в своих постелях". Думаю, что в период тогдашнего взлета коммунистической идеологии лидеру были страшны еретики, а не атеисты. Эти писатели были именно такими атеистами, т.е. они не принимали в целом советскую идеологию. Они были русскими людьми – немаловажное обстоятельство – и им можно было "доверять", т.е. руководители понимали, что эти писатели не любят советскую власть, но ничего "плохого" делать не будут. Куда страшнее были еретики, такие люди, как Бабель. Потому что он в чем-то верил в идею, но не соглашался с тем, как она осуществляется, и хотел докопаться до истоков – почему не так. Да, к тому же он был инородец. Попутно замечу, что по-видимому обратная картина наблюдается в период упадка идеологии, когда менее страшны еретики и более страшны атеисты. Поэтому будут до поры до времени терпеть Роя Медведева, а с диссидентами более антисоветского толка (как левыми, так и правыми) будут расправляться.

Таким образом, Сталин создал идеологию – какую-то "гремучую смесь", в которой, с одной стороны, "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", "У трудящихся нет отечества", "Религия – опиум для народа", а – с другой, – чуть ли не "За веру, царя и отечество!"

Казалось бы, что созданная Сталиным идеология внутренне противоречива: "три кита" старой русской идеологии полностью противоречат марксистской идеологии. Известно, что марксизм против культа личности, против идеи отечества и против религии.

Каким же образом можно было исповедовать две взаимоисключающие друг друга идеологии? Не есть ли это описанное Орвеллом "двоемыслие"?

Да, это двоемыслие. Это феномен, который можно назвать "разорванным мышлением". Оказывается, здравый смысл устроен таким образом, что люди могут воспринимать два противоположных утверждения – здравому смыслу присуща разорванность. Если "здравый смысл" не обучать, не подсказывать ему, он может явления и события рассматривать изолированно. Поясню это на примере. В СССР создана такая модель Ленина: Ленин – скромнейший из скромнейших, он отказывался принимать продовольственные посылки, отдавал последний кусок голодным детям, жил скромно, одевался скромно. И в то же время советское правительство открывает музей Ленина в Горках – бывший загородный дворец московского градоначальника, и там, среди прочего, сообщается, что Ленин приезжал в Горки на охоту. Как же скромнейший из скромнейших может иметь дворец, где он останавливается для охоты. Какое это может создать представление о нем в народе? Кто ездит на охоту в голодные годы и останавливается в подобных дворцах-усадебках? И тем не менее люди принимают обе версии о Ленине как неопровержимые.

Тот же феномен двоемыслия срабатывал и в более общем плане: обе противоречащие друг другу идеологические стороны сталинизма – марксизм и русский национализм – "покупались" массами. Официальная советская идеология представляет и сегодня тот же самый "сталинский коктейль". Неверно, на мой взгляд, утверждение, что она является целиком марксистской.

Однако по мере того, как система развивалась, ее коммунистический элемент все больше и больше отодвигался в сторону. Но чтобы лучше понять это утверж-

дение, нужно различать в коммунистической идеологии две части: цели и средства. Под целью я понимаю построение коммунизма. Коммунистические лозунги все чаще становятся предметом насмешек, а Хрущев своими обещаниями построить коммунизм за 20 лет, по-видимому, окончательно добил в СССР коммунистическую идею. Недаром самый короткий советский анекдот состоит всего из одного слова, и это слово – "коммунизм". Эта идеология обветшала, сошла на нет, у нее нет будущего.

Под средствами я понимаю планирование, организованность. Эта ее сторона созвучна русским надеждам и многие в нее верят. Поэтому под банкротством коммунистической идеологии я в первую очередь имею в виду то, что над ее идеалами смеются. Вместе с тем у многих сохраняется иллюзия, что система действенная и что ее можно существенно улучшить.

Означает ли это, что коммунистическая часть идеологии в целом может быть полностью игнорирована? Нет, коммунистические вожди продолжают ею спекулировать, хотя с таким же успехом могут спекулировать и антикоммунистической идеологией, если это нужно во имя государственных интересов. Я вспоминаю, например, разговор с одним старым коммунистом в конце 50-х годов, когда Хрущев пригласил в Москву Насера. Возмущению его не было предела: как можно было такого человека приглашать в Москву, ставить на мавзолей, давать ему золотую звезду Героя Советского Союза, когда он уничтожил у себя коммунистическую партию? Но Хрущев-то уже хорошо понимал, что помимо идеологических соображений существуют государственные интересы, интересы империи – и это-то главное.

Таким образом, советские лидеры, расширяя империю, пользуются любыми лозунгами. Это могут быть марксистские лозунги, если им нужно привлечь на свою сторону диктаторские режимы промарксистского толка, а могут быть и антимарксистские – это для них не столь важно. Важно же для них только то, чтобы

страна была готова установить у себя тоталитарный режим и находилась бы в сфере их управления. И поскольку тоталитарной стране важно не экономическое развитие само по себе, а военное, они поставляют ей оружие, а их экономическая помощь идет не на экономическое возрождение страны, а на подкармливание населения, чтобы люди не умирали с голода.

Поэтому мне кажется, что не стоит переоценивать роль коммунистической идеологии как средства, с помощью которого советские лидеры могут расширять империю.

Сказанным я не хочу отрицать значение фразеологии – она важна и во внешней и во внутренней политике. Как решал идеологические проблемы Гитлер после заключения договора с СССР в 39-м году? Казалось бы, совершенно невозможно совместить фашизм с коммунизмом в глазах народа, тем более после многих лет антикоммунистической пропаганды. И вот кто-то из сподвижников Гилера, кажется, Розенберг, предложил такую формулу: "славянский вариант фашизма". И с помощью этой формулы оправдывался идеологический союз с СССР – не коммунизм у них, а "славянский вариант фашизма".

Иными словами, когда политику необходимо облечь свои действия в определенную идеологическую форму, это может делаться весьма изощренно – мы видим это на примере с Гитлером.

Таким образом, нельзя принимать за чистую монету утрированную коммунистическую фразеологию советских лидеров. Они оперируют категориями государственных деятелей, лидеров империи, которую они представляют и хотят видеть ее процветающей в своем смысле при условии, что ни на йоту не потеряют власти.

Эволюция сталинизма. Итак, возвратимся к эволюции сталинской идеологии. По мере того, как роль коммунистической ее части уменьшалась, другая ее часть – "русская идея" – крепла, все больше набирала силу и ей-то может принадлежать будущее. Почему так опасно так называемое "русское крыло"? Пото-

му что оно имеет традицию, которая была возрождена после революции (термидор в СССР наступил очень быстро) и которая может быть продолжена. Поэтому понять эволюцию сталинизма, значит лучше понять и оценить дальнейшие шаги в эволюции страны.

Так ли уж опасен национализм? Ведь опыт многих стран во второй половине XX века связан с возрождением национальной идеи. Взять хотя бы Израиль. Я сторонник сохранения многообразия национальностей в мире и понимаю, что для этого, по-видимому, надо сохранять страны. Таким образом, национальная идея не плоха, но с условием отделения национализма от шовинизма (кстати, возвращаясь назад, вспомним, что если сначала Сталин пропагандировал русскую национальную идею, то в конце жизни он стал оголтелым русским шовинистом). Опасность национализма заключается в том, что он способен перерасти в шовинизм. Это тем более опасно в большой стране, чья военная мощь угрожает мировой войной. Это тем более возможно, когда страна находится в состоянии кризиса. Ибо при таком состоянии возникает страшная опасность, что не умеренные национальные круги, а фанатичные круги будут обладать необходимым эмоциональным зарядом для того, чтобы руководить страной. Они пойдут на многое, будут готовы на жертвы ради удовлетворения своих интересов и "спасения" страны. А в фанатизме, в искренности этих людей сомневаться не приходится. Это-то и страшно. Потому что их шовинистический фанатизм снова может принести много горя, как всякий фанатизм.

И как ни сильна роль в СССР националистической идеологии, как она ни привлекательна, все-таки нельзя игнорировать возможность развития там идеологии свободного общества, поскольку в стране имеется значительная либеральная интеллигенция, следующая великим традициям русского либерализма. Вместе с тем есть и возможность сохранить в принципе существующую идеологию, уменьшив в ней роль националистического русского элемента. Это может быть сделано заменой центростремительных сил в республиках центробежными, т.е. абсорбцией республиканских лидеров в цент-

ральной власти, при жестком преследовании национал-сепаратистов.

”Больше одного не собираться”.

Экспансионистской политике России подчиняется внутренняя жизнь страны. Некоторые правители создавали для этого более жесткую политическую систему, некоторые более гибкую. Гибкость проявлялась как в самой политической жизни, идеологии, так и в их отношении к экономической жизни.

НЭП. В этой связи, в частности, интересен период НЭПа.

Период НЭПа окружен некой романтической дымкой. Считается, что одновременно с либерализацией в экономике тогда были ослаблены и идеологические гайки, что существовали различные точки зрения в политической жизни. Это неверно. Такие мнения проистекают из недопонимания того, что НЭП был осуществлен в период, когда параллельно с экономической либерализацией происходило политическое ужесточение. По-видимому, у людей есть некоторые стереотипы, в силу которых они связывают экономическую либерализацию с либерализацией политической. Мне неизвестны случаи, когда политическая либеральная система существовала бы без либеральной экономики. Но обратное в известной мере возможно – это и опыт франкистской Испании, и опыт Югославии, и опыт Португалии. Это же и опыт НЭПа.

В своем докладе на X съезде партии (1921) Ленин одновременно с либерализацией экономики провозглашает резкое ужесточение политической структуры. Правые партии были разогнаны раньше; происходит разгон левых партий (эсеров, меньшевиков и др.) и более того – ликвидация фракций внутри единственно допустимой коммунистической партии. НЭП – это создание монолитной политической структуры. В пределе развитие этой политической структуры привело к полной атомизации общества, т.е. запрещению любых самостоятельно формирующихся организаций.

Вспоминается такой случай: в Ленинской библиотеке в Москве был прелюбопытный милиционер. Если даже два человека разговаривали, стоя в коридоре

библиотеки, он подходил и говорил: "Больше одного не собираться!" Вот образ этого милиционера с его формулой и стоит у меня перед глазами как символ атомизированной системы.

Создание жесткой политической структуры при НЭПе не надо путать с жестким идеологическим климатом. Конечно, такого рода политическая структура резко ограничивает свободы, но все же может допускать еще по инерции некоторое идеологическое разнообразие в искусстве и науке, диспуты и т.п. Но важно то, что все эти "вольности" лишены *институциональной* основы и поэтому очень легко могут быть ликвидированы.

Таким образом, несмотря на некоторые идеологические "вольности" и экономическую либерализацию, создание жесткой политической структуры опасно тем, что она *предрасположена* к появлению диктатора и даже тирана. Раз политическая власть концентрируется в руках небольшой группы лиц и даже одного лица, а всякого рода организованная оппозиция исключается, трудно что-либо сделать для ограничения власти лидеров. Ведь оппозиция должна быть институционализирована, должна иметь доступ к информации и противопоставлять реальную обоснованную программу — иначе оппозиция бесплодна и будет легко бита. Это относится прежде всего к оппозиционным партиям. Я также пытался доказывать такую политическую теорему: если существует одна политическая партия, то фракции в ней долго существовать не могут. Допущение фракций возможно только при многопартийной системе, когда лидеры партий боятся ухода людей. (Не развитием ли протестантизма было вызвано появление многообразных орденов в католической церкви?)

При НЭПе была создана структура, политически во многом определившая то, что произошло потом, т.е. появление системы единоличного лидера, в которой отсутствовал контроль за действиями лидера. Я не хочу сказать, что приход такого лидера был полностью детерминирован, что он был неизбежен. Исто-

рия СССР могла сложиться и по-другому. Но созданная Лениным и его соратниками система предрасполагала к появлению такого рода единоличного лидера. Более общий вопрос, почему была создана такая система. Произошло это прежде всего потому, что система с самого начала создавалась как теократическая, "религиозная", потому что лидеры знали истину. А раз известна истина, то зачем разрешать другие чужие истины, зачем ставить вопрос о проверке истины — можно лишь проводить инспекции для контроля за тем, как осуществляется директива, т.е. бюрократическая ипостась истины. Но проверка исполнения директивы это совсем другое дело, чем проверка того, насколько сама директива хороша. При НЭПе был полностью ликвидирован аппарат для проверки правильности самой директивы. А ведь для такой проверки именно и требуется оппозиция, оппозиция организованная, чтобы она обладала силой, могла бы выработать иное мнение и противопоставить его существующему.

Послесталинская политическая система полностью сохранила базисную структуру, заложенную Лениным и принятую Сталиным. Вместе с тем, послесталинские лидеры заметно смягчили ее и проявляли больше гибкости. Однако без модификации этой системы нельзя надеяться на длительное миролюбивое развитие страны.

В этой связи мне хочется коснуться роли демократизации и политической структуризации в этом процессе модификации.

Демократия или плюрализм. В спорах о будущем политическом устройстве России в качестве альтернативы автократизму обычно фигурирует демократический строй.

Когда говорят о демократии, то ее рассматривают как *одномерную*, а не *многомерную* систему, т.е., как правило, путают, по крайней мере, два вопроса: *плюралистичность* и вопрос о *количестве людей*, которые должны *принимать участие* в механизме принятия решения.

В развитом свободном обществе эти два момента совпадают. Но, как будет показано ниже, они могут и противоречить друг другу.

Вопрос о плюрализме – это прежде всего вопрос о *развитии* множества различных точек зрения и возможного свободного выбора между ними. Что такое свобода? Мне кажется, что свободу часто сводят только к одной стороне – к возможности выбора в настоящем из прошлого. Я думаю, что это очень ограниченное понимание свободы. Свобода, на мой взгляд, требует также, чтобы сегодня создавалось многообразие, из которого можно будет выбирать завтра. Свобода, таким образом, требует двух условий.

Принцип демократического централизма Ленина предполагал только первое из двух условий – есть многообразие мнений, давайте выбирать, а потом избранному мнению все должны будут подчиняться, т.е. говорилось о правах большинства и полностью игнорировалась защита интересов меньшинства, тех, кто будет сегодня разрабатывать новое, из которого мы завтра будем выбирать. Это меньшинство в СССР было задушено.

Мне в этой связи вспоминается подлинная история, рассказанная одним моим знакомым из Полтавы. В жаркий летний день тысячи полтовчан устремились отдохнуть на берегу реки. Добраться до реки можно практически лишь общественным транспортом. Троллейбусы были переполнены. Водитель троллейбуса на начальной остановке спросил пассажиров: "Большинство едут на пляж?" Услышав в ответ дружное "да", он сказал: "Тогда едем без остановок". Голоса меньшинства, не едущего на пляж, потонули в криках большинства. Так и остался у меня образ "демократии по-полтавски" как символ принципа демократического централизма.

Общий ход развития советской системы был направлен в одну сторону – любыми способами не допустить развития многообразия, не дать развиваться плюралистичности, ликвидировать в корне условия для возникновения разнообразных точек зрения и возможных ограничений одних другими.

Плюрализм – это не только наличие многих точек зрения, это и их взаимодействие. Поэтому плюрализм предполагает механизм отбора, т.е. каким образом будет осуществляться замена одной точки зрения другой. При этом представители одной точки зрения, преследуя свой интерес, очень зорко следят за действиями представителей другой точки зрения.

Когда отобрана одна точка зрения, остальные наблюдают, как она развивается; и если обнаруживается, что она заводит страну в ложное направление, то имеются другие подготовленные точки зрения, которые ее корректируют и заменяют. Это и есть плюрализм как динамическая функционирующая система.

Другое дело – сколько людей будет участвовать в этом процессе. Это связано с проблемой демократии.

Демократия направлена на то, чтобы в этот процесс было вовлечено как можно большее количество людей, а в идеале, конечно, желательно участие всех. Но здесь нельзя забывать об одном весьма важном моменте – компетентности людей и понимании ими важности сохранения этого плюралистического механизма. Речь здесь идет о довольно тонкой компетентности, не просто компетентности профессионалов, но и компетентности большинства, представляющего значимость плюралистического механизма. Другими словами, речь идет о разделении понятий "демократия" и "охлакратия" (т.е. власть черни, власть охламонов).

Тут есть прямая взаимосвязь с западной концепцией личности – я могу быть личностью только при условии, когда и другого признаю личностью. Я уникален, и ты уникален. В России нет этой традиции. Не случайно, что концепция privacy у русских отсутствует, и слова даже такого в русском языке нет.

Но в России, в русской деревне есть, как справедливо отметил профессор Ходак, нечто иное – образ *правдолюбца*. В России не многообразие мнений и их допустимость являются символом, а *правда*, та абсолютная правда, которая где-то существует и которую

нужно найти. И это не случайно – потому что корни другие – корни стремления к *единственности*. Это уходит в глубокую российскую традицию – вера в единственную правду.

То же отлично видно и в эмигрантской среде – нетерпение, недопонимание того, что должно быть многообразие, много ”правд”. Я наблюдал этих фанатиков ”правды”. Они так искренни в своем мнении, так абсолютно уверены, что желают людям добра, что без сомнения считают, что люди, которые с ними не согласны, являются порождением дьявола, или, другими словами, агентами КГБ. Эти фанатики одной правды, верующие люди. И отнюдь не циники. И вот это-то и страшно – они не понимают своей ограниченности.

Поэтому при такой традиции мне представляется опасным, если подобным людям дается право выбирать и быть выбранными. Эти люди могут легко породить тоталитарный режим, диктатуру – потому что они предрасположены отдать власть тому, кто скажет: ”Я знаю эту правду, единственную, а всех остальных мы ликвидируем, чтобы они не мешали нам строить этот идеал”.

Не хочу утверждать, что это удел России – это было бы неверно. Но мы знаем, что такая трагедия разыгралась в Германии после Первой мировой войны, когда недостаточная политическая культура нации, т.е. недостаточное понимание роли плюрализма, привела Гитлера к власти через механизм голосования. Это факт, что для страны с низкой политической культурой демократия Веймарской республики оказалась несчастьем: за фашистов и коммунистов голосовало более двух третей населения.

Может быть, и трагедия России заключалась в том, что когда была разрешена не просто многопартийность, но и радикальные партии, она стала добычей экстремистских сил. Можно обвинять марксистов, евреев, внешних врагов – кого угодно в том, что они принесли несчастье России. Но ведь была гражданская война, и брат шел

на брата, у людей был выбор, и люди выбирали тогда эту власть; выбор шел через гражданскую войну — нельзя об этом забывать.

Мне кажется, что в России нет глубоких корней плюрализма. И если бы в России одновременно разрешили плюрализм и демократию, то это могло бы привести к прямо противоположным результатам — к разрушению плюрализма и к созданию нового вида диктатуры.

Таким образом, при всей кажущейся, на первый взгляд, схоластичности разделения плюрализма и демократии, в этом разделении есть свой смысл. Эти понятия не синонимы. В определенных условиях они конфликтуют друг с другом. Что же России все-таки нужно: демократия или плюрализм, чем она может жертвовать быстрее — плюрализмом или демократией?

Я полагаю, что России для развития нужен прежде всего плюрализм. Именно он создает многообразие мнений, возможность взаимного контроля этих мнений и возможность эффективной замены устаревших точек зрения новыми. Отрицает ли это вообще демократию? Нет. Это поначалу лишь ограниченная, "цензурная" демократия (с ограничениями на возраст, имущественное положение, оседлость и т.п.). По мере того, как страна развивается, по мере того, как люди становятся опытнее и компетентнее — развивается и демократия. Такова история Запада. История западной демократии — это именно история цензурной демократии постепенного включения в плюралистическое общество все более широких кругов. *Демократия* — это процесс, а не состояние; процесс, который происходит в течение длительного времени и созревает долгие годы.

Попытка рывком устанавливать демократию в странах, где она не подготовлена, приводит к обратным результатам.

Что же из этого практически следует? Вопрос, по моему, стоит не так, как он обычно дискутируется: что для России лучше — демократия или авторитарный режим? Я думаю, что Россия может быть поставлена перед вопросом другим: создания элитарного

плюралистического общества, как промежуточной ступени, переходной формы. А может быть, следует начинать еще с каких-то более ранних стадий, которые уже обладают потенциалом перерастания в такое плюралистическое общество (создание плюралистической элиты). Возможно, существуют переходные формы к ней из нынешнего состояния, особенно в условиях кризиса; это вопрос конкретного политического анализа.

Некоторые мысли о пользе монархии. Мне вспоминаются слова Шкловского, что всякое новое не уничтожает старое, а лишь ограничивает сферу его применения. Как он заметил, проза не отменила поэзию, а лишь ограничила ее область. Я думаю, что в политике очень большой ошибкой является стремление радикалов ликвидировать старые институты вместо того, чтобы уяснить, в чем заключается их роль и попытаться их ограничить.

Сказанное прежде всего относится к королевскому институту.

У меня был очень интересный разговор с норвежским математиком Нюгардом, членом социалистической партии Норвегии. Мы обсуждали с ним, помимо прочего, вопрос о монархии. Я его спросил: "Зачем вам нужен король? Это — дворец, большие расходы на содержание, а страна у вас маленькая. Можно было бы иметь президента — и это только офис, милая секретарша и кадиллак для представительства". Но на это он мне ответил так: "Нет, Король нам нужен. Норвежский король напоминает нам об истории страны, о том, как бароны систематически ограничивали власть короля, как опасно поддаваться соблазнам иметь сильного короля, который будет "над". Память о том, что мы не поддались соблазну и ограничили власть короля для нас исключительно важна и это одна из причин, по которой мы "держим" короля".

Возьмем роль английского короля или королевы. Они — символ страны, национальный институт чрезвычайной важности. Когда королева устраивает прием,

и бывший в опале человек появляется на нем, — это и есть социальная реабилитация. Так, кажется, произошло с Профьюмо — он был реабилитирован в глазах общественности после приглашения на прием к королеве.

Социальные функции монархии огромны. Когда-то хорошо сказал И.Р. Шафаревич, что очень важно иметь в обществе два института такого типа — один, который нужно хвалить, и другой, — который нужно критиковать. Нельзя делать один и тот же институт одновременно объектом и любви, и критики — это очень тяжело. Поэтому запрет критики английского короля или королевы — это некий символ того, что объединяет, интегрирует народ. Хотите критиковать — есть парламент, правительство — критикуйте. Как бы есть что-то непреходящее, ценное, как десять заповедей. Можно менять законы как угодно, но что-то должно быть святое, что должно чтить.

Необходимость сохранения королевской структуры как символа единства страны осознавалась многими людьми.

Интересен разговор Томаса Джефферсона с группой французских революционных деятелей накануне революции — 1787 (или 88 году?), когда он был послом США во Франции. Во время этого разговора он им, в частности, сказал: "Только не уничтожайте короля!" А ведь Джефферсон представлял страну, которая отказалась от создания королевской власти. Он сам был убежденным республиканцем, республиканцем чистейших кровей. Но он глубоко понимал важность сохранения в определенных странах старых институтов при ограничении их власти (так это произошло в Англии, Норвегии, Швеции).

Милюков сразу же после Февральской революции заявил, что трагедия России — это ликвидация царя (не конкретного царя, не конкретной династии, а самого института). В стране, где личность монарха играла такую большую роль, это было опасно. И большевики это мгновенно поняли. Николая Второго быстро заменил Ленин, который эксплуатировал образ "народного

царя". Известная картина "Ходоки у Ленина" – самое наглядное тому свидетельство.

Генерал Макартур в послевоенной конституции для Японии сохранил институт императора.

С рассматриваемой точки зрения, я должен заметить, что Франко был совершенно необычным человеком. Конечно, неприлично хвалить диктатора, но его политическое провидение достойно комплиментов. Этот деятель, уходя, сумел создать переходный режим и поставил у власти Карлоса. Вместо себя он поставил не другого диктатора, что было бы неостроумно – он поставил ограниченного в своей власти короля. И мы видим, как это блестяще сработало для развития демократии в Испании.

С другой стороны, если говорить об Иране, то в чем была кардинальная ошибка иранской революции? На мой взгляд, – в том, что она уничтожила институт монархии. Может быть, был плох шах, может быть, была плоха династия, но институт нельзя было уничтожать. Как только он был уничтожен, образовавшийся вакуум заполнил Хомейни. А по сравнению с Хомейни шах – архилиберал.

Поэтому в странах, где существуют давние традиции почитания роли лидера, крайне важно эти традиции чтить и сохранять.

Замечу, что в народе Сталина и других советских лидеров воспринимали как царей. Я сам был несколько раз тому свидетелем. Помню, однажды в Москве я стоял на остановке такси. Ко мне подошла пожилая женщина и стала спрашивать, как проехать в Новодевичий монастырь. "Хочу, говорит, – поклониться царю Никите. А потом, – говорит, – поеду на Красную площадь и поклонюсь царю Владимиру". Мне рассказывали о подобном же случае в Кировской области, когда крестьянка во время войны называла Сталина "царем Иосифом".

Таким образом, как это странно не прозвучит, я сторонник возрождения в России конституционной монархии; последнюю не нужно путать с "монархической конституцией". При конституционной монархии

институт монарха лишь один из многих институтов, формирующих плюралистическую политическую структуру страны, т.е. наряду с монархом существуют выборный парламент и формируемая им исполнительная власть, независимая судебная власть, множество партий, свободная пресса и т.п. При "монархической конституции" монарх с помощью введенной им конституции создает иллюзию структурно развитой политической системы; фактически он единолично правит страной.

Конечно, после 65 лет отсутствия в СССР монархии предложение возродить этот институт может показаться странным и невозможным. Однако мне кажется, что в этой связи стоит обратить внимание прежде всего на другой аспект проблемы: *опасность* возрождения в стране монархии, поскольку конституционная монархия легко может быть заменена "монархической конституцией".

Гибрид "государственных" формаций.

Созданная при Сталине и в принципе сохранившаяся экономическая система была ориентирована на экспансионистское развитие страны. В соответствии с этой целью была сформулирована экономическая система: ее структура и механизм функционирования.

Экономическая система, созданная Сталиным, представляет собой причудливую смесь различного рода экономических структур. Из общих соображений можно сказать, что каждая страна формирует свою экономическую систему как синтез всевозможных экономических структур, взятых в различных пропорциях. Если использовать марксистскую терминологию, то эти структуры будут соответствовать экономическим формациям. Впрочем, я не знаю как определить социалистический способ производства: в целом он, по-видимому, является, как некоторые полагают, государственным капитализмом: это отличие от "государственной первобытной общины", "государственного рабства" и "государственного феодализма".

Итак, с учетом сказанного, можно считать, что в сталинской экономике в промышленности была использована прежде всего система государственного капитализма. Но и эта система имела черты "государственного феодализма", так как с 1940 г. были резко ограничены возможности свободного перемещения работников с одного предприятия на другое. Что касается сельского хозяйства, то с созданием колхозов там был введен "государственный феодализм". Колхозы явным образом основаны на такой разновидности феодализма, как барщинная система. Эта система, по-видимому, наиболее удобна, чтобы отделить крестьянина от продукта его труда.

Что касается строительства, то в нем преобладало "государственное рабство" в виде трудовых лагерей. При этом, кажется, Сталин изобрел два новых массовых источника рабства: собственных военнопленных и мнимых крупных преступников, т.е. осужденных за мелкие преступления на несообразно большие сроки. (К примеру, мне рассказывала главный инженер одной из швейных фабрик в Москве, что работница этой фабрики в сталинское время была осуждена на 5 лет трудовых лагерей за воровство 200 метров нити: охранники нашли в ее пальто неполную катушку ниток. Аналогичный пример приводит А. Солженицын в "Архипелаге Гулаг".)

Плановая централизованная экономика оказалась неспособной к интенсивному развитию на базе технических достижений. Эта система была пригодна прежде всего для решения экстраординарных задач быстрого создания военного потенциала, т.е. для экстенсивного развития во имя ясной ограниченной цели.

Для научного прогресса нужно плюралистическое политическое общество с *плюрализмом источников финансирования* новых изысканий. Эффективное при-

менение научно-технических достижений возможно прежде всего при наличии независимых людей (коллективов), готовых брать на себя риск внедрения нового. При наличии монистической идеологии и одного источника финансирования науки трудно ожидать пионерских научных идей.

Внедрение нового через план встречает большие сложности. При централизованном планировании оценка выполнения плана определяет судьбу руководителя предприятия. Между тем определить по чьей вине невыполнен план производства, если план предполагает внедрение новой техники, весьма трудно: это может быть и по вине руководителя и из-за недоработок новой техники. Другое дело планирование на известной технике: здесь легче и выполнить план, и определить виновного в его среде. Я думаю, что близость отношений между советскими руководителями и создателями новой военной техники обуславливалась также и тем, что руководители хотели иметь доверенных людей, людей, которым они могли доверять по поводу причин возможных неудач в создании нового. Но ведь невозможно для лидеров страны быть близкими со всеми создателями нового!

Мне представляется, что если бы не было надобности в научно-техническом развитии и его реализации через людей (а не ангелов или компьютеров), то современный уровень развития науки дал бы основание для оптимистического заявления, что можно создать близкую к идеальному централизованную систему планирования (с учетом даже стохастики). Положение в экономической науке в этой связи напоминает мне положение в физике накануне сороковых годов, когда стало ясно, что атомную бомбу в принципе можно создать. Но поскольку в развитии экономики все большую роль играет научно-техническое развитие, и оно осуществляется через людей с ограниченными возможностями к познанию каждым из них в отдельности, с человеческими страстями (стремлением к престижу, монополии и т.п.), то требуется создание такого механизма, который даст возможность развития науки

и техники при данных условиях. Создание социальных условий для научно-технического прогресса в свою очередь, затрагивает сферу производства не только потому, что там есть люди, которые должны внедрять достижения науки и техники, но потому, что нужно финансировать их дальнейшее развитие из разных источников. Другими словами, речь идет о том, что и в сфере производства необходимо иметь самостоятельные организации.

Я бы хотел в этой связи заметить, что критика института частной собственности (ниже я его заменю более общим определением), особенно со стороны радикальных групп, ведется без учета ее роли в создании плюралистических источников финансирования нововведений. При этой критике преимущественно обращается внимание, и часто весьма справедливое, на возбуждающее массы чрезмерное неравенство в доходах и богатстве населения, во вредности единоличного принятия решений частным собственником, слабой координации хозяйственной активности отдельных собственников, распыленности ресурсов и т.п. Для устранения этих недостатков частной собственности предлагается ввести общенародную собственность, которая представлена народным государством (либо диктатурой пролетариата). При наличии такого рода собственности можно будет лучше координировать активность хозяйственников путем обязательного для них плана; концентрировать ресурсы на ведущих направлениях, не допуская их распыления; контролировать сверху принимаемые хозяйственные решения, чтобы устранить произвол руководителей предприятий; устранить неравенство в доходах и богатстве работников.

Внедрение такого рода предложений по концентрации собственности в руках государства, даже если бы оно частично устранило указанные недостатки, приводит к еще более серьезным трудностям, нежели те, которые могли бы быть отнесены за счет частной собственности. Концентрация собственности в руках государства приводит к удушению плюрализма не только в политике, но и в других сферах социально-экономической жизни.

ни. В общем можно сказать, что частная собственность не является достаточным условием для сохранения свободного общества. Можно привести примеры стран, где господствовала частная собственность, но являвшихся автократическими (Испания при Франко). Однако, как отмечал Милтон Фридман, неизвестны примеры свободного общества без частной собственности.

Приведенные примеры были сделаны в рамках широко известного противопоставления частной и государственной (общенародной) собственности. Между тем с точки зрения ведущегося нами рассмотрения условий для развития плюралистических структур достаточно иметь *децентрализованную* собственность, противопоставляемую централизованной. Понятие децентрализованной собственности шире понятия частной собственности. Децентрализованная собственность может включать разнообразные формы, в т.ч. кооперативную, коммунальную, профсоюзную, частную собственность (в смысле собственности, принадлежащей одному лицу-семейству), акционерную (в частности, с рассредоточением акций между множеством акционеров). Централизованная собственность – есть собственность государства. Она может быть разной меры *концентрированности*, т.е. принадлежать либо федеральному правительству, либо регионам на разных уровнях иерархии. Концентрированность собственности я тем самым отличаю от ее централизации с точки зрения того, принадлежит ли она разным уровням власти – мера концентрации – или отдельным частным группам (в пределе лицам) – мера централизации.

Таким образом, критика частной собственности (в смысле собственности отдельных лиц) может вестись с разных точек зрения. Идеальным казалось бы иметь собственность, сконцентрированную и централизованную в руках государства, которое, в свою очередь, представляет интересы народа. Между тем, как уже выше отмечалось, такого рода концентрация и централизация собственности душит плюрализм со всеми вытекающими отсюда последствиями. Необходима децентрализация и деконцентрация собственности как условие для плюра-

лизма (последнее, конечно, не исключает известной роли государственной собственности, но явно играющей подчиненную роль). Выбор конкретных форм децентрализованной и деконцентрированной собственности и их пропорций является проблемой, решаемой в каждой стране в соответствии с ее условиями. С этой точки зрения интересен опыт Израиля, где развиты многообразные формы собственности, как то: кибуцная, машавная, частная, профсоюзная и др. (Мне помнится, что еще Жюль Мок обращал внимание на многообразие форм собственности в Израиле как на важнейшую особенность развития этой страны.)

* * *

Из всего сказанного я пришел к заключению, что глубокая болезнь, поразившая советское общество, есть результат действия системы, которая 65 лет истощает ее людей, природные ресурсы и капитал. Кардинальный вопрос, который возникает в связи со сказанным, имеет ли советское общество силы для преодоления болезни или оно патологично. Под *патологической* понимается структура социальной системы, при которой власть не способна или не желает, а народ не может устранить препятствия, мешающие его развитию. * В этом случае только внешнее радикальное вмешательство может изменить такую патологическую структуру.

Мне кажется, мне хочется надеяться, что в стране есть силы, которые могут вывести Россию из затянувшегося кризиса, т.е. что советское общество не патологично. Для эволюции СССР в сторону свободного общества может потребоваться много времени. Но важно начать и по возможности достижения в этом направлении делать устойчивыми. И, как я уже отме-

* Проблема патологии социальных систем была предметом специального курса для аспирантов, проведенного профессорами Р. Аккоффым, Д. Гараджедахи и мной зимой 1981 г. в Пенсильванском университете.

чал, альтернативы, которые стоят перед новым лидером и связаны прежде всего с ответом на вопрос о возможности излечения советского общества. Альтернатива для нового лидера состоит прежде всего в том, начнет ли он процесс изменения структуры или сохранит ее. Конечно, как всегда есть промежуточные варианты – латать систему. Последнее, как я уже выше отмечал, очень коварно, так как может создать ложную надежду на исцеление. Латание может быть в одеянии полулиберализма и выглядеть как начало исцеления. Между тем вслед за латанием может наступить еще большее опустошение душ людских со всеми вытекающими отсюда последствиями.

ДОВОДЫ В ПОЛЬЗУ ОПТИМИСТИЧЕСКИХ И ПЕССИМИСТИЧЕСКИХ ОЦЕНОК СИТУАЦИИ

Внешняя ситуация				Внутренняя ситуация			
Долговременная		Кратковременная		Долговременная		Кратковременная	
Оптимист.	Пессимист.	Оптимист.	Пессимист.	Оптимист.	Пессимист.	Оптимист.	Пессимист.
Тенденции в западных странах к интравертированности (на этой основе пацифизм, отрицание научно-технического прогресса и т.п.)	Экономическая мощь трех западных сверхиндустриальных держав и предполагаемая индустриализация Китая	Преимущество СССР в конвенциональном оружии	Неясность последствий от возможного применения Западом тактического атомного оружия в случае советской экспансии	Расширение либеральной интеллигенции при наличии индустриального общества	Необходимость радикального изменения социально-экономической системы	Возможность роста за счет уменьшения военной нагрузки и децентрализации экономики	Истощенность страны за 65 лет советской власти

**ВОЗМОЖНЫЕ КОМБИНАЦИИ
ОЦЕНОК СИТУАЦИИ**

№№ ком- бинации	Внешняя ситуация		Внутренняя ситуация	
	Долго- временная	Кратко- временная	Долго- временная	Кратко- временная
1	+	+	+	+
2	+	+	+	-
3	+	+	-	+
4	+	-	+	+
5	-	+	+	+
6	-	-	-	-
7	-	-	-	+
8	-	-	+	-
9	-	+	-	-
10	+	-	-	-
11	+	+	-	-
12	-	-	+	+
13	-	+	-	+
14	+	-	+	-
15	+	-	-	+
16	-	+	+	-

† оптимистическая оценка;
— пессимистическая оценка.

ОБ ОТКРЫТОСТИ СССР*

В данном докладе я попытаюсь высказать некоторые свои соображения по таким аспектам жизни советского общества как его взаимодействие с другими странами. Мери открытости СССР к этому взаимодействию я ставлю в центр своего рассмотрения.

Некоторые определения.

Устроители данной конференции предлагают общепринятое деление мира на три лагеря: Запад, страны социализма и слабо развитые страны.

Какой же критерий положен в основу этого деления. По-видимому, это деление удовлетворяет во многом двум критериям: мере агрессивности страны и мере развитости ее экономики. Хотя можно привести примеры, когда отдельные страны третьего мира не менее агрессивны чем страны социализма (Ливия, нынешний Иран), более экономически богаты (в расчете на душу населения) чем самые развитые страны (нефтяные эмираты), однако указанное деление стран будет в целом удовлетворять приведенным двум критериям. Последнее иллюстрируется следующей матрицей:

* Доклад, представленный на четвертой ежегодной конференции Селуанского (Sewanee, Tennessee) экономического симпозиума "Рыночные экономики, плановый коммунизм и третий мир", 3-5 марта, 1983г.

Мера развитости экономики	Мера агрессивности страны	
	Сильно	Слабо
Сильно	СССР	Демократические страны Запада
Слабо	Арабские страны	Ряд африканских, азиатских и латиноамериканских стран

Принимая в качестве основной классификацию, предлагаемую руководителями конференции, я вместе с тем по ходу изложения материала буду ее дополнять рядом других классификаций.

Прежде всего с точки зрения предмета данной конференции интересно выделить такой критерий как **открытость**. Выявление меры открытости позволяет нам лучше увидеть многообразие путей взаимодействия стран, различать одностороннюю и двухстороннюю открытость страны, которые в свою очередь могут касаться как "входов" в страну, так и "выходов" из нее. Под односторонней открытостью, касающейся "выхода", я понимаю экспансивность страны, ее стремление к захвату других стран. Под односторонней открытостью, касающейся "входа", я понимаю привлекательность страны для захвата ее другими странами.

Под двухсторонней открытостью подразумевается ситуация, когда страна одновременно разрешает "вывоз" различных "ингредиентов" в обмен на "ввоз" других. Это выражается в обмене информацией, людьми и товарами (и сопутствующими им денежными потоками) между странами.

Как всякий процесс, взаимодействие между странами протекает во времени. Условно я разделяю проблемы открытости страны на долгосрочные и краткосрочные (текущие). Хотя это деление условно, однако оно может позволить нам лучше понять специфику длительно действующих факторов, определяющих открытость стран, и отделить их от лабильных, текущих флюктуаций, являющихся во многом результатом текущих политических маневров.

Классификация стран по критерию открытости не жестко связана с принятым делением стран на три лагеря. Не приходится уже говорить о том, что в странах третьего мира имеются страны с различной мерой открытости, скажем, от такой открытой страны как Индия до такой закрытой страны как современный Иран. Да и среди стран социалистического лагеря различия, на мой взгляд, прежде всего проявляются в мере открытости страны. Сравнение СССР, Польши, Венгрии, Югославии, расположенных в порядке возрастания меры открытости этих стран, показывает какие существенные различия могут быть между странами при наличии в них весьма схожей однопартийной политической системы.

Если взять Западные страны, то хотя они все открыты, но мы видим и между ними разницу. Эта разница, в частности, проявляется в том, есть ли в стране силы, толкающие ее к изоляционизму. Хотя эти стремления далеки от требования построения китайско-берлинских стен, они весьма различны и влияют на политику страны (в частности доктрина Монро в США напоминает об этом).

Открытость и демократичность страны.

Демократия предполагает открытость страны. Но открытость не предполагает демократии. Испания при Франко была авторитарным государством. Между тем страна в огромной мере была открытой. То же самое

можно сказать о такой стране социалистического лагеря как Югославия.

Если теперь посмотреть на внешнеполитический курс различных стран или одной страны в разные периоды времени, то видно, что при установлении курса на открытость требование открытости страны-партнера или ее демократичность могли играть существенную роль. Рассмотрим это на примере отношений США и СССР в 60-е - 80-е годы.

Отношение СССР к открытости страны в начале 70-ых годов. Что касается советских лидеров, то их отношение к открытости- демократизации страны к концу 60-х годов, по-видимому, диктовалось следующими соображениями. В данный период руководителям стало ясно, что попытка совершенствования системы невозможна без снятия напряжения в империи и уменьшения роли Коммунистической партии. Вместе с тем многие лидеры страны хорошо помнили сталинизм и боялись возврата к нему. В этих условиях сохранить систему и избежать соблазна возврата к сталинизму как способа решения насущных проблем, т.е. растущих потребностей в потребительских продуктах и современной военной технике, можно было через существенное улучшение отношений с Западом. Покупка на Западе зерна и современной технологии, давала возможность латать дыры в старой системе. Конечно, за улучшение отношений с Западом нужно было платить большей открытостью страны. Советские руководители готовы были пойти на эту жертву. При этом практическое игнорирование Западом процесса демократизации СССР давало советским лидерам возможность эффективно бороться с внутренним диссидентством. При Сталине диссиденты (даже потенциальные) бесследно исчезали. При Хрущеве диссидентство еще не было развито: люди надеялись на либерализацию страны сверху. Лидеры страны прямо

заявили через процессы над Сириянским и Даниелем, что они будут преследовать либеральное движение. Как ответ на процессы началось диссидентское движение в стране. Но необходимость некоторой открытости страны заставила новых советских руководителей более гибко решать проблемы диссидентства. Была выбрана ленинская тактика решения проблемы, т.е. "смешанная стратегия". Одних диссидентов насильно, без их согласия, высылали, других принуждали эмигрировать, в том числе "по израильской визе" (т.е. сразу же в СССР их лишали гражданства), третьих отправляли в тюрьмы и трудовые лагеря, четвертых - в психиатрические клиники (само по себе неприятие лучшего в мире советского режима - очевидный довод для диагностирования психической неполноценности). Наконец, часть диссидентов была подкуплена - возможностью работать над интересными научно-техническими проблемами, ездить за границу и т.л.

Отношение США к "открытости" СССР в 70-ые года. В конце 60-х годов, в период, когда в США стали резче осознавать угрозу атомной войны (в частности, в связи с серьезными дискуссиями между советскими и американскими руководителями о возможной превентивной войне против Китая), когда бремя расходов на вооружение и Вьетнамская война вызвали серьезные внутренние протесты, проблема поиска новых путей к мирному сосуществованию великих держав стала для США весьма актуальной. Решающая дипломатическая задача, которая была тогда поставлена американскими лидерами, сводилась к поиску путей к тому, чтобы приоткрыть СССР, т.е. увеличить как "ввоз" в СССР всевозможной информации и товаров, расширить обмен специалистами и туризм, так и вывоз из СССР научной информации, эмигрантов, сырья. Что же касается проблемы демократизации СССР, т.е. признания в СССР "Прав Человека", то эта проблема была отодвинута на второй

план. По-видимому, авторы этой политики считали, что если удастся "приоткрыть" СССР, то вслед за этим там пойдут процессы демократизации. Споры нет, даже при приоткрытости страши ее лидеры чувствуют себя более ограниченными, поскольку вынуждены считаться с общественным мнением свободных стран. В свою очередь это мнение резко усиливается при приоткрытости страши, когда слыши голоса протеста изнутри страны. И, наконец, общественное мнение в свободном мире более настоятельно требует демократизации в СССР, когда лучше виден действительно существующий там порядок.

Известно, что сила многих религий заключается в том, что они обещают спасение и светлую жизнь в раю, т.е. дают обещания, которые не поддаются проверке. Желание людей верить в такое будущее столь сильно, что они готовы принимать эти обещания на слово. Желание многих людей видеть рай на земле также очень сильно. Эти люди готовы поверить, что такой рай можно построить на базе коммунистической идеологии - научного коммунизма. СССР объявил себя первой в мире страной, где строится коммунизм. Но поскольку этот рай создается на земле, то люди могут хотеть видеть результаты этого "строительства". Закрытость страны является лучшим средством предупреждения излишнего любопытства со стороны друзей и врагов коммунизма. Регулируя въезд и выезд из страны, можно вербовать таких "паломников", которые будут нести нужные слова миллионам желающих видеть рай на земле. Приоткрытие СССР в огромной мере способствовало разрушению мифа о создании там рая.

Один из видных американских либералов, человек талантливый и безукоризненно честный, сказал мне, что он начал серьезно разочаровываться в советской системе в конце 60-х годов, когда услышал голоса недовольства оттуда, т.е. голоса советских диссидентов. До этих пор он считал, что западная пропаганда в своей ненависти к коммунизму преувеличивает отрицательные

стороны советской действительности. Он считал, что если в СССР было бы так уж плохо, как пишут в западных газетах, то народ так или иначе дал бы об этом знать.

Аналогичное явление было с Китаем. Теперь остались только две коммунистические страны полностью закрытые от мира. Это Северная Корея и Албания. Не случайно именно эти страны стали Меккой для некоторых левых групп на Западе.

Вместе с тем при сохранении в СССР авторитарной системы довольно легко всегда закрыть страну и с помощью методов насилия и подкупа придушить те ростки протеста, которые появились в период большей открытости.

Отношение администрации Картера к открытости СССР. Хотя при администрации Картера продолжалась политика "детанта", однако уже во главу угла была поставлена борьба за права человека. Эта политика проводилась крайне непоследовательно и не одинаково по отношению к разным странам. Например, резко подверглась критике за нарушение прав человека такая открытая страна с заметными элементами демократизма как Иран и одновременно установились дружеские отношения с такой закрытой авторитарной страной как Китай. Конечно, если бы США удалось добиться соблюдения "Прав Человека" в авторитарных странах, демократизировать их, то это имело бы решающее воздействие на ход истории, могло бы позволить избежать многие конфликтные ситуации (см. об этом несколько ниже при изложении проблемы совместимости стран). Однако если даже предположить, что демократизация страны извне мирным путем возможна, то этот процесс должен быть чрезвычайно длителен. Если верить в возможность этого процесса, то допустимо предположить, что приоткрытие страны является для этого необходимым условием.

Во всяком случае можно сказать, что если во имя сохранения мира на земле необходимо иметь демократические режимы в ведущих странах, то процесс мирной демократизации авторитарных государств, в том числе извне, требует разработки глубоких стратегий. Конечно, разработка этих стратегий западными странами весьма сложно, поскольку в свою очередь в каждой из них идут свои внутренние изменения. Совместимость этих внутренних изменений с сохранением длительного стратегического курса на демократизацию СССР при наличии текущих изменений в последнем задача неимоверной сложности.

Советский Союз крайне отрицательно реагировал на попытки администрации Картера принудить его к демократизации. Но поскольку сохранялись для СССР выгоды детанта, то советские лидеры терпели наскоки США. К тому же эти наскоки были не систематические и нерешительные. Вполне возможно, что несистематичность и нерешительность администрации Картера в целом стимулировали СССР к захвату Афганистана. И как часто бывает при непоследовательной политике риторика в сторону СССР сменилась после афганских событий крайними действиями администрации Картера (и в первую очередь введение эмбарго на продажу зерна). В конце администрации Картера и с приходом администрации Рейгана произошел заметный переход к политике конфронтации СССР. В свою очередь, советские руководители одновременно вновь существенно закрыли СССР к потокам информации, людей и товаров и усилили внутри страны антидемократические акции.

"Односторонняя открытость СССР".

Я разделяю мнение ученых, что отличительной характеристикой СССР, продолжающей российскую традицию, является прежде всего стремление к "односторонней открытости по выходу". Двухсторонняя

открытость играла преимущественно подчиненную роль и использовалась как средство для решения стратегических задач, вытекающих из этой односторонней открытости. Проще говоря, СССР является экспансионистской страной. Действительно, правительство страны, где культура населения носит экстравертный характер (т.е. направлена на изменение среды с целью повышения качества жизни), должно обеспечить условия для удовлетворения этих потребностей людей. Рост благосостояния народа, допущение к управлению способных людей может быть достигнуто как за счет внешней экспансии, так и совершенствования механизма управления страной. В последнем случае правящая элита должна существенно жертвовать своей властью либо добровольно, либо под натиском народа. История России - это история страны, в которой народ и сама элита, как правило, не могли заметно уменьшить власть правящих кругов. Они в лучшем случае готовы были откупаться, идти на более гибкую политику, но не терять своей власти, т.е. не вводить демократический механизм со смещаемой властью, выбирать представителей власти из достаточно широкого круга людей при широком и расширяющемся участии в этом населения страны. В силу этого экспансионизм стал главным средством решения всевозможных назревших проблем развития страны.

При этом российский как и советский экспансионизм имеет общие и специфические черты. Пожалуй, специфическими чертами можно считать различное отношение к изменению структуры захваченной территории со стороны Российской и Советской империй. Россия, как правило, оставляла сложившуюся политическую структуру на захваченной территории во многом такой какой она была. Отсюда такое многообразие политических структур в Российской империи: от Бухарского Эмирата до "полусвободной" Финляндии. Советское правление, поскольку оно поначалу носило революционный

миссионерский характер, свело все к одной форме правления. То же самое делал Сталин и в подчиненных странах Восточной Европы. По-видимому, Сталин вообще пытался создавать стабильную систему из унифицированных стабильных форм правления. Такая система представляется наиболее простой для управления, в особенности если все усилия надо подчинить в обозримом будущем одной цели - военной экспансии. Вместе с тем, как и следует из общих кибернетических соображений, эффективная система, стремящаяся к длительному развитию на основе внутреннего совершенствования, должна строиться на принципе разнообразия как в структуре частей, так и в мере их автономности, при этом следуя общему принципу создания стабильной системы из нестабильных элементов. В послесталинское время, когда экспансионизм принял менее агрессивный характер, а советские лидеры отказались от миссионерской роли, сохранение и развитие Советской империи уже сопровождалось сравнительно большей гибкостью. Это выразилось в "разрешении" довольно существенных различий в режимах в Румынии, Венгрии, Польше и т.д., хотя все они далеки от довоенных режимов - от режимов, бывших в этих странах до подчинения их СССР.

Вместе с тем в экспансионистской политике СССР и России сохранились общие черты. СССР, как и Россия, в своем имперском рвении захватил как страны, в экономическом отношении более развитые, чем он сам, так и менее развитые. (Экспансия Франции и Англии как империй обычно сводилась к захвату менее развитых экономических стран.) Так, СССР захватил Чехословакию - одну из наиболее экономически развитых стран Европы. Попутно хочу отметить, что СССР, как и Россия, захватывали многие страны, которые экономически были менее развиты чем метрополия, но имели более развитую историю, более старую культуру. Для этого достаточно сравнить

возраст Москвы и столиц ряда союзных республик. Если Москве немногим более 800 лет, то Тбилиси - больше 1500 лет, Самарканду - 2500 лет, Еревану - 2750 лет. Таким образом СССР имеет предысторию захвата стран, которые могли бы быть причислены сегодня как к странам третьего мира, так и к развитым странам Запада.

Наконец, можно указать на такое явление, когда русский и советский экспансионизм на одних этапах развития имели общие черты, а на других - специфические. В качестве примера можно привести отношение в России и СССР к захвату новых территорий в зависимости от их граничности с империей.

Экспансия и граничность стран. Для России и СССР дохрущевского периода было характерно стремление к захвату новых стран, которые имели с ней непосредственную границу. Даже захват Россией земель в Америке удовлетворяет этому критерию. Если и были исключения, то они носили довольно случайный характер. К примеру, формальной причиной Крымской войны (в 50-е годы XIX века) был конфликт по поводу раздела имущества в Палестине. Сталин не стремился к захвату территорий, не имеющих границ с СССР. Исключения составляли Югославия и в каком-то смысле Испания. Возможно, что Сталин потому так быстро предал Испанию, что представлял себе трудности, которые бы могли возникнуть, если бы в Испании победили коммунисты.

Хрущев был первым российским "царем", который реально начал осуществлять как постоянную политику превращения СССР в заморскую державу. Дело не в том, что у России традиционно не было заморских притязаний. Они были. Но Россия не могла себе позволить этого, т.к. не могла конкурировать с такими сильными странами как Англия, Франция, Испания, Португалия, Голландия (а потом Германия), которые

эти заморские территории уже присвоили. Россия кроме того делала акцент прежде всего на сухопутную армию. Морской флот России не был достаточно силен, чтобы противостоять флоту стран, создавших заморские империи. К середине 50-ых годов XX века в мире сложилась иная ситуация. С одной стороны, Россия стала высокоразвитой индустриальной державой с мощным флотом и ракетами. С другой стороны, после развала колониальных империй единственной страной в мире, которая реально может противостоять СССР, стали США. В этих условиях советские лидеры сочли возможным начать новый этап в развитии Российской империи: превращение ее в заморскую державу. Проникновение на Кубу, в Египет, Индонезию были первыми шагами на этом пути.

Как правило, СССР искал в третьем мире страны, в которых освобождение завершилось созданием авторитарного режима (такие совпадения довольно часты). Лидер такого режима, как правило, был руководителем национально-освободительного движения и был настроен антизападно. Советский Союз не преминул объявить таких лидеров "братьями" и широко раскрывал им свои объятия. У такого лидера, уже окруженного ореолом национального героя, в принципе есть возможность дальнейшего увеличения своего престижа через повышение благосостояния народа. Но на эффективное экономическое развитие требуется длительное время и ограничение власти лидера, а это не совмещается с диктаторством. И тогда остается военная экспансия. Советский Союз тут как тут. Он всячески поддерживает агрессивность такого лидера, помогает ему вооружаться. Наконец наступает решительный момент, когда вооруженный до зубов лидер бросается в атаку. Но часто противниками таких лидеров оказываются сильные страны, которых к тому же поддерживает Запад. Тогда этот лидер начинает терпеть поражение. Боязнь со стороны Советского Союза непосредственного вмешательства в этот

конфликт, зачастую приводит к тому, что такие лидеры становятся его заклятыми врагами. Эта враждебность может быть временной и опять смениться "любовью", т.к. у такого лидера нет альтернатив, а может продолжаться и довольно длительное время. Во всяком случае, если посмотреть на эволюцию отношений между СССР и многими автократическими режимами третьего мира, то увидим, что они довольно близки к указанной схеме. К примеру - отношения СССР с Египтом или Индонезией в 50-70-е годы.

Надо также заметить, что экономическая помощь странам третьего мира со стороны СССР играет для этих стран второстепенную роль по сравнению с военной и лишь частично способствует развитию их экономики и культуры. Как правило, советские промышленные товары, проекты сооружений не отличаются высоким качеством. В этой связи мне особенно хочется обратить внимание на следующий факт. Поскольку Советский Союз помогает преимущественно автократическим странам, то лидеры этих стран рассматривают и экономическое развитие прежде всего с точки зрения расширения своего престижа. Такой лидер заинтересован в грандиозных экономических проектах, которые могут быть связаны с его именем - тем самым он как бы увековечивает себя. Экономическая целесообразность этих проектов играет при этом второстепенную роль.

Советский Союз охотно помогает осуществлять такого рода проекты. Судьба таких проектов, как правило, печальна (например, судьба Асуанской плотины в Египте).

Некоторые идеологические аспекты создания колониальной империи. СССР является последней крупной империей в мире. Именно имперские интересы прежде всего определяют сейчас поведение советских руководителей. Мне представляется, что коммунистическая идеология играет при этом

третьестепенную роль. Любые доводы будут приняты советскими руководителями, если они могут помочь расширить империю.

Когда Хрущев в 1958 г. начал проникновение в Египет, Насер был приглашен в Москву. Он получил высшую советскую награду - звание Героя Советского Союза и высший престиж - стоял на мавзолее Ленина во время демонстрации. Между тем незадолго до своего приезда в Москву Насер практически уничтожил коммунистическую партию Египта. Я помню возмущение группы старых коммунистов поведением Хрущева. Этим коммунистам было невдомек, что Хрущев - государствешик, что он прежде всего печется об интересах России.

Между тем в послереволюционный период роль коммунистической идеологии была решающей в деле формирования империи. Можно полагать, что прежде всего именно благодаря коммунистической идеологии удалось удержать основную часть Российской империи и превратить ее в СССР. Именно такие аргументы как будущее всех стран - это коммунизм и лучше совместно строить это будущее оправдывало удержание бывших частей Российской империи в рамках Союза Советских Социалистических республик. Что же касается дальнейшего расширения Российской империи, то после Октябрьской революции по этому вопросу возникли серьезные разногласия. Мне представляется, что политика Ленина после 1919 г. была преимущественно направлена на то, чтобы добиться победы коммунизма под эгидой России. Именно в этом и был, на мой взгляд, смысл теории "победы социализма в одной стране", выдвинутой Сталиным - великим продолжателем дела Ленина. Теория "перманентной революции" Л.Троцкого напротив требовала быстрой победы социализма во всех странах, если потребуется, чтобы Россия во имя этого "сгорела в пожаре мировой революции", то дело социализма этого стоит.

Сталин в последующие годы под влиянием идеи господства России над миром все больше отходил от обоснования ее гегемонии коммунистической фразеологией и все большее значение как во внутренней, так и во внешней политике придавал государственным Российским интересам.

Н.С. Хрущев и последующие руководители СССР продолжали сталинскую политику расширения империи, но без непосредственного стремления к мировому господству. При этом все большую роль играли собственные интересы России, чем коммунистические лозунги. Этому способствовал еще раскол между СССР и Китаем, т.е. появление двух независимых центров коммунистического движения. В этих условиях советским лидерам стало труднее мотивировать целесообразность своей политики: что хорошо для СССР - хорошо для всего мирового коммунистического движения.

Односторонняя открытость к "входу". Рассмотрим теперь другую сторону военных взаимоотношений СССР (как и России): нападений на страну. На СССР, как и на Россию, напали в прошлом как страны, которые сейчас в лагере Запада, в т.ч. Франция, Германия, так и страны, которые могли бы войти сейчас в страны третьего мира - я имею в виду татаро-монгольское нашествие. В СССР жива память об этих нашествиях, и в любое время правительство может использовать это для оправдания своих санкций против советских народов, предки которых участвовали в таких нашествиях.

С другой стороны, советское правительство вынуждено всячески "крепить дружбу народов СССР". Поэтому оно часто вынуждено прошлые столкновения между народами, живущими сейчас на территории СССР, рассматривать как трагическую междоусобную войну братьев. В частности, такая

проблема возникла при праздновании 600-летия битвы на Куликовом поле.

Таким образом, история СССР хранит память как о захвате других стран, так и о нападении на СССР других стран, которые в настоящее время могли бы быть отнесены к разным лагерям.

Двухсторонняя открытость СССР.

Мера открытости страны во многом связана с ее совместимостью с другими странами. Разделим грубо все страны на демократические и тоталитарные. Можно предположить, что наиболее совместимы в длительной перспективе демократические страны. Как показывает опыт последних двух столетий, демократические страны не воюют между собой. Наименее совместимы крупные тоталитарные страны. Это объясняется прежде всего тем, что интересы этих стран близки, и эти интересы лежат в области экспансии. Между ними - взаимоотношения между тоталитарными и демократическими странами. Длительные прочные отношения между ними невозможны из-за различий в целях и средствах развития. Однако отношения между такими странами могут быть относительно более устойчивыми чем между крупными тоталитарными странами. Сказанное можно проиллюстрировать на примере советско-американских отношений, с одной стороны, и советско-китайских отношений, - с другой. Для СССР враг номер 1 - Китай, а для Китая враг номер 1 - СССР. Такого рода отношения между крупными тоталитарными странами толкают их на путь автаркии, на путь замыкания. Чтобы страна процветала, она, вообще говоря: должна быть включена в международное разделение труда, быть открыта к новым идеям и т.п. Конечно, это делает страну зависимой от других стран. Но поскольку и другие страны становятся зависимыми от данной страны, то при соответствующей мере взаимной зависимости может

быть достигнута ситуация, при которой каждой стране гарантируется безопасность.

Но такого рода условия развития страны требуют отказа от экспансионистских устремлений. Если страна имеет их, она не может зависеть от других стран: она будет стремиться к автаркии. Авторитарный режим способствует такого рода экспансионистской политике, замыканию страны.

Таким образом, в длительной перспективе страны с тоталитарным режимом вынуждены строить свою политику преимущественно на закрытости. Лучшим примером этому является развитие СССР в сталинский период. Решив в короткие сроки индустриализовать страну, Сталин пошел на кратковременное улучшение отношений с западными странами. Без западного оборудования и специалистов невозможно было в короткий срок обеспечить быстрое создание промышленности. Интересно отметить, что в этот период героем Сталина был Петр I. Как только индустриализация была вчерне завершена, Сталин немедленно закрыл страну. Иван Грозный становится героем Сталина.

Рассмотрим более конкретно почему в длительной перспективе СССР стремится к закрытости, какие трудности мешают открыть страну. При этом будем исходить из того, что СССР является тоталитарным государством в том смысле, что ему не только тотально принадлежит все в стране - товары, природные ресурсы, информация, люди и т.п., - но и что оно тотально контролирует все "входы" и "выходы" страны. Только государство может принимать решение о том, что разрешается ввозить в страну и что вывозить - от товаров до людей.

"Выход". Люди. Наиболее сложно в длительной перспективе обеспечить открытость СССР для широкого выезда людей. Конечно, выезд может быть разрешен на различное время. Наиболее сложно

тоталитарным странам разрешить эмиграцию. Страна, которая стремится к экспансии, рассматривает эмиграцию как резко отрицательное явление по многим причинам - это и потеря нужных для войны и охраны оккупированных территорий граждан, это боязнь укрепить противников, к которым могут уехать эмигранты, это утечка информации о стране и т.п. Россия имеет длительную историю крайне отрицательного отношения к эмиграции.

Более 130 лет назад А.И.Герцен, сравнивая Европу и Россию, писал, что в отличие от Европы, человек, эмигрировавший из России, считается там предателем.

СССР знал периоды, когда по тем или иным причинам разрешалась крайне ограниченная эмиграция. Прежде всего несколько замечаний по поводу принудительной высылки людей из страны, т.е. принудительной эмиграции. Вскоре после революции, кажется, самой строгой мерой наказания для советского коммуниста была принудительная его высылка из первой в мире страны, где строился коммунизм. Высылка Троцкого из СССР рассматривалась как очень тяжелое для него наказание. В последующие годы при Сталине негодных людей не высылали из страны: их уничтожали. Лишь в 70-е годы советские руководители вернулись к ленинской практике насильственной высылки негодных из СССР (Солженицын, а также другие диссиденты, обмененные на советских шпионов и т.п.).

Наряду с принудительной высылкой из страны в СССР в отдельные периоды практиковалась "полупринудительная" высылка. Это относится к тем диссидентам, которых по каким-то причинам невыгодно было изолировать в СССР (держать в тюрьмах, лагерях, психиатрических клиниках). Этим людям давали выбор: либо Восток, либо Запад. Человеку практически ничего не оставалось как соглашаться на отъезд на Запад.

Что касается добровольной эмиграции, то в ограниченном виде она разрешалась преимущественно в начале 20-х годов и затем в 70-е годы (для лиц, не имеющих в СССР исторической родины, секретности и т.п.).

Однако все эти "волны" эмиграции, как я уже выше отмечал, противоречат долговременным устремлениям лидеров существующей политической системы.

Что касается разрешения на выезд в другие страны на несколько лет с целью получения там работы или на учебу, то тоталитарные страны такие возможности людям практически не предоставляют. Это вызвано либо тем, что они сами испытывают нехватку в работниках, либо из-за страха, что эти люди, вернувшись обратно (а может быть и не все вернуться), принесут с собой дух чужой идеологии.

Постоянный выезд из СССР ученых и специалистов на несколько месяцев представляет большой и более долговременный интерес для СССР, т.к. дает возможность получать новую научно-техническую информацию. Однако на этом пути встречаются существенные трудности. Они связаны с тем, что как по идеологическим, так и по финансовым соображениям (нехватка валюты) СССР резко ограничивает выезд советских ученых в страны, входящие в другой лагерь. Поездка за границу "социалистического лагеря" огромное вознаграждение для ученого. Это не только возможность повидать свободный мир, но еще и возможность купить дешевые товары, которые в СССР весьма высоко ценятся. Если принять во внимание, что при принятии решения о выезде ученого учитываются и его политическая лояльность, и его отношения с руководителями учреждений, то возможности поездок за границу для подлинных ученых крайне ограничены.

В научные командировки на сравнительно короткие сроки, т.е. на несколько месяцев, как правило, посылаются ученые среднего уровня. Под командировки такого рода ученых бюрократия пытается подвести

внешне рациональное, респектабельное обоснование. Бывший руководитель иностранного отдела Центрального Экономико-Математического Института Академии Наук СССР К.Горфан примерно так объяснял мне неофициальную позицию отбора ученых для выезда за рубеж. Плохих ученых, говорил он, не стоит посылать, так как они не поймут что делают ученые Запада и к тому же могут дискредитировать нас. Хороших ученых нельзя посылать: они могут рассказать на Западе, что мы делаем нового - и это плохо. Лучше всего посылать средних ученых: они, с одной стороны, поймут что надо, а с другой, - не расскажут ничего важного.

Массовый туризм в страны "чужого" лагеря - затруднен по тем же соображениям - идеологическим и из-за нехватки валюты.

Информация. Что касается вывоза идей, то Советский Союз в этом очень заинтересован, особенно когда идет речь о "превосходстве советской системы". Советский Союз тратит значительные средства на экспорт пропаганды по радио, через газеты и т.п. Попутно замечу, что советская пропаганда все в большей мере стремится убедить людей в других странах не столько в преимуществах советской системы, сколько в величии России. В особенности это относится к вывозу идей, адресованных миллионам беженцев из СССР. СССР, потеряв в значительной мере престиж в коммунистическом движении, привел к значительному ослаблению этого движения в западных странах. Огромную роль в этом сыграли разоблачение Сталина, венгерские и чешские события. Теперь Советский Союз пытается возместить потери созданием новых опорных центров среди бывших советских граждан, прежде всего бежавших из СССР после Второй Мировой войны.

Вместе с тем СССР принимает все меры к тому, чтобы информация об истинном положении в стране не проникла за рубеж. Отсюда такая повышенная

засекреченность, направленная прежде всего на сокрытие слабостей страны. Вместе с тем засекреченность достижений в условиях бюрократической системы приносит стране огромный урон. Многие достижения в военной промышленности, которые не являются секретными в западных странах, в СССР объявлены сверхсекретными и не могут быть использованы в мирных отраслях промышленности. Советские лидеры это понимают, и насколько я знаю, А.Н.Косыгин в бытность свою Председателем Совета Министров СССР пытался что-то делать, чтобы облегчить "движение" технологии из военных в мирные отрасли. Но бюрократия оказалась сильнее его.

Товары. Говоря о вывозе товаров, прежде всего надо выделить оружие. Советский Союз является крупнейшим экспортером оружия в страны третьего мира и террористам всех мастей. Вывоз современного оружия - наилучший способ подчинения страны, ввозящей это оружие, поскольку пользование им требует присутствия в стране советских военных консультантов, закупку запасных частей к этому оружию, обучение в СССР военного персонала, эксплуатирующего эту технику.

Вывоз из СССР оружия в страны третьего мира сопровождается и вывозом туда советских промышленных товаров. Страны, попавшие в орбиту торговли с СССР, лишены возможности торговать с Западом и вынуждены приобретать советские промышленные товары. Не приходится уже говорить о льготных условиях, которые СССР создает при покупке этих товаров. Между тем хорошо известно, что промышленные товары СССР, предлагаемые странам третьего мира, очень низкого качества - они не выдерживают мировых стандартов.

Посмотрим теперь почему СССР не может расширить торговлю с западными странами. Явно, что эти страны не станут покупать советское оружие, а СССР не будет им его продавать из-за общей

конфронтации между режимами. С этими странами СССР может торговать лишь "мирными" товарами.

Почему же СССР в длительной перспективе не может расширить экспорт мирных товаров в западный лагерь? Мне представляется, что одной из решающих причин, мешающих увеличению выпуска товаров на экспорт, является все то же пресловутое стремление к экспансии. Посмотрим как конкретно связывается экспансионизм с экспортом.

Начнем с возможностей экспорта природных ископаемых. СССР имеет богатейшие запасы минеральных ресурсов, леса и т.п. Однако обеспечить добычу и вывоз в массовом масштабе этих товаров не удастся из-за их отдаленности и отсутствия развитых коммуникаций. СССР нужно сделать огромные вложения для разработки этих ресурсов. Эти средства он бы мог получить на Западе в обмен на часть произведенных ресурсов. Но Запад прекрасно понимает, что это поставило бы его в рабскую зависимость от СССР, т.е. дало бы СССР ключ к экономике этих стран со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями. Нефтяное эмбарго США со стороны группы недемократических стран третьего мира в 70-е годы наглядно продемонстрировало как опасно демократическим странам давать возможность контролировать важные отрасли своей экономики недемократическим странам. Дискуссия вокруг газопровода из СССР в Западную Европу также свидетельствует о важности понимания ограничения на экспорт сырья из СССР.

Рассмотрим далее возможности производства на экспорт промышленных товаров. Что касается потребительских товаров "недлительного пользования", то для того чтобы производить такого рода товары, нужно развивать сельское хозяйство и легкую промышленность. Это требует значительных капитальных вложений. Капитальных вложений не хватает, поскольку они вкладываются в военную

промышленность, и поэтому эти отрасли развивать невозможно. Кроме того, капитальные вложения в сельское хозяйство и легкую промышленность не могут быть в полной мере конвертируемы для производства военной продукции. А с позиции милитаристских интересов более целесообразным считается развитие тех отраслей, которые могут быть легко переведены с производства мирной продукции на военную.

Возможности экспорта из СССР промышленных товаров длительного пользования также ограничены. С одной стороны, вывоз этих товаров мог бы быть выгоден для СССР, так как эти товары можно производить на мощностях, легко переводимых на военные нужды. С другой стороны, - объем импорта таких товаров не может быть угрожающим для экономики стран-импортеров. Решающей причиной, тормозящей экспорт промышленных товаров из СССР, является их низкое качество, не позволяющее конкурировать с товарами, производимыми на Западе. Причины же низкого качества советских товаров весьма многообразны. Это и результат того, что планирование основано на идее непрерывного роста объема производства; руководители предприятий, чтобы выполнить растущие требования к объему производства, вынуждены нарушать технологию и ухудшать качество продукции.

Мне рассказали работники одного московского часового завода следующую историю. После войны Сталин на совещании работников часовой промышленности спросил, что нужно сделать для улучшения качества советских часов. Один из участников совещания ответил: хотя бы на год не требовать роста производства часов. Сталин якобы согласился с этим требованием.

Особое внимание надо обратить на причину низкого качества продукции, связанной с военной направленностью промышленности. Качество промышленной продукции характеризуется множеством

факторов и одним из них является возможность достаточно длительного использования продукции. Я не хочу вдаваться здесь в оценку качества советских танков, самолетов, автотранспорта и т.п. Можно полагать, что по крайней мере до Ливанской войны качество военной советской техники считалось достаточно высоким. Между тем с военной точки зрения совсем не требуется длительный срок службы танка, самолета, автотранспорта и т.п. В условиях войны срок службы техники сравнительно короткий: он измеряется несколькими месяцами. Поэтому с точки зрения потенциала производства военной техники целесообразно затрачивать дополнительные ресурсы на существенное удлинение срока службы этой техники. В мирных же условиях важно иметь трактора (на этих же мощностях производятся танки), самолеты, автотранспорт, которые могут надежно работать несколько лет.

Таким образом, улучшение качества промышленной продукции, которую СССР мог бы экспортировать, требует серьезной перестройки концепции развития советской промышленности: вместо роста производства любой ценой и его военной направленности необходимо перенести акцент на развитие промышленности, направленной прежде всего на обеспечение мирных нужд населения.

"Вход". Люди. СССР не имеет проблемы приема эмигрантов из других стран: уровень и условия жизни в СССР не стимулируют людей эмигрировать в эту страну. СССР по очевидным причинам может быть заинтересован в привлечении на длительное время молодежи в качестве студентов как с Запада, так и в особенности из стран третьего мира. Возможно СССР также может проявить интерес к привлечению рабочей силы из последних. Баланс рабочей силы в СССР будет напряженным на обозримое будущее. Это вызвано, с одной стороны, низким уровнем производительности

труда, а с другой, - падением рождаемости и особенно и прежде всего среди наиболее подготовленных к индустриальному труду групп населения (славян, прибалтов). Использование растущего мусульманского населения затруднено не только их нежеланием переселиться в Россию, где имеется большая потребность в рабочей силе, но во многом и неподготовленностью этого населения к выполнению индустриальных работ. Не приходится уже говорить о том, что для советского правительства, по-видимому, нежелательно быстрое промышленное мусульманских окраин: оно бы предпочло более быстрое развитие русских районов.

Что касается посещения Советского Союза учеными и специалистами из других стран на срок в несколько месяцев, то к этому СССР проявляет долговременный интерес. Русское гостеприимство и почтение к иностранцам помогает этому: профессионал из заграницы чувствует себя в СССР весьма привилегированным и почитаемым человеком, тогда как у себя на родине он рядовой человек, к которому со стороны окружающих нет никаких дел. Однако возможности реализации посещений СССР западными профессионалами ограничены хотя бы уже из за чрезмерной засекреченности советских исследовательских организаций и предприятий и нежелательности приезда людей с западной идеологией. Кроме того, западные ученые часто проявляют и общечеловеческие интересы к свободе и т.п. ценностям и в силу этого отказываются посещать СССР.

Что касается туризма, то СССР, с одной стороны, заинтересован в его развитии. Туризм приносит не только иностранную валюту, но делает возможным увеличить число сторонников СССР: краткое время пребывания в стране, полностью занятое на ознакомление с ее достопримечательностями, оставляет у многих туристов положительное впечатление о стране. С другой стороны, СССР по ряду причин

сторожится широкого развития иностранного туризма в страну: туризм требует больших вложений в отрасль услуг, которую, как выше отмечалось применительно к потребительским товаром, нежелательно быстро развивать из за неконвертируемости в военное производство. Иностраный туризм также оказывает отрицательное влияние на местное население: трудно полностью пресечь контакты между местным населением и туристами, так как все большее число советских людей изучают английский язык, а туристы - русский. При массовом развитии иностранного туризма для такой пуританской страны как СССР встает проблема балансирования двойного стандарта жизни для иностранцев и советских граждан. Западные туристы привыкли к тому, что в стране имеются возможности для ночной жизни, а советских граждан нельзя пускать в ночные заведения; усложняется борьба с проституцией, фарцовщиками и т.п.

Информация. Советский Союз крайне негативно относится к проникновению всякой информации, непосредственно носящей идеологический характер. Вместе с тем здесь возникло парадоксальное положение. Наибольшая угроза проникновения западной пропаганды идет от радио. Казалось бы проще всего это проникновение можно приостановить путем кабельного радио; оно может иметь несколько каналов для удовлетворения нужд различных культурных групп населения (я сам видел в одной из московских квартир такого рода радиоточку). Между тем в СССР широко развито производство и продажа коротковолновых приемников. Хотя диапазон коротких волн на них лимитируется (не ниже 25 м.), уже имеющегося достаточно, чтобы схватывать враждебные радиоголоса (не приходится уже говорить о том, что весьма нетрудно модернизировать такой радиоприемник и расширить диапазон коротких волн). В этих условиях приходится идти на довольно дорогие средства глушения западных передач на СССР, дорогие не только

экономически, но и политически. Почему же сказанное происходит? Кому выгодна такая страшная борьба с проникновением западной пропаганды? Мне кажется, что ключ к этому опять же лежит в военной политике. Дело в том, что желательно, с одной стороны, и в мирное время использовать военные мощности радиотехнической промышленности, хотя бы для того, чтобы готовить соответствующие квалифицированные кадры. С другой стороны, нужно каким то образом покрывать выплачиваемую заработную плату работникам.

Аналогичная ситуация имеет место с магнитофонами. Несколько лучше положение обстоит с телевизорами, так как Запад почему то пока не вещает на СССР.

Крайне отрицательно относясь к проникновению в СССР идеологической информации с Запада, советские руководители весьма положительно относятся к восприятию научно-технической информации из Западных стран. Прежде всего СССР заинтересован в "ввозе" пионерских научных идей, достигших стадии приложений. Нужно отметить, что хотя в СССР количество ученых сравнимо с их числом в США, эти ученые очень мало продуцируют пионерские идеи. Небольшое число в СССР лауреатов Нобелевских премий (а равно в известном смысле аналога их в математике в виде Филдсовских премий) известное подтверждение этому.

Причины нехватки пионерских идей кроются прежде всего в организации научной системы. Во всех странах пионерские идеи встречают сопротивление со стороны научных кругов хотя бы уже потому, что новое весьма трудно понять из за его недостаточной разработанности, а также тем, что новое во многом обесценивает ценность имеющихся идей и стоящих за ними людей. Чтобы новатору легче было преодолевать сопротивление коллег в стране должна быть внедрена плюралистическая идеология, подкрепленная плюрализмом источников (множественностью

независимых источников) финансирования. Ученый должен иметь возможность свободно пропагандировать свои идеи как в своей стране, так и зарубежом, а равно финансировать свои исследования из разных источников, включая сюда и свои собственные средства. Между тем в СССР пионер новых идей, которые как всякие новые идеи еще не продемонстрировали свою практическую значимость, может быть сравнительно легко устранен. Это обусловлено тем, что в стране, где государственные и идеологические институты слиты (т.е. имеет место теократия) создан идеологический климат, при котором новатор может быть обвинен в отклонении от марксистско-ленинской идеологии со всеми вытекающими отсюда последствиями (известные ситуации с генетикой, кибернетикой, математическими методами в экономике и т.п.). Что же касается финансирования работ, то оно осуществляется бюрократическим путем из одной организации, т.е. отсутствует плюрализм в источниках финансирования новых работ.

Таким образом, СССР крайне заинтересован в ввозе научно-технических идей в силу того, что идеологический климат и связанная с ним система финансирования не допускает плюрализма. В дополнении к этому следует добавить и нехватку средств для вложений в совершенствование технологических процессов при условии, что неэффективное ведение хозяйства сопровождается растущими затратами на военные нужды.

Естественно, что СССР заинтересован отделить импорт нужных научно-технических идей как от проникновения западной плюралистической идеологии, так и от диссидентского движения в СССР. Для СССР идеальным был бы ввоз идей через всевозможные роды его разведывательных служб. Но, увы этого недостаточно и главное дорого. Далее желателен был бы ввоз идей в виде публикаций, патентной информации и т.п., которые к тому же легко можно засекретить (чтобы не создавать у широких кругов

инженеров впечатления об огромных успехах западной науки и техники), а не через общение советских специалистов и западных. СССР боится выезда специалистов в демократические страны, равно как и приезда в СССР западных ученых, поскольку трудно разделить специалиста и личность. Но, к сожалению, научно-техническая сфера развивается людьми и контакты между ними играют решающую роль в повышении эффективности этой сферы.

Товары. Советский Союз не стремится в длительной перспективе к резкому расширению ввоза товаров из стран, принадлежащих к другим лагерям, исходя из указанного выше стремления к автаркии. Но кроме того Советский Союз и не может ввозить много товаров. Для того, чтобы ввозить товары надо за них платить. Если сохраняется действующая система, то Советский Союз может платить преимущественно золотом и валютой, вырученной от продажи сырья (в особенности нефти), производимого на собственном капитале. Но такого рода источника для импорта недостаточно.

Советский Союз мог бы попытаться увеличить импорт в виде ввоза иностранного капитала. Этот капитал мог бы быть использован как для расширения производства сырья (вспомним дебаты в самом начале 70-ых годов по поводу американских вложений в нефте-газовую промышленность Сибири, японских вложений в угольную и лесную промышленность Сибири и т.п.), так и промышленных товаров (к примеру, обсуждение Фордом возможности строительства в СССР завода по производству грузовиков). Советский Союз мог бы за счет экспорта сырья и промышленных товаров, произведенных за счет иностранного капитала, оплатить импорт нужных ему средств для развития этих мощностей.

Однако такого рода возможности расширения открытости СССР к "входам" с Запада упираются в общую проблему совместимости СССР и развитых демократических стран. Отсутствие гарантий

соблюдения СССР договорных обязательств в длительной перспективе делает западные вложения в советскую экономику крайне уязвимыми. Не приходится уже говорить о том, что немало других препятствий возникает на этом пути, вызванных также военной ориентацией СССР. Приведу пример. Западная фирма могла бы построить завод по производству грузовиков в СССР. Возврат кредита шел бы в виде определенной части производимых грузовиков. Эти грузовики западная фирма, скажем, могла бы экспортировать в прилегающие к СССР азиатские страны. Но такая фирма должна была бы иметь гарантию высокого качества продукции. Одним из условий для этого бы соблюдение технологии и организации производства, разработанных в проекте этой фирмы. Последнее, в свою очередь, потребовало бы, чтобы в руководстве предприятия были представители западной фирмы. Но советские руководители вряд ли согласятся на такое условие, хотя бы уже потому, что завод по производству грузовиков неизбежно будет вовлечен в военное производство: не только у него будет мобилизационный план на случай войны с соответствующим для этого дополнительным оборудованием, но он будет в той или иной мере производить текущую военную продукцию, как это сейчас и делают все советские автомобильные заводы. Но возможно ли допускать иностранцев к военным секретам?

СССР как великая держава преследует цель роста. Рост страны может идти как счет прежде всего внутреннего ее совершенствования, так и путем внешней экспансии. В последнем случае внутреннее развитие страны играет подчиненную роль. СССР, следуя русской традиции, преимущественно преследует цель роста за счет внешней экспансии. Пока СССР будет следовать этой политике, он будет стремиться к

замкнутости, автаркии. Больше или меньшее приоткрытие страны будет диктоваться тактическими соображениями.

Заявления Брежнева в начале 70-ых годов, что взаимоотношения СССР и США должны развиваться так, чтобы их взаимная открытость расширялась и стала необратимой, остаются, по-видимому, только благими пожеланиями. Советский режим с его экспансионистскими устремлениями не может открыть страну настолько, чтобы эта открытость стала необратимой; он открывает страну настолько, чтобы обеспечить обратимость процесса, чтобы легко было закрыть страну, если в этом будет необходимость.

Лишь отказ СССР от расширения империи как главной политической линии является необходимым условием для того, чтобы стремление к расширению открытости стало долговременным фактором развития и тем самым необратимым. Конечно, это условие недостаточное. Можно представить себе другую крайность, когда отказ от расширения империи и даже больше отказ от самой империи, но на базе фундаментализма, может привести к изоляции страны (последнее, примерно и предлагал А.И.Солженицын). Но такой изоляционизм противоречит росту страны.

Сохранение СССР таких долговременных ценностей как стремление к росту может быть совмещено с открытостью, если в стране радикально изменится отношение к роли совершенствования системы, когда оно из средства, предназначенного прежде всего для расширения милитаризма, станет в основном средством для повышения благосостояния страны.

Я не могу ответить на вопрос, произойдет ли в СССР в обозримое время такой перелом в средствах обеспечения роста. Но я также не могу доказать, что такой перелом невозможен.

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О ПОЛЬЗЕ АРИСТОКРАТИИ И МОНАРХИИ.

Моя политическая философия следует принципу, что если появился политический институт и он сохранился в течение длительного времени, то это означает, что он выполнял важную функцию в интеграции общества. Поэтому надо бережно относиться к этому институту и быть осторожным с его уничтожением.

Всякого рода рациональные рассуждения о пользе ликвидации этого института могут быть ограниченными, поскольку они не могут учесть всего многообразия его влияния на интеграцию общества. Конечно, есть институты, которые могут направлять развитие страны в сторону нежелательную для её народа. В особенности это связано с институтами, которые стремятся к тому, чтобы выполнять слишком много функций одновременно и в пределе даже полностью узурпировать управление страной, как это имеет место, к примеру, в теократиях. Мне представляется, что такого рода институты по возможности не следует уничтожать: важно акцентировать внимание на то, чтобы ограничивать постепенно их власть путём введения новых институтов.

Я думаю, что в политике часто ошибочным является стремление радикалов ликвидировать старые институты вместо того, чтобы уяснить, в чём заключается их роль и попытаться их ограничить.

Сказанное прежде всего относится к двум таким институтам как аристократия и монархия.

О пользе аристократии.

Общепризнанным является в современном цивилизованном мире негативное отношение к институту аристократии. По-видимому, из развитых стран лишь Англия сохранила аристократические титулы. Критика аристократии, в особенности наследственной, была обусловлена прежде всего тем, что она приводит к образованию замкнутого элитарного слоя, который руководит обществом.

Между тем в СССР сейчас имеется мнение, что аристократия может быть полезна для развития страны. Прежде всего нужно отметить, что в стране коренным образом изменилось отношение к старой русской аристократии. В 20-е-30-е годы советские люди пытались скрывать свою принадлежность к аристократии; аристократичность была прелюдией для карьеры хотя бы по уже причине невозможности поступления в высшие учебные заведения. В 60-е-70-е годы потомки аристократов с гордостью об этом напоминали знакомым и незнакомым, считая, что это поможет им в упрочении общественного положения. Хотя в СССР нет аристократических титулов, но можно полагать, что по своей сути звание академика и члена-корреспондента Академии наук выполняют эти функции. Эти звания дают пожизненно высокий социальный статус и значительные по советским масштабам материальные блага. Случай с академиком А.Д.Сахаровым подтверждает, как важно звание академика.

Проблема аристократии советского общества весьма интересно рассмотрена Александром Яловым в его работе Detente After Brezhnev; The Domestic Roots of Soviet Foreign Policy. Berkeley: Institute of International Studies, University of California, 1977.

Мне хотелось бы рассмотреть некоторые теоретические аспекты этой проблемы. Да простит меня

читатель, но я напомним ему некоторые экономические категории. Известно, что экономисты различают коллективные и частные блага. Под коллективными благами они понимают блага, объём которых не уменьшается от потребления их отдельным индивидом. К числу таких благ может относиться оборона, решения государства и т.п. Частные блага - это собственно блага, объём которых уменьшается при их потреблении данным лицом. К таким благам относятся продукты питания, одежда и т.п. "Производство" коллективных благ является прерогативой государства, ибо они не могут быть рыночными товарами. Частные блага могут производиться как государством, так и частными лицами.

Если теперь обратиться к истории развитых стран, то видно, что в тех из них, где "производство" коллективных благ играло существенную роль, там большую роль играла аристократия. Её существование имело большие преимущества. Дело в том, что если блага производятся государством, то государство производит назначение людей, осуществляющих эти функции. В системе назначений начало лояльности назначаемого к назначающему является решающим. Профессиональные качества назначаемого, конечно, важны. И казалось бы, что они должны были бы даже играть решающую роль, так как назначающий заинтересован в процветании страны. Но однако интересы собственной власти назначающего столь сильно преобладают над его отношением к процветанию страны, что он предпочитает поступиться профессионализмом и активностью назначаемого во имя лояльности к нему последнего. В такого рода ситуациях возникает реальная угроза оскудения руководства страны, поскольку активные люди должны умерять свою деятельность, в большей мере подлаживаться, чем иметь собственное мнение, поступаться интересами дела, чтобы не вызвать осуждения и обвинения в нелояльности к

вышестоящим. Если человек взобрался на высокий уровень иерархии, вкусил "сладость" общественной значимости и материального благополучия, то под угрозой быть смещенным и потерять все достигнутое он часто готов пожертвовать своим профессиональным и гражданским долгом.

Институт аристократии в таком случае в большей мере предохранял человека от боязни падения. Принадлежность к аристократии позволяют человеку в большей мере сохранить свой общественный и материальный статус независимо от занимаемой должности. Конечно, это утверждение верно в случае, если лидер не тиран; в случае тирании никакие институты не могут спасти нелояльного человека от участи уничтожения.

Мне представляется, что в Англии институт аристократии сохранился и после буржуазной революции в значительной мере по тому, что Англия была имперской страной, для которой главной заботой было производство коллективных благ. Я имею в виду решающую роль для Британской империи армии военных и армии чиновников, которые управляли империей как в её столице, так и непосредственно в колониях. В этих условиях социальная роль бизнесменов как производителей частных благ была резко приглушена. Хотя уже прошло около 40 лет как английская империя рухнула, но традиционные ценности, возвеличивающие производителей коллективных благ, во многом сохраняют силу. Между тем, в условиях современной Англии для развития её экономики прежде всего были бы важны предприимчивые люди, которые могли бы организовать экономику. Вместо этого в стране огромную роль играла до последнего времени национализированная промышленность, во многом повторяющая структуру управления "производством" коллективных благ.

И до сих пор в Англии социальная роль бизнесменов не признаётся эстаблишментом, хотя лорда Англии

может получить и антрепренёр за заслуги в экономическом развитии страны. Конечно, сказанное мной основывается на личных впечатлениях и беседах с англичанами, а не на серьёзных социологических исследованиях. И одну из таких бесед я бы хотел привести. Знакомый англичанин, разделяющий моё мнение об отношении к бизнесменам в современной Англии, привёл мне в подтверждение следующее своё наблюдение. Посещая престижный ежегодный музыкальный фестиваль, устраиваемый в Уэлсе, он обратил внимание на то, как родовитые английские аристократы с презрением смотрят на приезжающих туда в роскошных машинах (или даже вертолётах) бизнесменов.

Если взять другой крайний случай по сравнению с Англией - Соединённые Штаты Америки, то эта страна никогда не знала аристократии. Это может быть объяснено с точки зрения приведённой мной выше корреляции между наличием института аристократии и ролью производства в стране коллективных благ. США с самого начала были созданы как страна с ориентацией на производство частных благ. США мыслилась её создателями как страна свободных фермеров; затем она стала страной, в которой антрепренёр мог реализовать свои таланты по производству частных благ не будучи ограничен государственной бюрократией. Децентрализация страны, её отстраненность от участия в международных делах надолго определили низкую роль производства коллективных благ в национальном доходе страны. Достаточно сказать, что что ещё в начале этого века США тратили на военные нужды сумму меньшую, чем сумма акцизного сбора.

Если успехи США в области экономического развития весьма велики, то этого нельзя сказать по поводу "производства" коллективных благ. Политическая система США в последние три десятилетия даёт преимущественно посредственных политических лидеров. Война во Вьет-Наме, попытки

освобождения заложников в Иране показали также, что как политические лидеры, так и военные руководители оказались далеко не на высшем уровне.

Возможно, что нехватка политических и военных лидеров должного уровня, соответствующего требованиям сегодняшнего дня и той новой роли, которую играет сейчас США в мире, является также результатом того, что в системе ценностей в стране слишком долгое время наибольшее значение придавалось производителям частных благ.

Таким образом, в зависимости от объема производства коллективных и частных благ (равно как и от частного или государственного производства последних) зависит роль аристократии в обществе.

Если в стране преобладает производство частных благ, то можно полагать, что децентрализованная собственность является решающим институтом и представляющие её люди должны иметь высокий социальный статус. В стране, где доминирует производство коллективных благ, роль аристократии может оказаться весьма существенной. Аналогичный вывод верен и для стран с государственным производством частных благ, поскольку там также преобладает роль назначений и назначенному важно сохранить известную независимость.

В странах, где производство как коллективных, так и частных благ играет значительную роль, как это и наблюдается сейчас в большинстве развитых стран, весьма трудно поддерживать баланс в социальных ценностях и институтах, обеспечивающих гармоническое развитие страны.

Однако для ближайшего будущего в СССР, где роль коллективных и частных благ, производимых государством, будет, по-видимому, играть решающую роль, в силу сказанного, мне представляется важным возрождение института аристократии. Разумеется, что аристократические звания могут даваться и не пожизненно (как это имеет место сейчас в Англии);

могут быть введены и другие ограничения, уменьшающие отрицательные стороны этого института.

О пользе монархии

Сказанное выше о пользе старых институтов относится и к королевскому институту, социальные функции которого могут быть весьма важные. Наличие этого института значимо, так как он представляет целостность страны в течение длительного времени: традиции могут существовать столетиями. При наличии ограниченной королевской власти, т.е. когда король отстранён от непосредственного вмешательства в политическую жизнь, он представляет длительную традицию страны, её историю, её "характер" (устойчивые ценности), т.е. всё то, чем народ гордится. Визит короля за рубеж - это именно прежде всего представление этих начал, а не решение текущих политических задач (хотя последнее иногда тоже имеет место).

Как то хорошо сказал И.Р. Шафаревич в частной беседе, что очень важно иметь в обществе два института такого типа: один, который нужно хвалить, а другой - который нужно критиковать. Не совсем ясно хорошо ли делать один и тот же институт одновременно и объектом любви и объектом критики. Поэтому запрет критики английского короля или королевы на английской земле - это некий символ того, что объединяет, интегрирует народ.

Хотите критиковать - есть парламент, правительство - критикуйте. Но есть что-то непреходящее, ценное, как десять заповедей. Можно менять законы как угодно, но что-то должно быть святое, что должно чтить.

Подлинная любовь народа к королевскому институту очень хорошо видна в Голландии. День рождения королевы - национальный праздник. Люди,

празднично одетые, выходят в этот день на улицы, веселятся и радуются за свою страну.

Любовь народа во многих странах к ограниченному королевскому институту дополняется и весьма прагматическими соображениями. Будучи в 1983 г. в Таиланде, я старался общаться "с народом". Для туриста, не знающего местный язык, такого рода общение во многом сводится к общению с шоферами такси, обслуживающими гостиницы, поскольку они немного знают английский язык. Я задал двум таксистам один и тот же вопрос: "Как вы относитесь к королю? Зачем он вам нужен: ведь одни расходы и никакой пользы, так как он не имеет власти". Один из моих собеседников дал весьма любопытный ответ (при этом оба подтвердили необходимость сохранения королевской власти). Он сказал, что именно потому, что король отстранён от политики, он может быть честным, свободным от коррупции, тогда как парламентарии и чиновники, погружённые в текущие дела, коррумпированы. Король может поэтому больше заботиться о простых людях, тогда как парламентарии и чиновники прежде всего думают как нагреть руки на очередных политических делишках.

Наряду с таким общим влиянием королевского института на жизнь страны, этот институт выполняет множество других важных социальных функций. Возьмём английского короля и королеву. Они - символ страны. Когда король или королева устраивает приём и бывший в опале чиновник появляется на нём, - это есть его социальная реабилитация. Так, кажется, произошло с Профьюмо - он был реабилитирован в глазах общественности после приглашения на приём к королеве.

Разрушение королевских институтов в странах, где они существовали в течение длительного периода времени, крайне опасно. Они могут быть весьма быстро заменены другими институтами, которые будут выполнять эти же функции, но худшими методами.

Если установившиеся королевские институты уже адаптировались, уже набрались опыта более осторожного функционирования, то замесившие их институты являются "неофитами" и в своём рвении к решительным и крутым действиям могут принести стране значительные разрушения.

Милоков сразу же после февральской революции заявил, что трагедия России - это ликвидация царя (не конкретного царя, не конкретной династии, а самого института). В стране, где личность монарха играла такую большую роль в течение столетий, это было опасно. И большевики это мгновенно поняли. Николая Второго быстро заменил Ленин, который эксплуатировал образ "народного царя". Известная картина "Ходоки у Ленина" - самое наглядное тому свидетельство.

Если говорить об Иране, то в чём была кардинальная ошибка происшедшей недавно революции? На мой взгляд в том, что она уничтожила институт монархии. Может быть был плох шах, может быть была плоха династия, но институт нельзя было уничтожать. Как только он был уничтожен, образовавшийся вакуум заполнил Хомейни. А по сравнению с Хомейни, претендующим быть халифом, шах был архилиберал.

Необходимость сохранения королевской власти при соответствующих ограничениях осознавалась многими политическими деятелями. Интересна деятельность генерала Макарура, сохранившего в Японии институт императора, и генерала Франко, передавшего власть испанскому королю Карлосу.

Поэтому в странах, где существуют давние традиции почитания роли лидера, крайне важно эти традиции чтить и сохранять.

Замечу, что в СССР Сталина и других советских лидеров нередко воспринимали как царей. Я сам был тому свидетелем. Однажды в Москве я стоял на остановке такси. Ко мне подошла пожилая женщина и

стала спрашивать как проехать в Новодевичий монастырь. "Хочу, - говорит, - поклониться царю Никите." "А потом, - говорит, - поеду на Красную площадь и поклонюсь царю Владимиру." Мне рассказали о подобном же случае в Кировской области, когда крестьянка во время войны называла Сталина "царём Иосифом".

Таким образом, как это странно не прозвучит, я сторонник возрождения в России конституционной монархии; последнюю не нужно путать с "монархической конституцией". При конституционной монархии институт монарха лишь один из многих институтов, формирующих плюралистическую политическую структуру страны, т.е. наряду с монархом существует выборный парламент и формируемая им исполнительная власть, независимая судебная власть, множество партий, свободная пресса и т.п. При "монархической конституции" монарх с помощью введённой им конституции во многом создаёт иллюзию структурно развитой политической системы. Фактически же он единолично правит страной, принимая решения по важнейшим вопросам и прежде всего войны и мира.

Конечно, после 70 лет отсутствия в СССР монархии предложение возродить этот институт может показаться странным и невозможным. Однако мне кажется, что если учесть быстрое развитие русского правого крыла и наличие в нём групп, прямо призывающих к возрождению монархии, то парадоксальность ситуации состоит в том, что надо обратить внимание прежде всего не на смехотворность возрождения в стране монархии, а возможность появления не конституционной, а тиранической монархии.

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А.ШТРОМАСА
"ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И
СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ": СОВЕТСКИЙ
СОЮЗ". Изд-во Верлаг Питер Ланд, 1981,
173 стр.***

Рецензируемая книга написана человеком необычной судьбы. А.Штротмас родился в буржуазной Литве в богатой либеральной семье, которая помогала коммунистам как меньшему злу по сравнению с фашистами. Штротмас прошёл геноцид и концентрационный лагерь во время немецкой оккупации. После войны как сирота он был усыновлён семьёй первого секретаря ЦК КПСС Литвы Снечкусас, который в своё время скрывался в доме Штротмасов. Ещё в студенческие годы на юридическом факультете МГУ Штротмас становится диссидентом и семья Снечкусас порывает с ним. После окончания университета Штротмас работает в Литве в качестве адвоката, а затем переезжает в Москву, где ведёт активную научную работу в области советского и западного уголовного права.

В 1973 г. Штротмас эмигрировал в Англию по приглашению своих ближайших родственников, семьи лорда И.Кэгена. Он становится гражданином Англии. Необычность судьбы А.Штротмасас подтверждается ещё одним, правда не имеющим прямого отношения к нему обстоятельством. Летом 1946 года три юноши сидели на открытой веранде кафе в г.Вильнюсе. К ним подошла цыганка и предложила погадать, обратившись при этом

* Опубликована в Russian Review, vol. 41, No. 3, 1982, p. 340 с небольшими изменениями.

к одному из них по имени, которым его называла в детстве мать. (Это был Е.З.Майминас, который мне независимо от Штромаса рассказал эту историю). Штромас согласился, чтобы цыганка погадала ему по руке. Она сказала, что Штромас женится на женщине, у которой уже будет от первого брака двое детей. В 40 лет Штромас умрёт. Первое пророчество полностью сбылось. В день 40-тия Штромаса мы его не могли найти в Москве: он исчез, спасаясь где то от судьбы. Отпраздновали мы его 40-тие лишь через год.

Я столь подробно в рамках этой маленькой рецензии остановился на биографических данных Штромаса, поскольку они позволяют читателю лучше понять ценность проведенного им исследования, основанного не только на литературных материалах, но и в огромной мере на личном опыте автора.

На мой взгляд, книга Штромаса - это первая книга, в которой верно проанализированы многообразные силы, которые сопротивляются системе. Кстати говоря, автор рассматривает эту систему как коммунистическую. Я не разделяю эту точку зрения и считаю, что Советский Союз последняя большая авторитарная империя в мире, которая, когда ей это выгодно, использует коммунистическую идеологию.

Итак, анализируя силы, которые сопротивляются системе, автор отличает понятия диссента от понятий сопротивления и оппозиции.

Если глава 1 даёт исходные предпосылки для понимания позиции автора по отношению к силам, не принимающим в той или иной мере режим, то в главе 3 даётся подробная классификация этого движения и прежде всего диссента. Ценность этой классификации в том, что автор конструктивно её использует при анализе всевозможных сценариев будущего развития СССР в главе 3.

Представляет большой интерес и глава 2, где даётся исторический обзор проблемы, с точки зрения выяснения условий, порождающих неконформистские

силы. Я разделяю позицию автора, что созданная Лениным к концу его жизни система создала предрасположенность к последующим кровавым событиям в СССР и во многом объясняет существующую ситуацию. Запрещение Лениным и уже с ним различных кроме большевистской партий, фракций внутри партии, разгром церкви ликвидировали всякую организационную основу для объединения сил, могущих вводить существенные изменения в систему.

Мне представляется в этой связи чрезвычайно интересной дискуссия автора по поводу возможных в настоящее время совершенствований существующей в СССР системы в рамках авторитарного режима. Автор отрицательно относится к высказываниям по поводу возможности такого рода совершенствований. Проведенное им в этой связи сравнение ситуации в СССР и некоторых восточно-европейских странах, Югославии, где такого рода совершенствования имели место, являя его находка.

Сценарии возможных будущих изменений в СССР весьма аргументированы. Однако они далеко неисчерпывающие. Мне представляется, что на основе западных политических исследований и опыта (автор весьма удачно многократно к ним обращается) можно было бы изложить и некоторые более изощрённые сценарии. Если к примеру, использовать традиционный подход к вопросу возможностей в России демократии или авторитарного режима, как это делает автор, то можно согласиться с ним, что надо смириться с тем, что на смену коммунистическому режиму, по-видимому, с большей вероятностью придёт авторитарный режим. Но если вместо понятия демократии как одномерного явления рассматривать его по крайней мере как двумерное, то анализ ситуации резко меняется. Под двумерным подходом к демократии я понимаю разделение этого понятия на два: плюрализм, как механизм формирования, отбора, закрепления и

смены программ развития, и собственно демократии, как механизма связанного с участием широкого круга населения в правлении. Эти два начала могут конкурировать. В ряде стран, не имеющих опыта свободного общества, для сохранения плюрализма возможно необходимо вначале ограничивать собственно демократию: неподготовленность большинства населения к сохранению плюрализма делает их орудием манипулирования со стороны экстремистских групп (как правых, так и левых), которые по самому определению являются противниками плюрализма.

Вполне возможно, что с учётом сказанного, можно способствовать тому, чтобы в СССР в обозримом будущем образовался не авторитарный монистический режим, а плюралистический, но ограниченный более элитарными кругами с последующей постепенной демократизацией страны.

И, наконец, по поводу отношения автора к роли национализма в сценарии будущего развития СССР. Автор довольно позитивно настроен к тому, что русские националисты могут взять верх в обозримом будущем. Руководствуясь национальными интересами, они, по мнению автора, выкинут из СССР коммунистическую доктрину и будут эффективно развивать страну. Это будет выгодно и для Запада, т.к. националисты избегнут экспансизм, вытекающей из коммунистической идеологии.

Я не разделяю оптимистической точки зрения автора по поводу русского национализма. Мне представляется, что А. Янов, которого автор критикует, дал более глубокий анализ проблемы. Мне также кажется, что русский национализм в последней большой империи в мире, каким является сейчас СССР, и в условиях, когда с одной стороны, страна вошла в глубокий экономический, идеологический и политический кризис, а с другой имеет большие преимущества в области ядерного вооружения, таит в себе большие опасности

превращения в шовинизм со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В заключении хочу заметить, что поддерживаю точку зрения автора в том, что Запад должен стремиться к тому, чтобы способствовать изменениям в СССР, а не удерживать сложившуюся там систему, которая находится на пороге банкротства. Книга Штрומаса вносит свой вклад в анализ путей разработки соответствующей политической стратегии Запада. Но, увы, слишком много ещё должно быть сделано, чтобы Запад обрёл солидную базу для выработки эффективных стратегий, нацеленных на превращение СССР в источник мира и благополучия на земле.

ГЛАСНОСТЬ И ЕЕ КОНФЛИКТНОСТЬ

ПАРАДОКС ГОРБАЧЕВА¹

Сипотеза

С общей точки зрения происходящее сейчас в СССР оживление стагнирующей советской системы через активизацию граждан в условиях большей свободы заслуживает всяческого уважения со стороны либерально настроенного интеллигента. М. С. Горбачев, с одной стороны, пытается бороться с аморальностью: алкоголизмом, коррупцией, привилегиями и т.п., а, с другой стороны, разрешать людям в большей мере самодействовать как в области частного хозяйственного предпринимательства, так и в области искусства и политики: создание альтернативных союзов художников, оживление всероссийского театрального общества и т.п. И все это происходит на фоне ослабления политического прессы: освобождение большого числа политических заключенных, несколько кандидатов в выборах партийных руководителей на нижних уровнях, разрешение на печатание "забытых" авторов, выпуск ранее запрещенных фильмов и т.п.

Однако при этом возникает весьма сложный вопрос: во имя каких конечных целей Горбачев проводит политику активизации народа?

Общеизвестна истина, что каждый лидер стремится к росту своего престижа. Все дело в том, какими средствами он для этого пользуется и в какой мере он ограищен в достижении своих целей.

Лидер в авторитарном обществе имеет большие возможности достигать максимума своего престижа, поскольку он существенно меньше ограничен в выборе средств, чем лидер в свободном обществе. К числу этих средств внутри страны является прежде всего рост благосостояния населения, что вызывает, естественно, его положительную реакцию, а во вне ее - усиление влияния страны на мир, в частности, как за счет подражания дашой стране, так и за счет усиления ее военного могущества. А так как обеспечить быстрое улучшение качества жизни (включая сюда благосостояние граждан), сравнимое по значимости с приобретением для страны новых территорий, военными победами, усилением военного могущества государства и т.п., чрезвычайно трудно, то лидер авторитарного государства предпочитает идти вторым путем. Не приходится уже говорить о том, что второй путь служит великолепным оправданием самой необходимости авторитарного режима: мы в тяжелом международном положении и нужна концентрация власти; мы можем дать народу лишь ограниченную свободу перед лицом опасности.

Я пересказываю эти общеизвестные факты только для того, чтобы четче поставить вопрос об оценке деятельности Горбачева.

Вынесем за скобки утверждение, что Горбачев хочет усиления своего престижа: это тривиальность. Вопрос в том, какими средствами он хочет этого достигнуть: ростом качества жизни населения или ростом военного могущества. В принципе, эти средства мало совместимы между собой и в особенности для очень коротких и очень длинных периодов.

При этом надо напомнить очевидный факт, что усиление военной мощи отнюдь не требует на каждом этапе ужесточения режима. Можно либерализовать режим, активизировать население, экономику и полученный прирост национального дохода пустить на рост военной мощи. Конечно, такого рода гибкая

политика весьма трудна и требует весьма изощренных руководителей, но она возможна (к примеру, опыт Тито); значительно проще и поэтому несоизмеримо чаще наблюдается соединение устремлений к росту военной мощи с ужесточением режима.

Я еще вернусь к рассмотрению этих достаточно очевидных утверждений при анализе сегодняшней советской действительности.

Но прежде всего я хотел бы заметить, что характеризуя деятельность Горбачева, я говорю преимущественно о его деятельности в настоящем. Горбачев начинал свою деятельность с весьма традиционных советских методов оживления хозяйства, в частности, попыток возрождения стахановского движения.² Далеко неясно в какую сторону Горбачев будет эволюционизировать. Таким образом, я опять и опять хочу предупредить читателя быть крайне осторожным в оценке деятельности Горбачева, так как он еще не сложился как лидер и при этом должен действовать в условиях очень острой ситуации. Он может и впредь довольно быстро эволюционизировать. И кто знает в какую сторону пойдут его эволюция? Подобно тому как он быстро эволюционизировал от ординарного советского аппаратчика к революционизирующе настроенному пролиберальному деятелю, не исключено, что он может сделать и новые шаги под влиянием быстро меняющейся ситуации.

В моей работе я в основном хочу рассмотреть проблему, каким образом происходящая сейчас активизация населения, сопровождаемая ослаблением жесткости режима, может привести к своей противоположности, т.е. к созданию еще более жесткого режима соседствующего с оголтелым милитаризмом и национализмом. Станет ли Горбачев главой такого режима (либо режима, приближающегося к таковому в более смягченной и причудливой форме) или его заменит кто-нибудь иной мне сказать трудно.

Конечно, такого рода рассуждения, основанные на крайностях, представляют интерес прежде всего с точки зрения резкого обнажения сути проблемы. Реальный ход истории не всегда приводит к крайним состояниям. Однако эти состояния выполняются, как говорят физики, роль аттракторов, т.е. состояний, которые притягивают к себе. Поскольку тяготение может происходить к разным крайним состояниям и с разной силой, то в результате этого в реальной системе может сложиться весьма причудливая ситуация. В социальной системе действие противоположных и однонаправленных политических сил может порождать причудливые комбинации, отражающие всю многосложность сложившейся исторической обстановки и личность лидеров.

У меня складывается впечатление, что происходящие при Горбачеве процессы активизации народа рассматриваются преимущественно в рамках бинарного подхода. Это выражается в том, что при анализе отмечается, с одной стороны, либеральный Горбачев, который пытается активизировать советских граждан, а с другой, - консерваторы, желающие спокойной благополучной жизни, к которой они привыкли в последние 20 лет при правлении Брежнева.

Между тем, если перейти от бинарного подхода к тройственному, то задача резко усложняется (подобно тому как это имеет место в механике при переходе от задачи двух тел к задаче трех тел). При таком подходе можно явно увидеть еще одну большую и важную группу - реакционеров. В отличие от консерваторов, которые по определению хотят сохранения того, что есть, реакционеры хотят изменений. В этом смысле реакционеры и либералы похожи. Отличаются они лишь по знаку изменений: либералы хотят изменений в сторону демократизации и свободы, реакционеры - в сторону авторитарных и даже диктаторских националистических режимов.

Такого рода тройственный подход приобретает особое значение, если учесть, что осуществляемые Горбачевым преобразования происходят в период стагнации последней большой империи с традициями экспансионизма и национализма вплоть до его крайних шовинистических форм. Отсюда происходящей активизацией могут воспользоваться не только либеральные круги, но и реакционные. Более того, парадоксальность происходящих при Горбачеве событий заключается в том, что реакционеры в большей мере могут воспользоваться возможностями перестройки чем либералы.

Другими словами, я выдвигаю гипотезу: в условиях стагнирующей империи с милитаристскими и националистическими традициями усиление открытости-гласности- и сопутствующая этому активизация населения могут привести не к либерализации страны, а в пределе к установлению жесткого авторитарного милитаристского националистического режима. Эту гипотезу, представленную как модель, основанной на крайностях, я бы и хотел обсудить.³

Начнем с предпосылок. Советский Союз является империей. На всякий случай уточню, что под империей я понимаю систему, которая состоит из метрополии и множества отдельных регионов, каждый из которых имеет свою специфическую исторически сложившуюся культуру, население которых хочет независимости, но метрополия не дает им этой возможности, удерживая их военной силой. Возможны и другие определения империи; но, по-видимому, при самых различных определениях вряд ли будут большие разногласия по поводу того, что Советский Союз империя (и даже последняя из больших оставшихся империй).

Вторая предпосылка: Советский Союз- империя стагнирующая. Мне представляется, что глубокое разрушение морали населения, экономический застой даже с тенденциями падения производства отдельных

продуктов, отставание в новейших направлениях научно-технического прогресса и т.п. являются результатом истощения людских и природных ресурсов и капиталов страны, началом серьезной платы за варварское развитие страны в последние семьдесят лет. Фактов, подтверждающих это, накоплено столь много, что нет надобности их перечислять. Их во многом признает даже официальная советская печать. Мне лишь хочется подчеркнуть в этой связи, что возникшие трудности в развитии СССР носят, по-видимому, не временный, преходящий характер, а являются следствием глубокого истощения страны в послереволюционный период. В силу сказанного я и ввел предпосылку о стагнирующей империи; в противном случае, т.е. если бы эти отрицательные следствия были бы результатом текущих неурядиц, я бы говорил о временных трудностях империи.

Теперь по поводу предпосылки о традициях страны. Я понимаю, что некоторые читатели могут быть несогласны со мной в том, что традиции придает столь большое значение, поскольку я ее ввожу непосредственно как аксиому. Однако мне представляется, что традиции играют большую роль: политические деятели, принимая решения, выбирают из множества возможностей те, которые в огромной мере учитывают традиции страны.⁴

Вряд ли требует специального обоснования замечание о милитаристской традиции СССР. Россия, а вслед за ней Советский Союз практически все время расширялись за счет захвата чужих территорий, отдавая лишь на короткое время некоторые из них и возвращая их силой назад, если и не целиком, то при огромной компенсации за счет присоединения к империи новых территорий.

Другим важным признаком традиции являются национализм. На этом вопросе имеет смысл остановиться подробнее не только потому, что он играет важнейшую

роль для дальнейших выводов, но и потому, что здесь имеется ряд моментов, на которые обращалось недостаточное внимание.

Мне неоднократно приходилось слышать, что националистические тенденции в России - основа ее спасения. Русский народ как и другие народы имеет право на свое самоосознание и самобытное развитие. Более того, поскольку в интересах самой же России либеризоваться и быть в концерте развитых демократических держав, то обновленная Россия, сбросившая вериги коммунистической доктрины, постепенно пойдет по этому пути. И именно искренне верующие русские националисты поведут ее по этому пути. Таким образом, в советской политической стратегии допускается комбинация умеренного русского национализма с либерализмом и миролюбием.⁵

Я совершенно не сомневаюсь в том, что в СССР есть заметное число такого рода либерально настроенных националистов. Однако опасность исходит не непосредственно от них. В период кризиса империи на первый план выходят не умеренные националисты, а их радикальное крыло - русские шовинисты, если под шовинизмом понимать стремление объявить свою нацию лучшей и даже нацией, которая должна господствовать над миром во имя спасения последнего. Более того, умеренные националистически настроенные круги, которые в принципе могут быть союзниками либералов, в значительной мере становятся союзниками шовинистов, поскольку последние выражают весьма дорогие для них интересы страны. Этим умеренным националистам чужда подчас грубость и жесткость шовинистов, отсутствие у них утонченности, но привлекает их решительность защищать величие нации. Именно это и произошло с немцами в Германии с приходом Гитлера к власти.

Я хотел бы несколько подробнее остановиться на истории русского национализма в СССР и нынешнем

его состоянии. Для целей данной работы мне представляется допустимым употреблять слова руссофилы, националисты, шовинисты как синонимы. Я понимаю, что между этими понятиями имеется существенная разница, но в тех исторических событиях и фактах, на которые я буду ссылаться, различные аспекты, определяющие эти три термина, тесно переплетены. Между тем, когда шовинизм может быть выделен как таковой и это целесообразно по контексту, то я специально буду пользоваться термином шовинисты. В частности, я выделяю специальный параграф о корнях шовинизма, чтобы заострить внимание не просто на корнях национализма и руссофильства, но именно шовинизма.

И наконец, я буду обращать особое внимание на антисемитизм, поскольку он является другой стороной национализма. При всяком национализме ищется его антипод. В различных странах для этого выбирают соответствующие этнические группы, которые по общему признанию мешают развитию национального духа. Руссофильство, правда, в этом оно не одиноко, выбрало евреев.

Национализм (история)

Расхожим является мнение, что националистическая традиция предреволюционного времени была прервана революцией и возрождена Сталиным лишь в военное время и затем использована им в послевоенное время, а постсталинское руководство вновь начало бороться с этой традицией.

Мне кажется, что националистическая традиция практически не прерывалась. Менялись только ее формы и сила. Ленин по существу сохранил империю, мотивируя это правда коммунистическими лозунгами.⁶ Уже при Ленине начала складываться концепция "победы социализма в одной стране" в противовес концепции "перманентной революции". В переводе на

жизненный язык первая концепция означала, что мировой коммунизм может быть достигнут только под руководством России; вторая, - что для победы мирового коммунизма можно пожертвовать даже Россией. Если ведущими сторонниками первой точки зрения были русские люди: Бухарин, Рыков, Томский, Угланов и примкнувший к ним все таки православный Сталин (точнее Сталин и примкнувшие к нему...), то ведущими сторонниками второй точки зрения были евреи Троицкий (Бронштейн), Зиновьев (Радомысльский), Каменев (Розенфельд). Как известно, победила первая группа. К 1927г. Политбюро было свободно от евреев (лишь в 30-ые годы Сталин ввел в Политбюро своего выкорыща Кагановича).

12 декабря 1930г. Сталин пишет письмо поэту Демьяну Бедному, в котором "он обвиняет его в клевете, в "развенчании русского пролетариата", в "развенчании СССР", в том, что "лень и стермление сидеть на печке" представлено "чуть не национальной чертой русских вообще". И это в то время, пишет Сталин, когда "рабочие всех стран рукоплещут ... русскому (подчеркнуто Сталиным) рабочему классу, призванному своему вождю." Тогда, однако, это были еще "несвоевременные мысли, и письмо это было впервые опубликовано в вышедшем в 1952г. 13-м томе сочинений Сталина."⁷

Но если в самом начале 30-ых годов Сталин еще "стесняется" открыто воспевать великий русский народ, то уже к середине 30-ых годов он начал это делать открыто. Для того, чтобы окончательно разделаться со своими правыми единомышленниками, он организует обвинение их лидера Бухарина не больше ни меньше как в клевете на русский народ, в принижении роли великого русского народа. Вершиной этой кампании было заявление в передовой "Правды" от 27 января 1936г., что великий русский народ, дал Ломоносова, Лобачевского, Полова, Пушкина, Чернышевского, Менделеева и "таких гигантов человечества как Ленин и

Сталин". Блестящий трюк: потомственного русского дворянина Бухарина представить клеветником на русский народ, а грузина, говорящего по русски с тяжелейшим акцентом, сделать великим сыном русского народа.⁸ Таким образом, идея великого русского народа начала пропагандироваться Сталиным еще до войны.

Пышным цветом националистическая пропаганда расцвела после войны, сигналом к чему был сталинский тост за великий русский народ на обеде по случаю парада Победы 24 июня 1945г. Восхваление всего русского и русского народа как старшего брата сопровождалась оголтелой антисемитской кампанией, прикрываемой борьбой с космополитизмом и заговорами врачей-убийц и других вражеских групп, состоящих преимущественно из евреев, которые хотели (а подчас не только хотели, но и делали) взрывать заводы, метро, убивать видных деятелей советского государства и т.л.

Комбинация коммунистических лозунгов, утверждающих, что в СССР построена лучшая в мире система, с националистическими лозунгами, прикрываемыми русским патриотизмом, нашла завершение в теории "победы коммунизма в одной стране" - позднейшей сталинской модификации лозунга "победы социализма в одной стране".

Хотя после смерти Сталина националистическая пропаганда была приглушена, однако ее основы были сохранены. Хотя сталинский оголтелый антисемитизм, грозивший евреям уничтожением, был также приглушен, евреи оставались на положении второсортных граждан.

Однако националистические тенденции продолжали развиваться и особенно в брежневский период.

Я помню еще в начале 60-ых годов я наивно предполагал, что каждый ношконформист, каждый, кто критикует советский режим, либерал. Пробуждению способствовал следующий случай. В это время ношконформизм к властям выражался в частности в том,

что мужчины в городе стали носить бороду. Власти весьма враждебно относились к этому новшеству: типичное явление консерватизма. Я считал, что каждый "бородач" либерал. На кафедре математических методов в экономике в одном из престижных московских вузов появился молодой преподаватель с бородой. По роду моей работы мне пришлось с ним столкнуться. Каково же было мое удивление, когда я от этого бородача услышал почти неприкрытые националистические заявления, сопровождаемые, как обычно, антисемитскими выпадами. Как не вспомнить в связи с этим мудрую африканскую поговорку: "Если крокодил съел твоего врага, то это не значит, что крокодил твой друг".

Если при Сталине националистические начала открыто объявлялись и тем самым как бы легально весь аппарат был включен в националистическую деятельность, то в последующие годы националистам надо было изыскивать новые организационные формы легальной деятельности. И такие легальные лозунги и организации были найдены.

В брежневский период лозунгом, за которым скрывались русские националисты, стал лозунг "Сохраним памятники русской старины". Слов нет, забота о памятниках русской культуры заслуживает всяческого уважения. То, что в бюрократической системе для сохранения этих памятников не выделялось достаточно средств и памятники разрушались не было выдумкой русских националистов. Все дело, конечно, в том, что скрывалось за этой кампанией, не превращалось ли общество по охране памятников старины с их штабом в церкви на Калининском проспекте в Москве в одну из активных националистических организаций?

Когда к власти пришел Андропов, то одним из его первых его дел было урезонивание указанной организации. В газете "Известия" была напечатана большая статья, в которой разбирались финансовые

неурядицы в обществе по охране памятников старины. Несколько статей появились и в "Правде" по поводу русского национализма. В частности, был напечатан рассказ известного автора детективов Ю.Семенова, в котором под маркой беседы советского разведчика с гестаповцами осуждался национализм и антисемитизм⁹, а также юмореска, высмеивающая в блестящем по остроумию стиле памятники русским псевдо-героям.¹⁰ Все это свидетельствовало об антинационалистическом курсе Андропова. (В примечаниях читатель найдет более подробное изложение этих статей в "Правде").

Сказанным я вовсе не хочу облагородить Андропова. Его антинационалистический курс сопровождался многими неприглядными делами и прежде всего оголтелой милитаристской и антиамериканской пропагандой, включая такой шаг как уничтожение корейского самолета. Это лишний раз показывает как причудливо сочетаются противоположные тенденции, т.е. как можно осуществлять экспансионистский курс, провозглашая единение народов в многонациональной империи с большим и растущим удельным весом лиц некоренной национальности. Однако такого рода решительные действия Андропова показывают, что в стране есть значительные антирусофильские силы, противодействующие руссофильству и сегодня.

Однако все антинационалистические мероприятия Андропова не повлияли сколько-нибудь серьезно на снижение национализма.

Национализм (современность)

Пришедший к власти Горбачев в начале внешне не поощрял национализм. Однако при нем начала сверху развиваться кампания по смене кадров, которую второй секретарь ЦК Е.Лигачев назвал политикой по "региональному обмену кадрами". Это значит, что в республиках будет усилен контроль со стороны

русских кадров, что будут прежде всего выдвигаться представители местных национальностей, которые прошли обучение и получили опыт работы в русских районах (или по крайней мере славянских).

В последние месяцы сверху, точнее в газете "Правда", начали в большей мере проявляться достаточно резко выраженные руссофильские настроения. Особенно в этой связи выделяется по своей откровенности статья О. Трубачева, члена-корреспондента Академии Наук СССР.¹¹ В данной статье прямо говорится о "более чем скромном положении русских в этих (северо-кавказских А.К.) краях", о "непрекращающемся принижении самостоятельного исторического прошлого славян" в трудах некоторых западных историков и т.п. Почти отбросив всякие словесные экивоки, Трубачев пишет:

"Давно пора считаться с тем фактом, что у нас в стране возник и функционирует языковый союз. Специфика такого явления, как языковый союз, раскрытого наукой XX века, заключается, как правило, в наличии группы контактирующих языков при ведущей, организующей роли одного культурно наиболее влиятельного языка региона (классический пример: балканский языковый союз при аналогичной роли греческого языка). Между тем в наших филологических кругах при обсуждениях упорно требуют говорить о паритетности взаимовлияний не только русского языка на национальные, но и наоборот. Но вдумайтесь, сопоставимы ли это вещи - влияние русского языка на чукотский и - обратно - чукотского на русский и т.д. Равенство наций и языков неоспоримо, но формально паритетная трактовка реальных межъязыковых и межнациональных отношений оборачивается очередным злоупотреблением справедливыми лозунгами."¹²

Однако можно немедленно добавить к восхвалению русского языка Трубачевым, что в свою очередь русский язык играет периферийную роль в семье великих языков мира, поскольку он не оказывает влияния на другие языки (если не считать употребление в западных языках таких слов как спутник, погром, каша) и вместе с тем заимствует от них огромное число слов. В ответ на подобные обвинения Трубачев пишет:

"так называемая периферийность положения русского языка в современной науке должна объективно расцениваться как преимущество, способствующее сохранению многих его древних особенностей."

Наконец, в статье Трубачева произносится панегирик известному стихотворению А.С.Пушкина "Клеветникам России". Это стихотворение с восхвалением палаческой роли России было написано Пушкиным в 1831г. сразу же после подавления Николаем I польского восстания.

Вряд ли здесь нужны комментарии!

Трудно сказать, кто поощряет подобные статьи Горбачев, Лигачев или оба?

Но главное на чем я хотел подробнее остановиться — это на новых спонтанных явлениях снизу в русском националистическом движении, которые получили развитие в период гласности.

Попутно замечу, что старое движение по охране памятников старины не только возродилось, но усилилось и приняло более резкие формы. В частности, я имею ввиду заседание клуба "Память" в октябре 1985г. в Доме Культуры им.Горбунова, на котором обсуждался вопрос об охране архитектурных памятников в Москве. Этот клуб создан при Всесоюзном Обществе охраны памятников старины и возглавляет его, кажется, Дмитрий Дмитриевич Васильев, фотограф и киножурналист по профессии. Сотрудница Главного

архитектурно-проектного управления Москвы, выступавшая на этом собрании, объяснила причины плохого состояния памятников старины в Москве тем, что среди руководящих работников московского архитектурно-планировочного управления много евреев, что в их конторе свито сионистское гнездо. Выступление Васильева было в том же духе. Такого рода открытые антисемитские выступления вызвали возгласы протеста со стороны части присутствующих, а после заседания началась драка.¹³

Известно, что сейчас самые широкие круги населения привлекаются к обсуждению вопроса об охране природы. Озабоченность русских националистов этой проблемой весьма искренняя и имеет самые серьезные основания. Слов нет, бюрократическое государство варварски относится к сохранению природных богатств России. Но опять все дело в том, как используется эта кампания.

Так, идея поворота рек Сибири на юг, в частности для орошения степей Казахстана, имеет длинную историю. Я не берусь судить, насколько с экологической и экономической точки зрения эта идея хорошая: по этому поводу высказывались специалисты и за и против. Но в ней явно есть политические ноты. В решении Политбюро по поводу "замораживания" проекта поворота сибирских рек большое внимание уделялось роли общественности, которая выступила против этого проекта. Какие же это круги общественности выступали против этого проекта? В этой связи любопытно посмотреть состав участников съезда писателей 1986г., которые активно выступали в защиту охраны природы. Это были писатели, известные своими националистическими настроениями. Пафос их выступлений был направлен именно на вопросы охраны природы, как будто и не было других важных проблем, волнующих писательскую общественность. Между писателями, известными своими прозападными

интересами, и руссофильски настроенными писателями выделялась тема охраны природы пролегла как рубеж..

Борьба с алкоголизмом является одной из основных кампаний по "очищению атмосферы", начатой Горбачевым. Слов нет, питье стало страшной преградой для дальнейшего развития страны, оказывая непосредственное влияние на сокращение численности русского населения, увеличение числа дебильных детей, высокую смертность среди мужчин среднего возраста (результат отравления алкоголем и несчастных случаев на производстве), не говоря уже о преступности и т.п. Горбачеву не удалось в полной мере сохранить принятый им в начале правления темп борьбы с алкоголизмом. Ему в последние месяцы пришлось пойти в этом деле на серьезные уступки. Однако борьба с алкоголизмом остается одной из основных кампаний. в силе. Руссофильские круги не преминули немедленно воспользоваться этой ситуацией, чтобы найти новые легальные средства для развития националистической пропаганды.

В 20-ые годы в СССР издавался журнал "Трезвость и быт". Сталин понимал, что для индустриализации страны алкоголь не только не помеха, а благо и журнал стал называться "Культура и быт". Этот журнал был долгие годы малоизвестен и выходил относительно небольшим тиражом. Теперь, в период борьбы с алкоголизмом, журнал возродился под названием "Трезвость и культура" и стал выходить огромным тиражом. Это, конечно, не значит, что журнал так популярен. Дело в том, что все библиотеки не только районные и городские, но при предприятиях и организациях обязаны подписаться на этот журнал. Во всем этом само по себе плохого мало: с алкоголизмом надо бороться. Но редакция журнала "Трезвость и культура" заняла весьма специфическую позицию. Основная линия журнала выражается в концепции, что в России не было традиции питья алкоголя: это придумали враги русского народа. В России была

традиция пить... чай. И вот журнал всячески расхваливает этот напиток, рекомендует всякие рецепты его приготовления, помещает фотографии одетых в традиционные русские одежды людей, сидящих вокруг самовара и т.п.. И для полноты националистической картины в журнале появилась статья, разоблачающая страну, в которой действительно растет алкоголизм и наркомания. Читатель может ожидать, что такой страной окажется если не Швеция или Финляндия, то уже по крайней мере оплот империализма Америка. Но увы, строго следуя националистическому стандарту, растущий алкоголизм оказывается присущ — Израилю. В большой статье, посвященной росту алкоголизма в Израиле, подводится теоретическая база под этот вывод. Она выглядит примерно так: Что можно ожидать от сионистов-фашистов-империалистов, которые уничтожают невинных людей? Как могут они заглушить свои злодеяния как не увеличением потребления алкоголя и наркотиков?¹⁴

За время Горбачевского правления проявились в самом широком смысле этого слова либеральные тенденции прозападной ориентации в области искусства и культуры. Хиппи, панки, современная джазовая музыка — эти и подобные им явления западной культуры неизбежно нашли своих последователей среди советской молодежи, ищущей новых путей самовыражения. Пользуясь послаблениями горбачевского правления эта молодежь активизировала свои действия. Естественно, что такие тенденции встречают сопротивление со стороны консерваторов. Неудивительно и то, что эти настроения поддерживаются народом. Такова судьба девиантов в любом обществе. Однако все дело в том, какие методы применяются против этих новых направлений, в какой мере власть имущие поддерживают сторонников расправы с новаторами-девиантами, в какой мере население враждебно новому. И на западе есть не только консерваторы, но и реакционеры, которые хотят самыми резкими мерами

бороться с отклонениями от привычного. Но все дело в том, что власти не могут оказывать им поддержки и большинство населения решительно не поддерживает реакционеров. В этом секрет развития западного общества парадокс заключается еще в том, что нередко сами девианты проклинают западное общество за недостаточное сопротивление новизне: хочешь быть панком, пожалуйста, будь панком...¹⁵

Хочу отметить, что сейчас в СССР, наряду с развитием прозападных явлений, резко оживилось и стало весьма заметным антизападное движение молодежи. Но какие оно принимает формы?

Из статьи в журнале "Огонек" стали известны так называемые "люберы"¹⁶ Сам термин ассоциируется с молодыми ребятами, выходцами из подмосковного города Люберцы. Это хорошо физически тренированные молодые люди, с развитой мускулатурой, владеющие приемами карате. У них отличительная одежда: легкие не по сезону куртки, широкие клетчатые брюки и узкие черные галстуки. Эти ребята практически не курят, не пьют, не употребляют наркотиков. Они приезжают в Москву и разгоняют хиппи, панков, металлистов, избивая их и нередко отбирая у них модную одежду и значки. Их действия, судя по всему, продиктованы весьма искренними побуждениями: они хотят "очистить" Москву. Автор статьи о люберах задает риторический вопрос: "А кто стоит за этими ребятами, кто так хорошо оркестрирует их деятельность. Как это в советских условиях они могли найти средства для спортивных залов, тренеров и т.п.?"

Участие люберов в разгоне демонстрации в защиту еврейского активиста Иосифа Бегуна в присутствии милиции и КГБ во многом отвечает на поставленные вопросы.

Автор статьи пытается обойти тему роли национализма в действиях люберов. В одном месте он отмечает, что люберы мотивируют свое поведение защитой советского образа жизни от тех, кто его

позорит. Конечно, не всякие антизападные действия реакции и националистичны.

По-моему мнению, маловероятно, чтобы антизападные настроения нециничных, искренне хулиганствующих элементов могли исходить из советской идеологии, в которой население глубоко разочаровано. Даже если взять выступления Горбачева, то в них весьма мало говорится о коммунизме.¹⁷

Вряд ли черные галстуки, которые носят люберы, любимый цвет советской власти

Приводимый ниже куплет из гимна люберов возможно подтверждает их великодержавный националистический характер:

“Родились мы и выросли в Люберцах,
Центре грубой физической силы.
И мы верим, мечта наша сбудется.
Станут Люберцы центром России.”

Развитие гласности привело к тому, что руссофилы безбоязненно прямо высказывают свои великодержавные националистические идеи и выступают против национальных меньшинств и прежде всего евреев. Конечно, эти идеи в неприкрытой форме обычно высказываются в самиздатской литературе: официальная советская печать все же не допускает этого. Конечно, и раньше руссофилы высказывали прямо свои идеи через самиздат. Но раньше это относилось преимущественно к руссофилам, которые были вне эстаблишмента - Шеманов, Скурлатов, Осипов и др. Теперь же это делают руссофилы, принадлежащие к эстаблишменту. Я имею в виду переписку между В.Астафьевым, одним из самых талантливых современных русских писателей лауреате Государственной премии, секретаре Союза Советских Писателей, и Н.Эйдельманом, известным советским историком и литературоведом, занимающимся русской историей и литературой.¹⁸ В своем ответе

Эйдельману Астафьев высказывает свои великодержавные взгляды и обвиняет евреев в том, что по их вине совершились в России в послереволюционный период многие злодеяния, включая зверское убийство царской семьи. В своем ответе Эйдельман пытается образумить Астафьева и предлагает ему поискать корни несчастий в самих себе. Но, увы! Когда удавалось переубедить кого-либо, кто не хочет брать на себя ответственность за прошлое и не хочет искать вину в себе?

Но если В.Астафьев высказывал свои националистические и антисемитские взгляды в самиздате, то "госкомитетчик" Ненашев снисходительно объясняет интервьюеру "Der Spiegel", что "Гроссман не имел права судить, потому что был этой стране чужой".¹⁹

Кампания гласности, развертываемая Горбачевым, сопровождается усилением активности населения, большим его участием в выборах разных руководящих работников. Вопрос теперь заключается в том, кто будет избираться народом?

Выборность в условиях советской действительности чревата большими опасностями. Если это касается хозяйственных руководителей, то могут быть выбраны не самые сильные хозяйственники, а руководители, которые допускают послабления и не строго наказывают за прегрешения.

Однако меня интересует возможный тип политического руководителя, который народ может предпочесть при выборах.

14 марта 1987г. в газете "Известия" было опубликовано письмо некоего Г.Н. Бочеварова. Заметим, что "Известия" в публикации сохранила полный адресат письма, а именно то, что его копия направляется в КГБ и Гостелерадио СССР. Я не помню случая, чтобы советская газета так всуе упоминала святой адресат КГБ. При этом редакция в ответном письме своего корреспондента А.Бовина заявила несогласие с автором

письма. Как мне кажется, по этому письму можно судить об отиюшении (по крайней мере заметной части) советских людей к типу избираемого политического руководителя.

Письмо касается американо-советского телемоста, организованного Ф.Донахью и В.Познером. Бочеваров в самых разгузданных тонах пишет о том, что наведение телемостов с американцами крайне вредно, так как не только американское правительство, но американцы как народ хотят уничтожить русских. Интересны следующие строки письма:

"Сейчас в нашей стране и дальше будут проводиться выборы руководителей на местах. И мы, телезрители, имеем полное право выбрать себе тех обозревателей и комментаторов, которые выражают и нашу точку зрения."

А сколько их таких телезрителей? На этот вопрос я ответить не могу. Но думаю, что их число таково, что им пренебрегать нельзя. По крайней мере Бовин в своем ответе пишет:

"Думаю, Бочеваров не одинок. Наверное, есть люди, которые разделяют его позицию."-20

И, наконец, говоря о развитии руссофильства в настоящее время, нельзя не упомянуть о том, что делается с православием: идеологией, которая должна придти на смену коммунистической, и которая органически сливается с руссофильством, поскольку Россия практически единственная крупная носительница православия.

Горбачев по-прежнему сохраняет приверженность в целом к господствующей идеологии. В отличие от Китая в СССР по-прежнему нельзя высказать сомнение в абсолютной чистоте идей Маркса или Ленина. Между тем коммунистическая идеология обветшала она

больше прикрытые, и лидеры может быть охотно бы от нее и освободились. Интересно было бы, если бы кто-нибудь проследил, как часто слово коммунизм использовалось Хрущевым, Брежневым, Андроповым, Черненко и наконец Горбачевым. Судя по всему Горбачев старается избегать употребления этого слова.

Но чем заменить коммунистическую идеологию? Ведь коль скоро сохраняется авторитарный режим, для него нужна господствующая идеология, которая легитимизирует этот режим.

И здесь на передний план выступает православие как антитеза плюралистической западной идеологии. Я отнюдь не хочу жестко связывать христианство с авторитаризмом и невозможность сочетания секуляризованного христианства с плюрализмом.²¹

Но, увы, христианские идеи в России в большей мере потому, что они представлены православной ветвью, могут быть использованы для становления националистической идеологии: Россия и православие сливаются, так как Россия единственная крупная страна, представляющая православие. Известно, что Сталин с середины тридцатых годов, и особенно во время войны и после нее, многое сделал для восстановления православной церкви. Я не ручаюсь за достоверность данных, но мне запомнились такие цифры: в СССР в 1939г. было 500 церквей, а в 1953г. - 11000. И после смерти Сталина православие не сдавало своих позиций и больше и больше набирало силу, особенно с 70-х годов по мере все большего разочарования атеистическими идеологиями.

Вот что пишет А.Великанова по поводу развития в СССР православия в Горбачевский период:

"На первый курс в Московскую духовную семинарию принято в пять раз больше народу, чем в прошлом году. Поступило много ребят с

высшим образованием, приняты и те, кто уже пытался и не мог. Одна отца Марка Вольфсона лишили сана. И, по-видимому, среди принятых нет крещенных евреев."²²

Шовинизм (корни)²³

Шовинистические идеи - даже крайние формы их проявления - не новое явление в России. Эти идеи нашли свое выражение еще в предреволюционной России в доктрине "Россия третий Рим; четвертому Риму не бывать." Однако в предреволюционной России основная масса интеллигенции не разделяла этой концепции. Интеллигенция верила больше в либеральные идеи, верила в то, что можно прозападным путем добиться величия страны. И мы знаем, что большевикам симпатизировало заметное число либерально настроенных интеллигентов.

После революции значительная часть интеллигенции поверила в то, что большевики творят великую Россию, что создаваемая ими новая социальная система будет лучшей и покажет миру путь его развития. В этом смысле большевики свершили революцию, легализовав идею выхода России из провинциальности и превращения ее в центр мира. Концепция победы социализма, а затем коммунизма в одной стране закрепляла эту идеологию.

Я приведу ниже некоторые теоретические соображения, которые возможно позволят лучше понять обоснованность этой идеи. Для этого введем некоторые понятия; с одной стороны - здоровой и больной экономической системы, а с другой, - нормальной и патологической. Из четырех комбинаций между этими показателями только одна логически несостоятельна - здоровая патологическая экономическая система. Чем же отличаются такого рода системы. Нормальная система - эта система, в которой развитие соответствует желаниям членов общества (разумеется

неподавленным силой власти). Больная система- эта система, развитие которой отклоняется от желаний членов общества. Конечно, верификация такого рода требований проблема весьма сложная. Но примем, что такого различие возможно. И действительно, в каких-то случаях эта верификация может быть достигнута. В частности, если желания людей связаны с ростом производства благ, а система сокращает производство благ, то такая система больна.

Другим аспектом системы является ее нормальность в противоположность патологии. Как было предложено Р.Аккоффм, с которым Д.Гараджедахи и я читали в Пеннсилванском университете совместный курс по патологии социальных систем, патологическая система отличается от нормальной тем, что она не может сама в пределах имеющихся у нее возможностей, поддерживать нормальный режим и устранять болезненные ситуации. Другими словами, болезнь системы не означает ее патологичности; патология возникает, когда система не может сама справиться с болезнью.

Такое различие систем можно, в частности, приложить для анализа капиталистической и социалистической систем. Интересно отметить в этой связи, что марксизм считает капиталистическую систему больной и патологической. Ее болезни видны: эта инфляция, безработица, преступность, проституция, бездомность, бедность и т.п. Ее патологичность определяется тем, что в ней господствует частная собственность, при которой каждый участник преследует своекорыстный интерес и порождает в целом в обществе анархию и социально-экономические и политические болезненные явления.

Итак, согласно марксизму, при капитализме указанные выше болезненные явления как в экономической, так и в социальной области, порождаются самой структурой системы, отношениями собственности, лежащими в основе этой структуры;

поэтому эти болезни считаются неизлечимыми и обрекающими систему на деградацию.

Что же касается социалистической системы, то поскольку в ней собственность принадлежит всему народу(?) и система направляется планом во имя интересов народа, то марксизм ее считает нормальной и могущей даже предотвратить всякого рода болезни.

Конечно, такой взгляд на системы является радикальным - в каждой системе видны только или плюсы или минусы. Однако постараемся смягчить марксизм и постараемся увидеть в каждой из указанных систем и плюсы и минусы. В этом случае при капитализме, болезни сильнее чем здоровые начала, а патологичность - нормальность. Противоположное - при социализме.

Именно такого рода взгляды достигли своего апогея в начале тридцатых годов этого столетия. Глубочайший кризис экономики, охвативший развитые капиталистические страны, предшествовавшая этому Первая мировая война, упадок морали - все это было результатом внутреннего развития капиталистических стран и никак не могло быть отнесено к проискам коммунистов. Между тем СССР в это время начал бурную индустриализацию. Росли города, нехватало рабочей силы, люди распевали оптимистические песни. То, что этот процесс сопровождался уничтожением крепкого крестьянства, а затем вакханалией политических процессов над так называемыми врагами народа рассматривалось либералами как болезни роста. Другими словами, если болезни, переживаемые Западом, казались либералам подтверждением патологического характера Западного общества, то болезни, переживаемые СССР, казались болезнями роста, болезнями нормальной структуры.

Можно понять ретроспективно, как трудно было разобраться в подобной обстановке либерально настроенной интеллигенции, где патологическая структура, а где нормальная. Если учесть, что в

условиях свободного западного общества его болезни обнажались, печать беспрерывно их обсуждала, то легко увидеть, что это еще усиливало представление о гибельности происходящего.²⁴ Между тем советская пресса была под строгим партийным контролем и уничтожение миллионов людей тщательно скрывалось; поэтому крайне либерально настроенные круги вообще могли считать, что факт уничтожения миллионов выдуман врагами нового режима. Оглядываясь на происходившие события после семидесятилетнего опыта советской власти, можно четче сказать, какая система оказалась нормальной, а какая патологичной с точки зрения западного либерала. Западному миру удалось преодолеть остроту своих болезней, хотя многие из них сохраняются и доставляют много неприятностей. Советское общество вступило в полосу стагнации и, судя по всему, у него нет возможности в длительной перспективе обеспечить желательное развитие в ценностях западных людей.

Конечно, характеристика советского общества не так проста. Нельзя сказать, что это общество не имеет черт, привлекательных для большей части советского населения. Можно предполагать, что большинство из самых разных кругов советского населения, включая и творческую интеллигенцию, принимает авторитарный режим и только мечтает, чтобы лидер был хорошим. Советским людям больше нравится концепция заботы государства о человеке, широко рекламируемая средствами пропаганды, нежели концепция собственной ответственности за свои действия. Гарантия работы со стороны государства крайне привлекательна для подавляющего большинства населения и не только, по-видимому, советского. У советских людей есть огромное желание роста материального благосостояния, которое советская система не может обеспечить. Поэтому оценка советской системы в ценностях советских людей представляет большую трудность, поскольку трудно дать веса тем или иным компонентам желаний людей. На

интуитивном уровне я бы сказал (в моих терминах), что для большинства советских людей (а может быть и для подавляющего большинства) советская система болезненная, но нормальная, не патологичная. Советские люди в большинстве своем верят, что структура системы позволяет преодолеть имеющиеся трудности и добиться осуществления их желаний. Советская система в глазах западного человека, по-видимому, рассматривается в целом как патологичная.

Итак, возвратимся к корням шовинистических настроений в советском обществе.

Определенная группа русских интеллигентов поддерживала большевиков потому, что большевики, с их точки зрения, продолжали великие традиции России по укреплению и расширению империи; они считали, что воплощение сталинской доктрины "победы социализма в одной стране" принесет власть России над миром. Эти люди весьма резонно считали, что коммунистические лозунги, которые большевики используют в своем великом деле, временные: лозунги приходят и уходят, а империя остается. Среди сторонников такой точки зрения были люди самых различных убеждений: монархисты, евразийцы и др.

Успехи России в области индустриализации и победа над фашистской Германией, создание Сталиным после войны гигантской военной машины и т.п. факты подкрепляли веру в то, что Россия лучше всех.

Таким образом за прошедшие 70 лет после революции несколько поколений по разным мотивам верили в то, что Россия лучше всех.

Либерально настроенные русские интеллигенты прозападной ориентации отнюдь не считали, что Россия не может обогнать Запад западными же методами. Последним советским лидером, кто пытался еще использовать эту идею, был Н.Хрушев. Он хотел построить в СССР коммунизм как самую лучшую систему. Он, по-видимому, еще верил в то, что в соревновании двух систем победит социализм.

После смещения Хрущева новые лидеры проявили достойный реализм и немедленно постарались забыть утопическую пропагандистскую Программу построения коммунизма. Лозунг соревнования двух систем был снят. Полутно замечу, что созданный при Хрущеве Научный Совет по соревнованию двух систем при Академии Наук СССР был ликвидирован.

Советские лидеры после Хрущева не претендовали на то, чтобы быть лучше Запада.

Правда, новое советское руководство позволяет себе иногда делать заявления о превосходстве социализма над капитализмом. Так Горбачев сказал Маргарет Татчер, что

"Социалистическая система многократно демонстрировала и во многих отношениях свое преимущество над капитализмом. Это не хвастовство, а упрямые факты. Далеко не все возможности системы были раскрыты и использованы."²⁵

В еще более резкой форме эти же соображения были высказаны секретарем ЦК КПСС А.Яковлевым в интервью, которое он дал Натану Гарделсу для ежеквартального журнала "Новые перспективы". Яковлев, высоко оценивая преимущества социалистической системы, прямо заявил, что "Мы должны опять Вас, на Западе удивить. И это время далеко не за горами. Мы удивим Вас." (там же).

Я разделяю мнение Флоры Льюис, что в этих заявлениях советских руководителей вида "уязвленная гордость" (wounded pride). Они еще продолжают сохранять веру в то, что нынешняя система имеет достаточный потенциал для того, чтобы они были достойными соперниками западным державам сохранить престиж империи, но маловероятно, чтобы они верили в преимущество социализма над капитализмом.

Мне представляется, что в настоящее время, когда уже есть большой опыт строительства социализма не только в СССР, но и в Китае и восточно-европейских странах, среди советской интеллигенции мало кто верит в преимущество социализма над капитализмом. Еще в 60-ые годы заметное число интеллигентов, воспитанные в духе превосходства социализма, хотели бы, чтобы эта идея воплотилась в жизнь и Советский Союз воистину стал бы избыточной и свободной страной, величайшей державой мира. Длительное время они связывали это с либерализацией прозападного толка. Однако брежневское правление, законсервировавшую систему и вдобавок устроившее гонение на либеральных диссидентов и преуспевшее в их разгоне, лишило эту интеллигенцию веры в возможности успешного прозападного развития. Хотя гонения устраивались и на руссофилов и сепаратистов, однако размеры их были несимметричны. Гонению среди руссофилов подверглась только очень небольшая часть, которая своими действиями уж слишком резко противостояла канонам власти. (Я имею ввиду Огурцова, создавшего организацию Христианского союза, редактора журнала "Вече" В.Осипова, организаторов религиозных христианских сект. Советские аппаратчики хорошо усвоили опыт большевиков, они поняли как опасны подпольные

Известная часть советской интеллигенции, которая разочаровалась в возможности увидеть величие страны на путях прозападной ориентации, возможно под влиянием либеральной политики нового советского руководства вернется к своим прежним идеалам.

Однако другая часть пытается найти в русской традиции свои прежние идеалы. "Мы иные и лучше Запада, наши ценности лучше западных, поскольку они чисты от меркантильности, индивидуализма, суесть." Так высказывались руссофилы сто пятьдесят лет назад; так вновь высказываются теперь.

Подтверждением моих соображений о растущем руссофильстве в среде интеллигенции могут служить следующие факты.²⁶

Я помню, когда в 1978г. Ш. эмигрировал из СССР, то он мне рассказывал, что одной из решающих причин его выезда было ощущение того, что он там не нужен. Даже среди своих близких русских друзей, которые до этого были настроены прозападно, он заметил резко выраженные тенденции к руссофильству.

В письме из СССР, полученном в Израиле от одного видного советского ученого и датированного 3 октября 1986г., отмечается:

"Это новое явление в нашей жизни, к-рое началось вскоре после твоего отъезда (т.е., примерно, три года назада А.К.), и я отношусь к нему весьма серьезно. Дело в том, что произошла некоторая знаментальная переориентация настроений русской интеллигенции. Эпоха западничества и демократизма, или стремления к нему, прошла прочно, где-то в конце 70-х гг. от нее еще оставались какие-то рожки и ножки. Теперь господствующим направлением в умонастроениях наших коллег-компатриотов является русский патриотизм, народность и пр."²⁷

Таким образом, сложность ситуации заключается в том, что руссофильство развивается в условиях, когда, с одной стороны, среди советской интеллигенции произошло глубочайшее разочарование в либеральных идеях, возникло неверие как в идеи демагогического коммунистического толка, так и в идеи возможности развития страны по пути построения свободного западного общества, а с другой,- имеется традиция, ставшей господствующей после революции,- считать Россию лучше всех.

Вместе с тем в СССР имеются значительные либеральные силы и в среде умеренно настроенных националистических групп. (При отсутствии социологических исследований, нет ясности в том, насколько сильны эти различные направления).

В сложившихся условиях Горбачев стоит перед дилеммой: желая либерализовать страну и сохранить ее величие - кого выбрать себе в союзники: умеренных русских националистов, гордящихся Россией и русским народом, но не шовинистов, либо группы, придерживающиеся идеи великого советского народа, т.е. равноправия народов, строящих лучшую в мире социальную систему. По-видимому, можно привести доводы в пользу того и другого сочетания. Но во всяком случае не исключено, что Горбачев может склониться к первой альтернативе. Это может соответствовать его личным привязанностям как русского человека.²⁸ Не приходится уже говорить о том, что ему необходимо учитывать расстановку политических сил, особенно националистические настроения в армии. Армия всегда была более чувствительна к национализму, так как она призвана защищать страну, тогда как партийный аппарат и КГБ прежде всего защищают режим; это, конечно, не исключает и наличия там сильных националистических настроений.

Однако попытка соединить либерализацию с умеренным национализмом, при всей ее привлекательности и реалистическом учете многих политических факторов, может оказаться весьма неудачной, так как если в сравнительно короткий срок не удастся изменить ход стагнирующего процесса в стране, то поддержка даже умеренных националистических кругов может в еще большей мере форсировать процесс прихода к власти шовинистических кругов.

Экономика

Рассмотрим теперь какими методами пытается Горбачев активизировать экономику на общем фоне активизации населения.

Проводимая Горбачевым кампания по децентрализации экономики представляет значительный интерес. Вместе с тем надо помнить, что эта кампания ограничена.

Попытки совершенствования системы управления крупной промышленностью связываются прежде всего с процессом деконцентрации. Деконцентрация означает уменьшение числа показателей, которые планируются предприятию, в пределе - их сведение к одному - прибыли, а также меньшее вмешательство вышестоящих организаций во внутренние дела нижестоящих. При этом полностью сохраняется централизованная система планирования и система назначения руководителей на всех уровнях иерархии. Именно такого рода предложения по совершенствованию экономического механизма были характерны для экономической реформы в промышленности в СССР в 1965г., а также для Андроповского правления. Эти предложения встречают также поддержку среди руководителей предприятий, так как позволяет им получить больше самостоятельности и вместе с тем не нести огромной ответственности за результаты своей деятельности, характерные для рыночной экономики.

Децентрализация в отличии от деконцентрации означает, что участники экономической системы являются финансово независимыми, фактически сами являются управляющими, не обязаны следовать в своей деятельности предписаниям вышестоящих организаций.

Хотя при Горбачеве частично намечается децентрализация в промышленности (к примеру, выборность директоров), она предполагается прежде

всего в сельском хозяйстве и сфере услуг и ассоциируется с НЭП,ом.

Однако нынешняя ситуация в стране отлична от той, при которой вводился НЭП (равно как и от внешней ситуации в Китае и Венгрии). Это прежде всего относится к сельскому хозяйству. В СССР сейчас в сельском хозяйстве крайняя нехватка опытной здоровой мужской рабочей силы; вместо лошади используются тракторы, всевозможные химикаты и т.п. Поэтому чтобы осуществить существенный поворот в развитии сельского хозяйства, нужно прежде всего создать соответствующие условия для децентрализации. А для этого во многом требуется ревизовать внешнюю политику экспансионизма и сплошной милитаризации страны. Нужно не только прекратить отток здоровой молодой рабочей силы из села в город и армию, но привлечь в село из города определенное число активных людей. Нужно существенно изменить структуру производства тракторов: вместо по преимуществу тяжелых гусеничных тракторов, которые так нужны армии и во многом могут использоваться в укрупненном сельском хозяйстве, надо больше производить мелких колесных тракторов для единоличника.

Мне представляется, что максимально возможное компромиссное решение проблемы совершенствования советского экономического механизма будет достигнуто на пути комбинации деконцентрации в крупной промышленности с частичной децентрализацией в сельском хозяйстве, сфере услуг и мелкой промышленности.

Я хотел бы обратить в данной связи первоочередное внимание на политическую сторону вопроса, на возможности использования этих идей отнюдь не для целей улучшения жизненного уровня населения.

Известно, что демократизация страны невозможна без децентрализации экономики, т.е. децентрализация экономики является необходимым условием для

демократизации страны. Мы не знаем ни одного примера демократической страны, где бы доминировала централизованная экономика. Вместе с тем это условие не является достаточным. Известно множество стран с авторитарным режимом разной меры жесткости, в рамках которых функционирует децентрализованная экономика - это Югославия при Тито, Испания при Франко, Италия при Муссолини, Германия при Гитлере.

Таким образом, проводимая Горбачевым кампания по децентрализации и децентрализации экономики вполне может оказаться совместимой с авторитарным режимом типа, скажем, Югославии.

Эта политика может поддерживаться также многими военными, которые отлично понимают необходимость развития экономики как для создания новых видов оружия, так и увеличения производства обычного более эффективного вооружения. Конечно, среди военных может быть широко распространена и точка зрения, что все это может быть достигнуто и на путях централизованной экономики. В этом отношении представляет особый интерес высказывания Н.Огаркова в его бытность Первым Заместителем Министра Обороны и Начальником Генерального Штаба Советской Армии. Я ниже приведу полный текст его предложений по совершенствованию централизованного механизма в силу того, что они представляют собой крайний способ решения хозяйственных проблем.²⁹

Однако не исключено, что заметная часть военных соглашается в рамках сохранения в целом советской милитаристской ориентации пойти на более гибкую экономическую систему. Не эти ли военные круги являются опорой Горбачева? ³⁰

Гибкая экономическая политика вполне может оказаться совместимой с руссофильством. Конечно, среди руссофилов есть разные мнения и для некоторых идеал Обломов, а не Штольц. Однако многие руссофилы, и прежде всего А.Солженицын, продолжили бы политику Столыпина, которая, как

известно, была ориентирована на создание фермера взамен крестьянина, жившего в общине.

Таким образом, более гибкая экономическая политика может оказаться совместной с авторитарным режимом. Она может найти политическую поддержку среди определенных групп населения различных кругов, сформированных по разным критериям: профессиональному, идеологическому и т.п., т.е. она может найти поддержку и среди военных, и руссофилов и т.п.

Другое дело, окажется ли такая гибкая экономическая политика, даже при широкой поддержке населения, достаточной для того, чтобы вывести страну из стагнации. Более того, данный вопрос должен быть поставлен не абстрактно, как он нередко ставится, а при условии, что он будет разрешен в определенный период времени, скажем 5-7 лет. Если решение проблемы затянется на более длительный срок, то в условиях стагнации можно ожидать самые неожиданные политические события. Необходимо также учитывать имеющийся уровень развития хозяйства, меру опустошенности людей, природных ресурсов и капитальных благ.

Мне представляется, что отмеченные выше мероприятия по повышению гибкости советского экономического механизма при существующих условиях, вряд ли позволят разрешить проблему стагнирующей экономики в указанные сроки. В этих условиях с особой остротой встает вопрос о помощи советскому хозяйству со стороны Запада. Но об этом я поговорю позже.

Угроза

Что же делать Западу в этих условиях? Я далек от мысли дать наилучший ответ на этот вопрос. Какие предложения не были бы видвинуты им могут быть противопоставлены другие; оценить при этом

преимущество одних по сравнению с другими невозможно, так как мы имеем дело с индетерминированной ситуацией, в которой нет программы для полной и непротиворечивой увязки различных событий. Как говорит русская поговорка в такой ситуации: куда ни кивь, всюду клив. В таких условиях важно, чтобы срабатывал механизм преемственной разработки альтернатив, появлялись все время новые альтернативы, чтобы избиратели, а затем администрация могли выбирать из имеющихся альтернатив ту, которую в данной ситуации находят предпочтительной, наблюдать за ее реализацией и менять ее, если она неудачна или изменились условия.

Ниже я попробую высказать некоторые соображения, которые, возможно, в какой то мере могут способствовать развитию определенного класса альтернатив.

Прежде всего, как говорил, кажется, Спиноза "надо не плакать, не смеяться, а изучать". По-видимому, вначале желательно грубо, качественно оценить, какова реальность угрозы усиления национализма в СССР. Мне представляется, что это явление и на Западе, и в СССР крайне недооценивается.

Нужно заметить, что бинарный подход сейчас, по-видимому, один из доминирующих при формировании политики Запада по отношению к Советскому Союзу. Так существующему в СССР режиму, который считается коммунистическим (СССР- коммунистический дьявол), противопоставляется антикоммунистическая позиция: все кто против коммунизма с нами. Между тем, если учесть, что нынешние советские лидеры по преимуществу не верят уже больше в коммунистическую доктрину, что они цинично ею прикрываются и что среди них могут быть даже либерально настроенные люди, то ситуация начинает меняться. Им начинают прежде всего противостоять консерваторы, т.е. охранители сложившегося режима, среди которых также преобладают циники, не верящие

в коммунистическую доктрину, но желающие сохранить существующий авторитарный строй. Более того, при тройственном подходе наряду с либералами и консерваторами появляются еще искренне верующие, даже фанатичные реакционеры- русские цювишистически настроенные круги.

В этих условиях крайне важно понять, какова угроза "третьего начала".

Прежде всего, по-моему, из Советского Союза не поступает достаточно осмысленной информации об угрозе националистических кругов. Такого рода ситуация, если упростить картину, может быть объяснена следующим образом. Критически настроенная советская интеллигенция видит перед собой врага в лице власть имущих, которые ее ограничивают и преследуют, и не видят пути изменения существующей ситуации. У руссофилов - тот же главный враг. Я хочу при этом резко подчеркнуть, что эта общность доминирует над различиями, а не то, что интеллигенция там не видит различий. Более того, либерализация страны настолько важна для большей части прозападно настроенной интеллигенции (которая и снабжает в основном Запад информацией), что она принижает одновременно растущую при либерализации угрозу со стороны реакционеров. Последнее обстоятельство нуждается в кратком пояснении.

Дело в том, что активная часть прозападно настроенной интеллигенции находится в возрасте около 50 лет и старше. Горбачев для них последний шанс, последняя надежда на возможность либерализации страны.³¹ Этой интеллигенции русские националисты кажутся небольшой группой малообразованных, грубых и невежественных людей, а подчас даже просто хулиганствующими элементами, которые не могут оказать серьезное воздействие на происходящие события ни внутри страны, ни во вне ее. Прозападная интеллигенция не без основания считает, что власть имущие боятся руссофилов, так как понимают, что они

несут прямую угрозу их смещения. Эта интеллигенция считает, что если националисты принадлежат даже к кругам творческой интеллигенции, то они не могут представлять интерес для Запада: их книги написаны на таком особом русском языке, что их нельзя перевести, а их картины рисуются в такой старой манере, что западной модернистской настроенной публике они совсем неинтересны.

Мне представляется, что политически активная часть советской интеллигенции, эмигрировавшая на Запад, потеряла своего общего врага - советскую власть. Теперь - здесь, на Западе, каждый в отдельности должен бороться за то, чтобы привлечь внимание власть имущих к предложениям, направленным на совершенствование советско-американских отношений - в этом их сила как экспертов; но сейчас резко чувствуется разнообразие точек зрения в этих кругах; и, в частности, есть среди них и люди, которые призывают в Западной прессе, к власти имущим политикам и интеллектуалам, обратить внимание на возрождение русского национализма и его опасность.

Пионером в этом по праву можно считать выдающегося советского историка и публициста А.Янова. Я хотел бы также отметить статьи в американской прессе двух эмигрантов из СССР В.Соловьева и Е.Клепиковой, в которых они обращали внимание на опасность усиления русского национализма, называемого им "русской партией". На одну из этих статей, особенно близкой к рассматриваемой тематике, я весьма подробно ссылался в начале данной статьи. Интересны также высказывания А.Великановой по поводу современного руссофильства.³²

Итак, о Янове. Еще в 1968г., когда почти еще никто не понимал надвигающейся опасности руссофильства, Янов своей статьей "Загадка славянофильской критики" открыл дискуссию по славянофильству в журнале "Вопросы литературы".³³ Показав как исторически

Показав как исторически славянофильство эволюционизировало от либерализма к шовинизму, Янов в своей статье также обратил внимание на новоявленных славянофилов, в частности В.Кожанова. Эмигрировав в 1974г. в США, он сразу же, будучи без каких-либо гарантированных средств к существованию, не побоялся поднять свой голос против советологического эстаблишмента и восторженных поклонников А.Солженицына. В своей работе "На полпути к Константишу Леонтьеву" он показал, что Солженицын повторяет путь славянофилов и что он может стать весьма реакционным политическим деятелем.³⁴ То, что сегодня Солженицына иногда называют "аятола Солженицын", к сожалению, имеет основания. Программа Солженицына, неоднократно им самим объявляемая ("Письмо вождям Советского Союза", Гарвардская речь), а также его литературные произведения последних лет мало чем отличаются от фундаменталистских воззрений Хомейни до прихода к власти. А что стал бы делать Солженицын, если бы он стал вождем России, ее духовным лидером, можно лишь гадать. Но во всяком случае одно можно сказать, что при его нетерпимости и презрении к плюрализму (что то в этом заграничном слове есть от "плювать") вряд ли при его власти можно было бы ожидать свободы.

В своей книге о русских правых, выпущенной в конце 70-ых годов³⁵, и в особенности в своей новой книге на эту тему, которая должна вскоре появиться на английском и русском языках, Янов подробно разбирает идеологические кощелции руссофилов.

Я разделяю мнение Янова, что руссофилы страшны тем, что они имеют реальную программу. Это не значит, что есть одна развернутая программа руссофилов. Руссофилов - тоже разные. Однако их всех практически объединяет то, что называлось "русскими началами": вера в лидера, православие и русский патриотизм. Они согласны уничтожить обветшалую коммунистическую идеологию и Коммунистическую

партию. Мне представляется, что по мере обоснованности руссофильская программа весьма близка к программе большевиков до революции. Достаточно вспомнить, что крестьянскую программу большевики в последний момент перед октябрьским восстанием 1917 г. украли у эсеров, а обещание отдать фабрики рабочим было столь поверхностным, что почти сразу же после революции от него отказались. Важно то, что в заявлениях большевиков была общая направленность, созвучная настроениям масс.

Но слышат ли на Западе власть имущие Янова? Конечно, речь идет не о том, принимают ли они его идеи, а о том готовы ли они серьезно обсуждать выдвинутую им проблему или отмахиваются от нее?

Вот что пишет Янов об этом в статье "Готов ли Запад к 2000 году?", полемизируя мысленно с Пайпсом и Колтоном по поводу своей книги "Русская идея и 2000 год. Готовясь к последней конфронтации с Западом":

"Скорее всего спросят они меня, когда выйдет эта книга, то же самое, что спрашивали критики после выхода "Русской Новой Правой": сколько последователей в СССР у Русской Идеи? Сколько сторошиков имеет она во влиятельных придворных кругах в Москве? А я не знаю. Так же, впрочем, как не знает ни одна душа на свете. И поэтому они отвернутся, недоуменно пожав плечами, совершенно уверенные, что Шимацов-лунатик, а планы Русской Идеи на 2000 год-бред.

Стоит лишь, однако задать себе те же самые вопросы в отношении большевиков в начале XX века, и мы тотчас увидим, что их статистическая логика просто не имеет отношение к делу. Сколько последователей было у большевиков, скажем, за десятилетие до их сокрушительной победы в 1917г. Ничтожно мало. Даже на

основании документов, приведенных в этой книге, можно сказать, что их было намного меньше, нежели у нынешней Русской Иден. Сколько было у большевиков сторонников во влиятельных придворных кургах? Нисколько. И все-таки они победили. Почему? Ответить на этот простой вопрос с точки зрения статистической логики скорее всего невозможно. И уже во всяком случае немислимо было предсказать победу на почве этой логики в 1908г. С точки зрения гипотезы, которая лежит в основе этой книги, победа большевиков легко объяснима: они оказались единственной в тогдашней России группой, располагавшей реальной альтернативной идеологией, способной спасти империю в момент ее "генерального" кризиса."³⁶

Можно предъявить Янову немало упреков по поводу его идей. Я во многом разделяю мнение тех, кто не принимает его практические предложения по поводу урегулирования советско-американских отношений и считает, что Янов упрощает вопрос о том, как Запад должен относиться к советским лидерам вообще и лидерам либерального толка, в частности. Однако мне кажется, что все эти несогласия с Яновым не должны затмить центральной темы его работ, его новаторства, касающегося понимания опасности руссофильства. Именно то, что в западной литературе этот вопрос не получил должного осознания, заставляет в особенности бережно относиться к яновским работам. Я вовсе не хочу этим сказать, что руссофилы обязательно победят. Но сбрасывать со счетов роль руссофилов, отмахиваться от этого феномена как от чего-то несущественного, кажется становится слишком опасным.

Выигрыш

Итак, допустим, что власть имущие на Западе приняли во внимание самым серьезным образом угрозу руссофильства. Что же тогда делать? Опять и опять я напоминаю, что у меня нет никаких готовых рецептов на этот счет, а есть лишь желание поделиться с читателем некоторыми соображениями по данному поводу. Если меня где-то "заносит" и я начинаю становиться категоричным, то пусть читатель меня извинит за то, что я не сумел справиться со своими эмоциями.

Чтобы высказать свои отдельные суждения по поводу пресловутого вопроса "Что делать?", мне опять придется несколько отступить и вкратце изложить мое понимание некоторых возможных альтернатив взаимоотношения России и Запада.

Я принимаю как аксиому стремление Запада к миру: слишком опасна война при современном вооружении. Довольно распространено на Западе мнение, что для достижения этого необходимо, чтобы СССР был прежде всего миролюбивой страной, а для этого СССР должен в свою очередь изменить свою внутреннюю структуру. Функционировавшие в СССР авторитарные режимы стремились к экспансии. Если лидер объявлял миролюбивую политику, то, как правило, ему нельзя было доверять, так как он использовал ее в демагогических целях. Но даже если лидер искренне хочет мира, то нельзя на него полагаться, так как в системе нет институтов, которые могли бы закрепить эту политику, ограничить вновь пришедшего лидера, если он захочет по личным соображениям упразднить прежний политический курс. На Западе довольно широко распространено мнение, что для миролюбивой политики СССР необходимо демократизовать страну. Отсюда и различные политические стратегии по отношению к СССР, направленные к ее демократизации.

Отсюда и различные политические стратегии по отношению к СССР, направленные к ее демократизации.

Вместе с тем можно предполагать, что не все страны могут установить у себя демократические режимы. Я отнюдь не хотел бы это сводить к генетической предрасположенности населения данного региона.³⁷ Но то, что культура народа является важнейшим фактором при установлении политического строя, мне кажется, несомненным фактом. По-видимому, можно согласиться с тем, что изменение культуры страны требует значительное время, измеряемое если не столетиями, то по крайней мере не одним-двумя поколениями. Возможно, что можно согласиться и с тем, что для развития человечества нужно многообразие культур. Отсюда задача сохранения в мире многообразия культур и соответствующих им политических режимов. Если какая-либо культура экспансионистская, то ее не нужно уничтожать или преобразовывать; просто надо иметь силы сдерживания, которые не допустят этой экспансии. В случае, если экспансионистская страна переходит к реальным действиям по уничтожению многообразия культур в мире, то тогда во имя того же сохранения многообразия ее нужно разрушить (как это было, к примеру, с гитлеровской Германией).

Сложившаяся ныне в мире ситуация крайне благоприятна для сохранения многообразия культур. Ведущие индустриальные державы являются демократиями. При всех разногласиях между ними они совместимы³⁸ и понимают необходимость сохранения свободного мира. Единственной крупной экспансионистской страной является СССР. Впервые в истории он многие годы изолирован от других развитых стран, не имеет среди них союзников. Авторитарный индустриальный Китай также же может быть экспансионистским. Однако он пока не в счет как великая держава, так как у него нет достаточной для

этого мощи. У СССР эта мощь есть: он имеет ядерное оружие и средства его доставки, которые дают ему возможность сохранить свою безопасность, не бояться ядерного шантажа. Вместе с тем СССР имеет преимущество в численности армии, ее мобилизационных возможностях (в частности, все молодые ребята практически проходят военную подготовку) и ориентации хозяйства на военные нужды.³⁹ Используя эти преимущества и наращивая их при сохранении баланса в ядерном вооружении (что и требуют многие советские военные), можно осуществлять постепенную экспансию. Запад отвечает на такую политику СССР прежде всего созданием сильного ядерного потенциала и разработкой системы защиты от ядерного нападения. Но поскольку абсолютный щит создать, по-видимому, нельзя: против всякого яда находится противоядие, то ситуация, связанная с гонкой ядерного вооружения, чревата большой опасностью. Между тем западные страны не хотят расширять производство обычного вооружения и увеличивать армию для того, чтобы показать, что они не дадут СССР осуществлять экспансию обычным путем. Я не говорю о том, что Запад должен быть вооружен больше чем СССР. Я говорю лишь о таком количестве вооружения и размере армии, которые не дадут СССР возможность строить серьезные планы по дальнейшей экспансии. Если учесть, что нынешние советские лидеры циники, а не фанатики, они не пойдут на военные действия, если будут видеть реальную силу противника. Циников можно побудить к военным действиям, показывая им слабость, нежелание защищаться; более того, они могут, как показал в своих весьма оригинальных исследованиях В.Лефевр⁴⁰, принять стремление к компромиссу за слабость.

Кроме того, необходимо учитывать и научно-технический потенциал СССР. К примеру, можно гипотетически предположить, что СССР создает новый

вид оружия, который поставит мир под угрозу подчинения СССР.

Однако для правительств западных стран пойти на затраты на расширение армии и увеличение производства обычного вооружения значительно труднее, чем принять риск возможной ядерной катастрофы.

Таким образом, если учесть уникальность сложившейся ситуации, Запад в принципе казалось бы может сохранить мир или за счет иволяции СССР или за счет его демократизации. Именно с этой точки зрения оцениваются и шаги нынешнего советского лидера М.С.Горбачева.

Вместе с тем я уже отмечал, что проводимой либерализацией страны могут в большой мере воспользоваться националисты. Поэтому возникает такое парадоксальное соображение, что возможно следовало бы поощрять Горбачева на ближайшие годы к совершенно другому курсу, чем тот, который он сейчас проводит. Прежде всего Горбачева возможно следовало бы поощрить к отказу от милитаризации страны и, во-вторых, убедить его недопускать активизацию каких-либо кругов, в особенности и главным образом националистических. Тот выигрыш, который страна получит от демилитаризации, может способствовать снятию напряжения от стагнации. (Об этом подробнее я буду говорить ниже). Впоследствии на этой основе можно начать политику активизации населения. Таким образом, я высказываюсь не против политики активизации населения в СССР; я лишь пытаюсь указать на некоторые обстоятельства, в силу которых возможно нецелесообразнее, чтобы она начиналась не сейчас, не в условиях острой ситуации, порожденной стагнацией.

Более того, чтобы политика, направленная на демилитаризацию СССР, была реалистичной не просто страна СССР-ия должна быть в выигрыше, но прежде всего крайне заинтересован в этом должен быть лидер.

Но тогда сразу же возникает вопрос: "Есть ли такой лидер?" Довольно распространенным является мнение, что Горбачев еще не является полномочным лидером. Когда мы говорим о Горбачеве и его возможностях, то нужно иметь при этом ввиду, что у него, по-видимому, нет еще абсолютной власти, и он должен управлять в условиях олигархии. Между тем олигархия считается одной из самых консервативных форм правления, так как в принципе любое предложение одного из ее участников может быть заблокировано или, как говорят некоторые сотрудники аппарата ЦК КПСС, "повешено". Конечно, для создания эффективного механизма принятия решений необходимо по крайней мере создать западного типа систему, основанную на плюрализме, выборности лидеров и разделении властей. Однако такого рода систему создать трудно. Тогда, как это ни парадоксально, приходится надеяться на сильного лидера.

Именно таким образом я понимаю логику А.Штротаса, когда он, говоря о путях развития СССР, приходит к выводу, что

"До тех пор, пока в СССР будет существовать олигархический строй, ни о какой революции сверху не может быть речи. Предварительным условием такой революции может быть замена олигархии автократией." 41

Такая позиция весьма привлекательна своей парадоксальностью. Действительно, может оказаться, что путь к отрицанию автократии идет через ее укрепление. Однако такая позиция таит в себе огромные опасности, о которых Штротас не говорит. Как писал Б.Пастернак в своей поэме о Ленине

"Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход".

Поэтому, возможно, имеет смысл поискать другие альтернативы нежели создание автократии. Мне представляется, что олигархии олигархиям рознь. Возможно, что отмеченная выше олигархия возможна при пассивном лидере, боящемся существенных изменений. Такого рода лидер не будет настаивать на своих предложениях, искать коалиции внутри иерархии, так как боится, что в случае, если его предложение при реализации окажется ошибочным, то его легче будет сменить. Сказанное может быть неверным для активного лидера, идущего на риск принятия новаторских решений. Не в этом ли заключается разница между олигархом Брежневым и олигархом Горбачевым.

Таким образом, можно полагать, что и при олигархии возможен активный лидер и, следовательно, можно пытаться находить пути стимулирования его к определенным действиям.

Как известно, в странах с авторитарным режимом лидеры прежде всего добиваются роста своего престижа за счет расширения территории страны, навязывания своего режима новым районам мира и военных побед и этим входят в историю. Поэтому говоря о создании миролюбивого СССР, необходимо спросить от каких же невоенных действий лидер страны сумеет получить признание перед историей.

Для создания миролюбивого Советского Союза необходимо осуществить комплекс действий, как со стороны Запада, так и СССР. Отмечу некоторые из них. С одной стороны, Запад должен быть достаточно сильным и решительно недопускать какую-либо агрессию со стороны СССР, но и в то же время его актуальная военная мощь не должна порождать подозрений в готовности к превентивной войне с СССР. С другой стороны, Западу следовало бы помочь советскому лидеру стать значимым и войти в историю России как великому человеку. Мне представляется, что если бы советский лидер мог за обозримый для политического лидера (не диктатора) срок, скажем в

течение 5-7 лет, непрерывно и существенно повышать жизненный уровень советского населения, поднять его до стандартов хотя бы таких западно-европейских стран как Франция и Италия, то он мог бы стать национальным героем.

Я понимаю, что читатель может сказать, что если это будет достигнуто, то не захочет ли Горбачев дальше увеличивать свою популярность за счет военных действий и не будет ли ему это даже легче, так как это можно будет делать с относительно меньшим напряжением, большей поддержкой благодарного ему народа. Увы, я должен буду согласиться с такого рода критикой, так как нет полных гарантий, что это не может случиться. Но поскольку такая возможность имеет все же альтернативы, т.е. можно предполагать и мирный путь, то имеет смысл говорить о целесообразности риска в осуществлении политики, направленной на способствование резкого роста благосостояния советского народа при демилитаризации страны.

Конечно, при нынешней политике милитаризации и существующих отношениях с Западом советский лидер не сможет реализовать эту политику и стать национальным героем за счет повышения благосостояния народа. Если бы СССР реально сократил вооружение, то он мог бы высвободившиеся средства пустить на рост благосостояния. Собственно говоря, это и было сделано советскими лидерами сразу же после смерти Сталина, когда они отказались от идеи доминирования над миром и перешли к концепции быть мировой державой как США. Однако при нынешней запущенности хозяйства и настроениях населения даже демилитаризация не может дать быстрых результатов за короткие сроки. Нужна помощь Запада. Если бы СССР дал возможность Западу провести существенное разоружение, то возможно Западу следовало бы отдать большую часть сэкономленных средств на то, чтобы помочь советскому лидеру резко повысить жизненный уровень

советских людей. Запад мог бы дать эти средства в виде технологии для производства таких предметов потребления как обувь, одежда, инкубаторные куры, тепличные овощи и другие товары, производимые промышленным путем. Маловероятно, что даже при демилитаризации и помощи Запада (вплоть до организации баз, где советский фермер мог бы взять на прокат американское оборудование, необходимое для обслуживания относительно небольшого частного хозяйства) страна сможет за короткий срок восстановить сельское хозяйство. Западу придется в этом отношении помогать и продуктами питания сельскохозяйственного производства.

Политика преобразования СССР в миролюбивую страну предполагает и определенные действия со стороны советского лидера. Эти действия, по-видимому, прежде всего касаются выбора союзников. В стране имеются четыре ведущие силы: партийный аппарат, аппарат КГБ, армия и хозяйственный аппарат. Получить поддержку всех четырех групп в условиях резкого изменения системы маловероятно; также маловероятен успех, если лидер ополчится сразу против всех этих ведущих сил.⁴² Для достижения выдвинутой выше цели лидеру возможно следовало бы прежде всего консолидироваться с имеющимся партийным аппаратом, КГБ и хозяйственным аппаратом, сохраняя для этого существующую структуру и в особенности не допуская каких-либо стихийных действий со стороны радикальных кругов. При этом лидер основные усилия должен направить на обуздание агрессивности военных.

Между тем Горбачев, стремясь разрешить назревшие в стране проблемы, сохраняя в целом прежний внешнеполитический курс, ведет сейчас по-видимому прямо противоположную политическую игру. Он прежде всего борется с партийным аппаратом, в особенности средним его звеном, ограничивает КГБ, требует повышения ответственности и дисциплины от хозяйственного аппарата и сотрудничает с военными.

Этому имеется множество доказательств. Достаточно вспомнить, в частности, выступление Лигачева на XXУП съезде КПСС с критикой газеты "Правды" - факт сам по себе невиданный в истории СССР, по крайней мере за последние 60 лет. Как известно, эта критика была связана с появлением в предсъездовских материалах "Правды" письма из Краснодарского края, в котором в резких выражениях говорилось о среднем звене партийного аппарата. Кто мог дать санкцию главному редактору "Правды" на публикацию этого письма, если второй секретарь ЦК, ответственный к тому же за идеологию, подвергает его критике?

Политика гласности и связанное с ней освобождение многих политических заключенных вряд ли может вызвать поддержку аппарата КГБ, который столько усилий потратил на то, чтобы арестовать этих людей, судить их и содержать в лагерях. Теперь их работа обесценивается. Введение гласности может привести и к сокращению аппарата КГБ. Появление в начале 1987г. в "Правде" письма Председателя Комитета Государственной Безопасности В.Чебрикова, в котором он фактически признал, что в аппарате органов имеются недостойные доверия работники (речь шла о работниках КГБ Ворошиловградской области) - также невиданный факт в истории СССР. Такого рода критика "святых" органов была допущена лишь после смерти Сталина в связи с делом врачей. Маловероятно чтобы такая критика могла появиться без санкции Горбачева, так как ошибки КГБ связывались с ущемлением гласности.

Но допустим, что критика КГБ была допущена вопреки Горбачеву. Тогда каким образом появился в СССР "любительский" видеофильм о частной жизни Раисы Горбачевой? По сообщению московского корреспондента "Нью-Йорк Таймс" Филипа Таубмана от 4 апреля 1987г.

"Видеофильм представляет собой монтаж из документальных съемок, сделанных во время нескольких зарубежных поездок четы Горбачевых. Компоновка материала создает впечатление о пристрастии Раисы Максимовны к модным туалетам и драгоценностям и о бесконтрольном растранировании ею государственных денег."

"Горбачева раздражает противников политики гласности, проводимой ее мужем. Не решаясь высказать враждебное отношение к Горбачеву, его противники критикуют Раису".

"По словам лиц, видевших фильм, некоторые эпизоды были сняты скрытой камерой. Это дает возможность сделать предположение, что авторами фильма могли быть либо западные разведчики, либо КГБ".⁴³

Что касается хозяйственного аппарата, то Горбачев грозит выборностью директоров предприятий, усилением рыночных отношений и тем самым весьма нежелательной для многих руководителей повышением их ответственности; если еще при этом учесть намечаемое расширение частного сектора, который может так или иначе оттягивать работников и ресурсы из государственного сектора, то это еще больше затрудняет деятельность хозяйственных руководителей государственных предприятий.

Между тем во внешней политике Горбачев не предпринял никаких серьезных шагов, которые как то могли бы ущемить военных: даже война в Афганистане продолжается и довольно активно.

В силу сказанного приходится проявлять большую осторожность к политике активизации населения и совершенствования экономики, проводимой Горбачевым,

поскольку ее результаты могут быть использованы прежде всего для усиления военной мощи.⁴⁴

В этой связи я хотел бы сделать замечание по поводу отношения В.Чалидзе к политике либерализации, проводимой Горбачевым. Вот что говорит Чалидзе об этой политике:

"Возникает вопрос, как западный мир должен реагировать на теперешнее развитие в России. Хотя очевидно, что будущее демократическое развитие в России рано или поздно приведет к большей безопасности в мире, могут потребоваться поколения, чтобы увидеть этот результат. В настоящее время Горбачев скорее всего вместе с призывами к миру и разоружению будет продолжать традиционную задиристую политику России в международных отношениях и по традиции и потому, что его внутренние критики не потерпят никаких признаков слабости в поддержании Россией престижа сверхдержавы. В этом смысле, естественно, если Запад по мере возможности будет продолжать политику сопротивления расширению советского влияния в мире, идя в то же время навстречу любой возможности для приемлимого разрешения конфликтов.

В отношении внутреннего развития в Советском Союзе, я думаю, очень разумно, если Запад без всяких предрассудков проявит понимание и окажет поддержку любым, даже самым небольшим шагам в сторону демократизации."⁴⁵

Я полностью разделяю мнение Чалидзе по поводу намерений Горбачева проводить внешнюю "задиристую" политику и внутри страны двигаться в сторону демократизации. Однако, приняв эти предпосылки, я делаю из них совсем другие выводы. Мне кажется, что такого рода политика Горбачева весьма опасна, так как при сохранении в основном прежней внешней политики

внутреннее совершенствование внутри страны может быть обращено на усиление военной мощи со всеми вытекающими отсюда последствиями. Осуществляемая им демократизация может активизировать научных работников и инженеров заниматься более интенсивно разработкой новых видов оружия, рабочих и крестьян увеличить производство необходимых для военной мощи материальных ресурсов и все это также может подогреваться усиливающимися агрессивными настроениями среди народа. Мне представляется, что скорость роста такого рода милитаристских начал может превосходить скорость роста либерализации населения, отказа руководства страны от милитаристских настроений.

Поэтому мне кажется, что в настоящее время желательно способствовать развитию альтернатив, которые прежде всего способствуют демилитаризации Советского Союза, созданию там материальных предпосылок для изменения в сравнительно короткие сроки режима экономической стагнации, а затем уже оказывать поддержку активизации населения.

Заключение

Итак, как следует из моих высказываний сейчас в СССР господствуют преимущественно циничные лидеры, жесткие, но не кровожадные. Некоторые из них, как Горбачев, хотят действовать более гибкими, даже либеральными средствами, некоторые, как по-видимому, Лигачев, более жесткими. Но не лучше ли они чем фашистики-реакционеры особенно в случае, если последние имеют реальные шансы добиться власти? Как писал советский литературный критик Юзовский в "Польском дневнике", опубликованном в журнале "Новый мир" в конце 50-ых годов, заключенные в фашистских концлагерях предпочитали среди охранников лучше циников, чем фашистиков. С первыми можно было как то договориться, со вторыми- нет.

Уничтожение нынешнего режима в СССР во главе с циниками может быть сопряжено с приходом к власти реакционеров, которым также ненавистна коммунистическая идеология. Поэтому так опасно для Запада бинарное мышление, выражающееся в поощрении блоков антикоммунистов против нынешнего режима. А между тем создание антикоммунистических блоков довольно признанная концепция для многих западных политических деятелей. Ни опыт поддержки Хомейни как силы противостоящей иранским коммунистам, а равно коммунистическому режиму в СССР, ни опыт поддержки немцами большевиков во время Первой Мировой войны не учит, как опасно поддерживать сторонников авторитарной идеологии и, я бы даже сказал, сторонников теократий в самом широком смысле слова, т.е. как систем, в которых идеологическая и светская власть слиты, где монистическая идеология, наделенная государственной властью, решительно господствует во всех областях жизни страны.

Мне представляется, что более эффективная политическая линия Запада по отношению к СССР может быть выработана, если перейти от бинарного мышления к тройственному. Политика Запада по отношению к СССР, мне кажется, может быть направлена прежде всего на то, чтобы способствовать развитию его миролюбивой политики; для этого возможно целесообразно в сложившейся ситуации идти на союз с циничными советскими лидерами, способствуя укреплению блока либерально настроенных циничных лидеров с цинично настроенными консервативными лидерами против искренне верующих радикалов.

Я понимаю, как неприглядно выглядят мои соображения. Вместо того, чтобы звать к активизации внутренних источников развития страны, к примеру, способствовать процветанию активных хозяйственников и формировать из них новый средний класс, или/и

поддерживать борьбу в СССР за права человека и т.п., я призываю к союзу с циничными лидерами, которые должны законсервировать на время существующую структуру. Но мне кажется, что "нетерпение сердца" может быть в такой ситуации весьма опасным. Надо прежде всего помнить, что любые политические мероприятия происходят при определенных условиях и с определенными скоростями во времени. Рисковано поэтому рассуждать безусловно, т.е. говорить вообще, что лучше и что хуже применительно к конкретным условиям вне сроков возможного их осуществления. Идеалы крайне важны для выработки общей стратегии. Вульгаризация начинается тогда, когда эти идеалы немедленно хотят быть воплощены. Приближение к идеалам идет через мучительную борьбу в многостадийном процессе создания потенциальных возможностей на каждой стадии для последующего развития.

Высказанные мною предложения весьма близко совпадают с предложениями А.Янова. Вот что он пишет Янов по этому поводу:

"К сожалению, мировое сообщество никогда этого ("что русские реформаторы нуждаются в его интеллектуальной и политической поддержке, чтобы раз и навсегда прорвать закодированный круг средневековой империи") не понимало. Не понимает и сейчас. На поверхностный взгляд его отношение к русским реформаторам выглядит вполне оправданным. Могло ли оно помогать Столыпицу, в котором видело только "царского сатрала", раздавившего революцию и пытавшегося спасти средневековый царизм с его дикими еврейскими погромами и постоянными нарушениями прав человека? Не естественней ли было для него помогать своим самоотверженным антицаристам, стремившимся раз и навсегда покончить с бесчеловечным

полицейским режимом? Конечно, естественней. Именно поэтому мировое сообщество всегда отказывало в поддержке русским реформаторам- и тем обрекло реформу на гибель.

Мы знаем, что из словно бы естественной позиции получилось в начале века,- знаем на собственной шкуре.

И все-таки мы продолжаем делать то же самое, что делали доблестные антицаристы начала века. Кто осмелится заикнуться сегодня о поддержке Горбачева, в котором мы видим только "коммунистического сатрапа", пытающегося спасти советский строй с его постоянными нарушениями прав человека и преследованиями диссидентов? Не естественней ли помогать самоотверженным антикоммунистам, стремящимся раз и навсегда покончить с бесчеловечным полицейским режимом?

Не дай Бог нам увидеть в нашем ядерном веке, что из этой словно бы естественной позиции получится."⁴⁶

Однако у меня с Яновым есть расхождения. Дело в том, что Янов придает Западу решающую роль в реформации России. Между тем мне представляется, что решающая роль принадлежит внутренним силам, а внешние могут лишь способствовать развитию, правда иногда весьма значительно. Однако последнее возможно скорее всего в случае оккупации страны, как это случилось с Западной Германией, послевоенной Японией. Но вряд ли Янов хочет этого

Однако посмотрим, на выдвигаемые Яновым предпосылки, на основе которых он требует помощи в реформации СССР. Янов предполагает, что Горбачев начал "с попытки избавиться от гошки вооружений" и что его политика внутри страны направлена на либерализацию, борьбу с бюрократизацией с целью создания среднего класса.

Мне же кажется, что во внешней политике Горбачев не предпринял серьезных реальных шагов, направленных на снижение милитаризации, отказа от внешней экспансионистской политики. В стране не созданы и не видны пока серьезные институты, которые могли бы гарантировать надежность принятых СССР обязательств по разоружению.

Горбачев не поднимает руку на Ленина, который уже к 1924г. создал в основных чертах внешнюю жесткую политическую систему теократического типа, без разделения властей, с одной партией, даже без права фракций в этой партии. Наоборот, он ссылается на Ленина. Конечно, Горбачев отодвинул срок критики системы до 1924, что является следующим важным шагом после критики Хрущевым Сталина, ограниченной с середины тридцатых годов.⁴⁷ Однако в целом на систему он не покушается. А как в этих условиях верить обещаниям на разоружение?

Правда искушенный читатель может предложить в этом случае следующую альтернативу (ее как то предлагал и Янов): пусть Запад сформулирует условия, в рамках которых он может проверять советские обещания. Не надо доверять, а надо иметь возможность проверять. Однако мне кажется, что в таком подходе скрыта весьма хитрая ловушка. Дело в том, что очень трудно строго сформулировать необходимые и достаточные условия, обеспечивающие решение такой проблемы как проверка выполнения обязательств. Если бы люди могли строго формулировать такие требования, мир был бы во многом свободен от конфликтов. Потому и выработана мораль, создаются многочисленные институты слежения внутри страны за действиями властей и т.п. структуры, поскольку формализовать требования к выполнению такого рода сложных обязательств весьма трудно. Не приходится уже говорить о том, что авторитарные и демократические режимы находятся в неравноправных условиях в смысле скоростей обратимости, изменения

выбранной политики. Авторитарный режим может очень быстро и на 180 градусов менять политику, тогда как демократический режим должен потратить значительное время, чтобы вернуться к прежней политике, поскольку он должен пройти для этого через общественное мнение, сложную сеть законодательных институтов.

Мне кажется, что винить Запад в том, что он не хочет в настоящих условиях идти на предлагаемое Горбачевым разоружение, слишком радикально; прежде всего важно понять сложность решения этой проблемы из-за плохой совместимости авторитарных и демократических режимов.

Теперь посмотрим на предпосылку, что внутри страны Горбачев пытается создавать средний класс. Если даже это так, надо помнить, что этот процесс весьма длительный; не приходится уже говорить о том, что средний класс является необходимым, но недостаточным условием для демократического общества, т.е. его нельзя рассматривать как решающее условие, которое может обеспечить демократизацию общества. Вряд ли в СССР в обозримое время удастся создать такого рода развитый средний класс, который имелся к приходу Гитлера к власти в Германии, или приходу Муссолини к власти в Италии, или приходу к власти Франко в Испании: а авторитарные режимы, и при том весьма жесткие, в этих странах победили.

Учитывая эти обстоятельства я отношусь к помощи Горбачеву со стороны Запада при нынешней его политическом курсе более осторожно, сдержанно, чем Янов. Вместе с тем я хочу опять и опять подчеркнуть, что напоминание Янова о том, что реакционные группы в СССР ждут своего часа, весьма актуально.

Итак, если подытожить сказанное, то оно сводится к следующему: нужно ли акцентировать внимание сейчас на дальнейшей либерализации СССР или на его демилитаризации, конечно, в случае, если такая

альтернатива возникнет. Можно привести немало и весьма серьезных доводов в пользу того, что либеральное начало в СССР может сейчас победить и благодаря этому разрешится затем и вопрос демилитаризации. Среди этих доводов будут и такие, как страх многих из правящей группы партийных работников перед фанатичными руссофилами, так как последние грозят им смещением с их должностей. Империю с растущим мусульманским населением и сильными сепаратистскими настроениями республик лучше успокаивать через провозглашение равенства народов, подтверждая это выдвижением национальных кадров на руководящие посты в центре. Имеется значительная часть населения, не потерявшая веру в возможность западного развития СССР и т.д.

Вместе с тем есть угроза со стороны националистически настроенных кругов. Повторять доводы в пользу этого аргумента вряд ли необходимо. Замечу только, что при всем различии интересов руссофилов и Горбачева где то эти интересы частично переплетаются.

Прежде всего допустимо предположить, что Горбачев симпатизирует умеренным националистическим кругам. Горбачевская внешняя политика с ее прозападной риторикой чужда во многом шовинистам; однако то, что он реально поддерживает армию, во многом их устраивает. Внутренние изменения - как то борьба с алкоголизмом, коррупцией, привилегиями и т.п. - вполне соответствует интересам руссофилов.

Конечно, гласность и либерализация в принципе противоречат взглядам более шовинистических кругов. Однако возможность в период гласности больше влиять на возрождение имен забытых русских писателей и поэтов, добиваться охраны русской природы и памятников старины, расширять влияние православия, организовывать группы молодых активистов, пресекающие западные влияния среди молодежи,

интенсивно используется руссофилами самых разных мастей.

Что касается критики среднего звена партийного аппарата, то последовательные руссофилы не только одобряют это, но пойдут еще дальше в случае своей победы: они просто ликвидируют партию. Возрождаемая ими церковь будет заниматься идеологией (причем идеологией, в которую многие верят) и не будет вмешиваться в хозяйство. В этом смысле руссофилы могут сделать для возрождения экономики внутренними средствами куда больше Горбачева. Если они даже оставят централизованную крупную промышленность, то они ее освободят от нынешней системы управления в условиях двойной иерархии, т.е. партийной и хозяйственной - неосуществимая пока мечта либеральных кругов. Что касается мероприятий по децентрализации сельского хозяйства, сферы услуг и мелкой промышленности, то, как я уже отмечал, идеи Столыгина весьма близки многим руссофилам. Но во всяком случае государственное управление этими отраслями хозяйства ими вряд ли приветствуется.

Учитывая сказанное, а равно принимая во внимание сделанные в начале статьи замечания по поводу эволюции Горбачева и его гибкости, допустимо высказать следующее предположение: в случае, если анционалистические силы начнут одерживать верх, то Горбачев под угрозой потери власти может переменить сторону и возглавить их.

Однако такое предположение является крайним.

Несмотря на растущую силу националистически настроенных кругов, есть немало фактов в пользу либерализма. Эти факты обнадеживающие. То, что Янов сколо 20 лет назад уже видел угрозу руссофильства и что оно не пришло к власти, то что почти 10 лет спустя В.Соловьев и Е.Клепикова писали в западной прессе, что "Русская Партия еще не у власти, но уже стучится в дверь"⁴⁸, и заметим еще не достучалась, говорит о том, что этой силе имеется

противостояние. Конечно, то, что процесс стагнации в СССР усиливается может форсировать приход руссофилов к власти. Поэтому надо быть бдительными и весьма внимательно прислушиваться к голосу тех, кто напоминает об угрозе руссофилов, если даже при этом допускаются преувеличения.

Будем оптимистами и будем верить в Добро. Но вместе с тем по крайней мере не будем забывать о силе Зла - националистическом начале. Как тут не вспомнить о зороастризме. Согласно зороастризму в мире есть два начала: Добра-Ормузд и Зла- Ариман. Сила добра в конце концов победит силу Зла. Но чтобы приблизить этот шаг люди должны помогать силе Добра в борьбе со Злом. А хватит ли у них для этого сил? А впрочем, что они еще будут считать Добром и Злом в этом изменчивом мире?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эта работа во многом является продолжением моей статьи "Немного о страшном прошлом, сумбурном настоящем и затемненном будущем России", опубликованной во "Внутренних противоречиях", 17, 1983, стр. 37-74.

2. В. Шляпентох в мае 1985 г. организовал в Мичиганском Штатном Университете весьма оригинальный однодневный семинар, посвященный 50-ти летию стахановского движения в СССР. Одна из целей этого семинара была, по мнению Шляпентоха, верификация параметров, по которым можно было бы судить о намерениях нового тогда советского лидера М. Горбачева. По тому, как будет идти подготовка к празднеству стахановского движения и как само празднество будет проведено можно будет попытаться судить в каком направлении Горбачев намеревается развивать в ближайшее время советское общество. Я высоко оценил идею Шляпентоха и с большим интересом участвовал в работе семинара.

Известно, что стахановское движение олицетворяет самые примитивные демагогические методы развития хозяйства. Известно, что Горбачев торжественно отпраздновал этот юбилей и самолично в нем участвовал. Известно, что Горбачев вскорости начал вести совсем иную политику оживления хозяйства.

Сказанным я вовсе не хочу перечеркнуть ценность попыток прогнозировать деятельность Горбачева. Наоборот, из этого опыта можно сделать весьма далеко идущий вывод: мы имеем сейчас дело с весьма гибким советским лидером и прогнозирование его деятельности требует разработки весьма изощренных методов.

3. Высказанная мною гипотеза крайне близка ко взглядам В. Соловьева. Вот что он пишет, комментируя

опубликованную в советском самиздате переписку Н.Эйдельмана и В.Астафьева (об этой переписке я говорю подробнее ниже в основном тексте):

"Было бы опасным упрощением оценивать объявленную Горбачевым гласность как процесс, обязательно и неуклонно ведущий к демократии. Преувеличивая одни явления гласности и недооценивая, а то и просто не замечая другие, мы невольно искажаем нынешнюю ситуацию в СССР, которая вовсе не так однозначна, как может показаться на первый взгляд. Ведь важна не сама гласность, а кто, как и во имя чего ею пользуется, какие общественные тенденции благодаря ей выявляются, какие идеологические ростки всходят на ее благодатной почве."

"Гласностью, куда более активно, чем поредевшие и запуганные либералы (и чем даже сам Горбачев), пользуются советские правофланговые, а именно русские националисты разных мастей - от национал-большевиков до национал-либералов, которые полагают себя спасителями отечества и сами себя гордо именуют Русской партией. В их лагере - несравненно более многочисленном, чем либеральский, - помимо Виктора Астафьева, такие признанные авторитеты, как Валентин Распутин, Василий Белов, поэты Юрий Кузнецов и Станислав Куняев, литературоведы Вадим Кожинов и Петр Палиевский, художник Илья Глазунов, академик Федор Углов, профессор Евгений Пашкин. У них свои печатные органы - издательства, газеты, журналы..".

Приведя большое число фактов о силе руссофилов, (часть которых представляется мне малоподтвержденной или преувеличенной), Соловьев, как мне кажется, в полемическом задоре резко принизил роль либеральных кругов в СССР и обесценил либеральные действия нынешнего руководства.

Вместе с тем я разделяю заключительную часть статьи Соловьева, в которой говорится:

"Приведенных примеров достаточно, чтобы судить о том, какие "цветы зла" буйно расцветают на почве горбачевской гласности. А что если это только цветочки, у которых есть в Кремле заботливые садовники, и нам следует ожидать вскоре ягодок? В любом случае в рядах правых в СССР сейчас оживление: они торопятся заполнить образовавшийся идеологический вакуум своими "спасительными" для России идеями взамен обветшалых коммунистических. Правол же, безопаснее наблюдать за всем этим издалека."

Соловьев, В. "Цветы зла" на почве гласности". "Время и мы", 93, 1986, стр. 200-204.

4. То, что Мао Цзе Дун, преследуя своекорыстные интересы борьбы за власть, выбрал для этого в 60-ые годы путь культурной революции во многом обусловлено китайской традицией, многовековым соперничеством между экстравертированным конфуцианством и интравертированными антиконфуцианскими идеологиями. Приостановить в период культурной революции рост индустрии, развитие образования, снять материальные стимулы и т.п., можно было лишь при наличии в стране интравертной традиции. Маловероятно для политического деятеля США предложить программу, аналогичную культурной революции, и рассчитывать на ее успех.

5. Такого рода взгляды на возможный путь развития СССР весьма характерны для такого оригинального ученого как А. Штротас, который, как он сам сострил, "широко известен в узких кругах советологов." Заинтересованный читатель найдет изложение взглядов Штротаса в многочисленных его публикациях, и в частности, в его книге Political Change and Social Development: the Case of the Soviet Union, Frankfurt: Verlag Peter Lang, 1981 и в статье "The Building of a Multi-National Soviet "Socialist

Federalism": Success and Failures", Canadian Review of Studies in Nationalism, vol/ XIII, No1, 1983.

6. См. подробнее об эволюции взглядов большевиков на Русскую империю в статье "Передышка или смена традиции", опубликованной в данном сборнике.

7. Дымерская, Л., "Замечания к истории, или история, сотворенная по замечаниям", "Страна и мир", 11, 1986, стр.69.

8. Дымерская, Л. "Замечания к истории, или история сотворенная по замечаниям "Страна и мир", 12, 1985, стр.43-50.

9. Я приведу ниже отрывок из рассказа Юлиана Семенова "Возвращение", поскольку он представляет, на мой взгляд, особый интерес еще и потому, что был опубликован в "Правде" (от 2 января 1983г.). Этот отрывок связан с размышлениями известного советского героя-разведчика Штирлица из популярнейшего телевизионного кинофильма "Семнадцать мгновений весны" по поводу причин, приведших Гитлера к власти.

"Да, рознь между социал-демократами и коммунистами, отсутствие общего фронта не могло не помочь правым одержать победу, но почему Гитлер? Были серьезные силы в Германии начала тридцатых годов, стоявшие на консервативных, устойчиво антикоммунистических позициях: армия, в первую очередь; "Стальной шлем"; могучая "Немецкая национальная партия"... Отчего не этот блок пришел к власти, а Гитлер? Игра на прекрасном термине "социализм", на его притягательной силе для рабочего класса? Выдвижение, - наряду с термином "социализм", - примата его национальной принадлежности? То есть, а пику Москве - не Интернационал, не счастье всем, но лишь избранным расе господ, нации немцев? Нужели слепой национализм, то есть преклонение лишь перед собою самими, столь могущественен и слеп в начале своего пути, что может застить зрение исторической памяти? Ни одно национальное движение, построенное

на идее расы, никогда не одерживало и не сможет одержать окончательной победы, это ясно каждому. Тогда как же образом Гитлер смог одурачить народ Гете, Вагнера, Гегеля, Бетховена и Баха? Неужели народу, целому народу, было угодно, чтобы вину за то, что в стране нет хлеба и маргарина, возложили на евреев, цыган и "интриги" Коммунистического Интернационала? Может быть, людям вообще угодно переваливать вину за существующее на других? Спасительные козлы отпущения? Может Гитлер и разыграл эту низменную карту, обратившись к самому дурному, затаенному, что существует в человеке, особенно в слабом и малообразованном? Но ведь это более чем преступление — делать ставку на низменное и слабое, это только на первых порах может принести дивиденды; конечный результат предсказует вполне: общий крах, национальное унижение, разгром государственности...

10. Юмореска в "Правде" от 23 января 1983г. была написана неким В.Егоровым и озаглавлена "Монумент". В ней высмеивается памятник, который был воздвигнут в вымышленном городе Обрадовске как потом выяснилось несуществующему богатырю Чуриле Пленковичу. Юмореска явно направлена против подготовки к празднованию тысячелетия крещения Руси, поскольку памятник воздвигается по случаю тысячелетия. города и событий, связавших с Киевской Русью того периода.

11. Трубачев, О., "Славяне. Язык и история", "Правда", 28 марта, 1987г.

12. Близкие к Трубачеву соображения о значении русского языка для лиц нерусской национальности в СССР, но, правда, с оговоркой о существенном значении овладения русскими и лицами других национальностей языков коренных жителей республики, были высказаны академиком Ю.Бромлеем в его статье "Национальные процессы в СССР: достижения и проблемы", "Правда", 13 февраля 1987г.

13. Факт взят из частного письма, полученного в Израиле от видного советского ученого-гуманитария и лобезно переданного мне моими друзьями.

14. Я очень благодарен В.Тремлю за то, что он привлек мое внимание к журналу "Трезвость и культура", проводимой этим журналом националистической политики и в частности к помещенной в нем статье В.Демина "Логика насилия - логика деградация", 3, 1986, стр.52-54, касающегося алкоголизма в Израиле. Излагаемый мной материал в этой части непосредственно основывается на рукописи статьи Trembl, V., "A Noble Experiment", подготовленной к публикации в Soviet Society Under Gorbachev, ed. by M. Friedberg and H. Isham, 1987.

15. Мне это напоминает положение с автомобилем. Если дорога плохая, на ней много грязи, то сопротивление автомобилю так сильно, что он может даже остановиться. Но если снять это сопротивление и сделать дорогу гладкой и полированной как стекло, то автомобилю также весьма трудно ехать, если вообще он сумеет сдвинуться. Для эффективного движения нужно оптимальное трение.

16. Описание "люберов" основывается на статье В.Яковлева "Контора "люберов"", "Огонек", 15, 1987, стр.20-21.

17. Интересно отметить, что Сталин ни в одном своих выступлений во время Великой Отечественной войны не упомянул слово "коммунизм".

18. Эта переписка наряду с комментирующими их письмами из СССР опубликована в "Стране и мир", 112, 1986г.

19. Кублановский, Ю., "Будущее России связано с христианством", "Страна и мир", 11(37), 1987, стр.48.

20. "Известия", 14 марта 1987г.

21. Когда Ю.Кублановский озаглавил свою заметку в журнал "Страна и мир" "Будущее России связано с христианством", то он отнюдь не имел ввиду, что христианство будет поддерживать шовинизм.

"...Мои собственные надежды по-прежнему связаны с тем процессом, что возник в начале 70-х, процессом укрепления христианского мироощущения и воцерковления сознания.

То, что рекламно называлось "религиозное возрождение", - отошло вместе с покаяниями (не церковными) Дудко-Регельсона.

Но я знаю-уцелело глубинное, словами, быть может, лучше не определяемое...

Лишь христианство и культура могут вернуть Россию на органический исторический путь." журнал "Страна и мир", 1(37), 1987, стр.48.

22. Великанова, А., "Богатырь на распутье", "Страна и мир", 1(37), 1987, стр.38.

23. Данный параграф работы прежде всего опирается на мысли, высказанные В.Шляпентохом в статье "Goodby to an Old Soviet Dream: Catching up with the West", Christian Science Monitor, April 8, 1986.

24. Я вспоминаю разговор с одним видным западным либералом по поводу жизни в странах социализма. Этот либерал был в восторге от того, что на Кубе уничтожена проституция. При этом как бы предполагался с его стороны вопрос: "А Вы бы хотели, чтобы Ваша дочь стала проституткой?" В ответ на восторги моего либерального коллеги по поводу Кубы я предложил ему рецепт по уничтожению в Америке всех язв свободного общества: безработицы, проституции, организованной преступности, инфляции, бездомности и т.п. Для этого нужно ввести в Америке трудовые лагеря, подобно тем, которые широко используются в СССР и на Кубе. То, что при этом не будет свободы, не так уж и важно: ведь свобода, по мнению моего оппонента, не самоцель.

Сказанным я вовсе не хотел поиздеваться над чувствами либерала. Я высоко ценю озабоченность этих людей по поводу отрицательных последствий свободного общества, их акцент на имеющиеся болезни и желание их преодолеть. Мне только кажется, что возможно не

существует такого идеального механизма, при котором болезни исчезнут. Важно иметь общественную систему, которая стремится к сокращению этих болезней и разумеется не путем создания механизма, который может породить не только новые болезни, но в конце концов усилить и многие старые.

25. Lewis, F., "Moscow Still Believes", The New York Times, April 10, 1987.

26. "Шестидесятые существовали мифом об утопическом характере советского общества. В восьмидесятые этот миф уже не работает. Идеалы всеобщего равенства, справедливости и счастья перестали служить даже сюжетами анекдотов. Советский Союз уже не хочет быть лучше всех. Он хочет быть не хуже - если не Америки, то хотя бы Югославии.

Все это ведет к тому, что советское общество теряет свой исключительный характер."

Вайль, П., Генис, А. "Федот, да не тот", "Страна и мир", 1 (37), 1987, стр. 37.

Я целиком разделяю эти замечания авторов. Между тем следующие непосредственно за этим положения мне кажется неполно характеризуют советскую действительность, поскольку наряду с ними существуют еще и другие, антизападные модели. Каковы же "следующие за этим положения":

"Страна идет по пути конвергенции с Западом. Ориентируется не на прежний утопический-уникальный - идеал, а на более скромный, приземленный и реальный западный образец. Это обещает советскому человеку более зажиточную, более стабильную и даже более свободную жизнь - правда, лишенную идеалистических взлет"

27. Примером крайнего проявления таких тенденций является Н.И. Тетенев, редактор издающегося в США ежемесячного журнала "Русское самосознание". См. "Время и Мы", 93, 1986, стр. 216 - 227.

28. Несколько двусмысленно звучат следующие слова М. Горбачева во время встречи с трудящимися Краснодарского и Ставропольского краев:

"утверждают, что Советский Союз угрожает покорить весь мир, стремится к военному превосходству, намерен оккупировать всю Западную Европу. Советский Союз хочет, дескать, "наложить лапу" на Африку, Азию. Они нарисовали вот такой образ Советского Союза, как они называют, "русского медведя", "русского агрессора". Я смотрю на вас: неужели все мы производим такое впечатление, и я, и вы, все поколения наши, которые создали все, что есть в нашей стране? Мы гордимся нашей страной. Столько сил мы положили и жизнью отдали. Неужели мы замыслием такие коварные планы в отношении к другим народам? Как-то мы с Раисой Максимовной читали Достоевского. Он писал, что, может быть русское сердце - а я бы сказал теперь советского народа - больше всего открыто для братства и единения."

"Правда", 19 сентября 1986г.

Вполне возможно, что Раиса Максимовна в определенной мере сочувствует националистическим кругам. См. "Время и мы", 93,1986, стр.108, 202.

29. "В нашей стране в условиях мирного строительства, впрочем, как и в других странах, определенная часть Вооруженных Сил находится в постоянной готовности, то есть полностью укомплектована личным составом и военной техникой, а другая часть - в готовности к быстрому мобилизационному развертыванию. Если агрессор развяжет войну, подготовленные ресурсы личного состава и техники, приписанные к соединениям и частям, должны прибывать к ним в исключительно короткие сроки. Отсюда задача постоянной готовности к немедленному мобилизационному развертыванию войск и сил флота приобретает значение большой государственной важности.

В прежние войны, как известно, этот вопрос такой остроты не имел. Находившиеся в распоряжение государства средства поражения, сравнительно невысокая мобильность и маневренность войск даже в случае внезапного нападения, по существу, не могли сорвать мобилизационное развертывание армии, а тем более предрешить ход и исход войны.

В современных условиях положение резко изменилось. Элемент внезапности уже во второй мировой войне сыграл определенную роль. Сейчас он становится фактором стратегического значения. Вопрос о своевременном переводе Вооруженных Сил и всего народного хозяйства на военное положение, об их мобилизационном развертывании в короткие сроки стоит значительно более остро. Поэтому подача войскам подготовленных ресурсов личного состава и техники предопределяет необходимость четко спланированных еще в мирное время мероприятий, согласованных действий партийных, советских и военных органов на местах.

Ныне, как никогда, требуется согласованность мобилизационного развертывания Вооруженных Сил и народного хозяйства в целом, особенно в развертывании людских ресурсов, транспорта, связи, энергетики, в обеспечении устойчивости и живучести хозяйственного механизма страны. В связи с этим необходим постоянный поиск в области совершенствования системы производственных связей предприятий, выпускающих основные виды оружия, повышения на случай войны автономности производственных предприятий и объединений по энерго- и водоснабжению, их полного обеспечения необходимыми запасами, создания резерва оборудования и материалов. Требуется дальнейшее совершенствование и самой мобилизационной готовности народного хозяйства, исходя из того, что тесная взаимосвязь мобилизационной готовности Вооруженных Сил, народного хозяйства и гражданской

обороны - важнейшее условие поддержания на должном уровне обороноспособности страны в целом.

Сосредоточение всех сил для достижения поставленных целей, учитывая во многом изменившиеся условия современной войны и сложность мобилизационного развертывания, невозможно без устойчивой системы централизованного руководства страной и Вооруженными Силами. Определенный опыт в этом отношении у нас есть. Созданные в годы Великой Отечественной войны Государственный Комитет Оборона, а также комитеты обороны в городах прифронтальной полосы полностью себя оправдали. Вполне естественно, что этот опыт нам необходимо учитывать. В будущей войне, если нам ее навяжут империалисты, значительно повышаются роль и значение соответствующих местных партийных, советских и хозяйственных органов в решении

Огарков, Н. "На страже мирного труда", жур. "Коммунист", 10, 1981, стр. 89-90.

Любопытно заметить, что Светлана Аллилуева после ее возвращения из СССР в США в интервью корреспонденту одной из американских газет заметила, что одна из основных проблем в СССР - это конфликт между активными и профессионально образованными военными и бюрократическим малоповоротливым партийным аппаратом.

Не в боязни ли того, что в случае создания Комитетов Оборона партийные бонзы, вошедшие вместе с военными в эти комитеты лишат первых власти причина снятия маршала Огаркова с его постов?

30. Насколько мне известно, среди генералитета, и особенно в ракетных войсках, были сторонники в целом более либеральной политики. Это проявилось в том, что когда в начале 60-ых годов Главное Политическое Управление армии препятствовало проникновению журнала "Новый мир" в армию, эти генералы протестовали против этого. Эти генералы понимают, что современное оружие находится в руках прежде всего

интеллектуальной части армии и по отношению к ней нужны другие методы убеждения. Офицеру, командующему ракетным соединением, нельзя скомандовать: К бою готовься! Пли!

31. Я думаю, что академик А.Сахаров открыто пошел на союз с Горбачевым отчасти по этим соображениям. Я не сомневаюсь в том, что делает он это по своим глубоким убеждениям, оставаясь верен своим убеждениям, убеждениям великого гуманиста. Другое дело, что нас может несколько смущать тот факт, что при весьма грубых рассуждениях в двоичной системе Сахаров из человека, многолетне конфронтировавшего с режимом, стал его приверженцем. Возможно, что есть некоторое несообразие в том, что такой решительный противник режима как Сахаров поменял в целом знак своего поведения, а система в целом знак не поменяла, а только усилила либеральное начало.

Само по себе поведение Сахарова является совершенно нормальным для частного лица в свободном мире. Но Сахаров в СССР слишком долгое время был совестью либерально настроенной интеллигенции, ее единственным защитником, имевшим такую высочайшую репутацию у власть имущих и у интеллектуалов в СССР и на Западе. Если к этому добавить, что в российских условиях есть склонность создавать из такого рода людей идолов, то становится понятнее, почему его поведение вызывает недоумение среди части диссидентских кругов. См. об этом корреспонденцию в "Нью-Йорк Таймсе" от 3 апреля 1987г., озаглавленную "Некоторые советские диссиденты жалуются, что Сахаров стал мягче в борьбе за гражданские права."

32. Рассматривая возможные действия М.Горбачева в борьбе за свою жизнь, А.Великанова в своей заметке "Богатырь на распутье" пишет, что он может также:

"...провозгласить "православие, нашедержавие, народность". Эта идеология, назовем ее для краткости русским фашизмом (отнюдь не нацизмом, он тоже

существует, но, слава Богу, слаб), способна сейчас зажечь массы, понятна даже партработнику на периферии и - имеет, на самом деле имеет, много преимуществ. Если такой режим удержится, Россия на первых порах станет провинциальной и агрессивной державой вроде Московского царства, займется выяснением отношений со своими азиатскими окраинами и соседями, оздоровит экономику и, если Господь поможет своим людям, то в будущем, при помощи православия выйдети на мировую арену и просият так, как ей суждено. Амишь." "Стрaшa и мир", 1(37), 1987, стр.38.

33. Янов, А., "Вопросы литературы", 5, 7, 10, 12 1969г.

34. Янов, А. Эта работа подробно изложена в цитируемой ниже, п.36, книге в главе "Парадокс Солженицына", стр.85-112.

35. Yanov, A. The Russian New Right. Institute of International Studies, University of California, Berkley, 1977.

36. Янов, А., "Готов ли Запад к 2000 году?" "Внутренние противоречия", 16, 1986, стр.114-115.

37. Впрочем сегодняшние достижения в области генетики делают все более обоснованными мнение консервативных ученых, что генетические особенности предрасполагают к определенной культуре. См. об этом подробнее в статье "Заметки об антисемитизме", опубликованной в данном сборнике.

38. За последние 150 лет кажется неизвестны случаи нападения одной демократической страны на другую.

39. В газете "Вашингтон таймс" от 28 марта 1987г. была напечатана статья Мартина Сифа, в которой показано насколько численность и вооруженность советской армии превосходит американскую.

40. Лефевр, В. "За кулисами идеологии и морали." "Стрaшa и мир", 16, 1985, стр.46-56.

41. Штрoмaс, А. "Шесть тезисов о положении в СССР", "Стрaшa и мир", 11(37), 1987, стр.59.

42. В этой связи интересно проанализировать причины поражения таких выдающихся русских предреволюционных реформаторов как С.Ю.Витте и П.А.Столыпин, которые занимая должности премьер-министра имели реальную возможность воздействовать на ход событий.

43. При цитировании статьи Ф.Таубмана я воспользовался ее переводом в газете "Новое Русское Слово" от 5 апреля 1987г.

44. Аналогичные взгляды были высказаны Михайло Михайловым в его статье "Миф и действительность", опубликованной в газете "Новое Русское Слово", 31 марта 1987. Вот что пишет автор этой статьи в связи с недавним появлением в трех номерах газеты "Известия" публикации советского публициста Э.Генри по поводу "мифа о советской военной угрозе":

"Статья Эриста Генри в газете "Известия" заканчивается абзацем, в котором говорится, что утверждать, будто Советский Союз кому угрожает "в дни динамической, фундаментальной перестройки всей своей экономики, после решения ускорить свое развитие... может лишь законченный политический идиот." Мне же думается, что именно советские пропагандисты считают своих читателей дураками. О какой агрессивности Запада может идти речь, если даже минимальная материальная поддержка антикоммунистическим повстанцам Никарагуа все время ограничивается Конгрессом. О какой подготовке к валадению на СССР можно при этом говорить?

А вот "перестройка советской экономики в целях ускорения развития" вряд ли может кого-то обрадовать, пока захватническая советская внешняя политика остается неизменной, пока советское общество попрежнему далеко от истишной демократии, а грашцы "гласности" определяет Политбюро ЦК КПСС."

45. Чалидзе,В., "Демократия в России", "Внутренние противоречия",18,1987, стр.8-9.

46. Янов, А., "Наследник Столыгина", "Страна и мир", 1(37), 1987, стр. 60-61.

47. Это напоминает положение в математике, возникающее иногда при доказательстве сложных теорем в теории чисел. В начале удается доказать теорему для случая, когда ряд чисел ограничивается определенной величиной. Затем этот предел отодвигается. Хотя доказательства теоремы в общем виде нет, но полученные доказательства могут играть важную роль для решения определенного класса задач и подготовить условия для доказательства в общем случае.

48. "Новое Русское Слово", 6 октября 1977.

ЗАМЕТКА В ЖУРНАЛЕ "The Nation"*

Я убежден, что изменения, предлагаемые Горбачевым, не игра с Западом, а попытка оживить советскую систему. Между тем экономическая и политическая стагнация страны при длительной традиции шовинизма и экспансионизма порождают угрозу того, что гласность больше будет воа благо реакционерам нежели либералам.

В официальной прессе реакционеры прикрывают великодержавный шовинизм и антисемитизм требованиями сохранения окружающей среды, русской культуры и исторических памятников. Руссофилы даже использовали антиалкогольную кампанию Горбачева как средство для демагогии, доказывая, что русским издавно свойственно пить... чай, но не крепкие напитки. Гласность также породила банды "идеологических громил" и "националистических Робин Гудов", избивающих и грабящих молодых людей, подозреваемых ими в прозападной ориентации.

Мои неопубликованные комментарии к заметке.

В 1987г. журналом "The Nation" был проведен опрос ряда советских эмигрантов по поводу их отношения к гласности, результаты которого были

* "The Nation", June 13, 1987, p.812.

опубликованы в выпуске этого журнала от 13 июня 1987г.

Так, Л.Копелев, Ю.Орлов, В.Чалидзе, А.Янов заявили, что придерживаются точки зрения, что осуществляемая в СССР гласность не только не фикция, но значимое явление, что вполне возможно ее рассматривать как начало демократизации СССР. Весьма близка к ним точка зрения В. Войновича и Ж.Медведева, но с существенно более критической оценкой уже достигнутых результатов в развитии гласности. Однако все эти авторы считают, что для подлинного достижения демократизации должны быть предприняты дальнейшие существенные шаги. Значимость этих шагов, по мнению Орлова, может быть столь велика и неподготовленность лидеров к их осуществлению столь сильна, что возможность подлинной демократизации СССР отодвигается по крайней мере за пределы десятилетия. Предельную точку зрения в этой связи развивал В.Максимов. Он не отрицал, что в последнее время в СССР несколько увеличены свободы, но он не придавал этому явлению какое либо значение, поскольку до создания легальной оппозиции имеющемуся режиму, по его мнению, нельзя говорить ни о каком существенном изменении в советской системе. Таким образом, объявленная сейчас в СССР политика гласности оценивается указанными авторами с положительным знаком в том смысле, что чем больше и быстрее она будет развиваться тем лучше. Различие во мнениях выражается по поводу того, в какой мере она искренне, в какой мере она достаточна для преобразования стагнирующего советского общества.

Предлагаемый мной оценка роли гласности в современный период развития России, как читатель может видеть из приведенного выше текста заметки, резко отличается от широко принятой. Будучи большим сторонником гласности как института, я вместе с тем считаю, что его реализация требует соответствующей базы и по крайней мере снятие

острой кризисной ситуации в обеспечении людей продовольствием и одеждой. В противном случае широкое введение гласности может привести к обратным результатам, нежели те, на которые надеются либеральные силы. Таким образом, моя оценка проводимой в СССР политики гласности противоположна по знаку наиболее принятой, т.е. мне кажется, что чем больше будет гласности, чем быстрее пойдет процесс ее распространения, тем при сложившейся ситуации больше несчастий угрожает не только СССР, но и другим странам. Как говорят в таких случаях, мне будет очень приятно ошибиться.

ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ Г.ГИБИАНУ*

Проф. Г.Гибиац отдает мне должное, что своей статьей я привлекаю внимание к опасным тенденциям, наблюдающимся в СССР в период гласности. Но это мне кажется лишь данью вежливости со стороны проф. Гибиаца. Затем он уже в самых лучших тонах страны, из которой я эмигрировал, по существу дезавуирует мою статью. Он считает, что я допустил ошибки, которые практически сводят на нет мои выводы. Эти ошибки заключаются не просто в том, что я недифференцированно представил славянофильство - об этих "ошибках" я поговорю ниже. Но такое мое недифференцированное изучение славянофильства

* В весеннем выпуске журнала "Orbis" за 1988г. была напечатана моя статья о гласности, которая по существу является кратким изложением (с некоторыми новыми фактами) опубликованной в этой книге статьи "Парадокс Горбачева".

Проф. Гибиац в летнем выпуске этого журнала высказал свое несогласие с основными положениями моей статьи. Мой ответ проф. Гибиацу опубликован в том же выпуске журнала, стр. 442-444.

связано также с тем, что я "их всех "осмолил" ярлыком реакционных антисемитов" (кстати, может ли быть прогрессивный антисемитизм?). По-видимому, я так уж сильно оскорбил чувства проф. Гибиана своей критикой антисемитизма славянофилов, что он даже закончил свою рецензию на этой ноте.

Итак, по поводу моих ошибок. Прежде всего я хотел бы заметить, что для меня стиль западного ученого предполагает уважительное отношение к своим коллегам; западный ученый, как правило, не спешит обвинять их в ошибках, а пытается понять позицию своих коллег, понять при каких предпосылках они правы. Затем он выражает свое несогласие с этими предпосылками, понимая, что в таком деликатном вопросе как выбор предпосылок надо скорее всего отмечать различные ценностные ориентации автора, чем говорить о его ошибках. Об ошибках можно говорить применительно к фактам, отклонении от принятых правил и логических несуразностях в рамках принятых предпосылок.

Следуя сказанному, я в начале разъясню свои предпосылки.

Проф.Гибиан совершенно справедливо констатирует, что исторически славянофильство в России было представлено различными взглядами и что в моей же статье эта дифференциация не показана. Однако предпосылкой моей статьи было показать славянофильство как целостное явление. Отметив, что славянофильство в прошлом веке приняло разные формы, я далее хотел прежде всего отметить начала, преобладающие в различных его направлениях и цементирующие их. По-видимому, такими общими чертами руссофилов является национальная русская исключительность (в противопоставлении Западу), православие и авторитарный политический режим (независимо от того с какими весами эти черты комбинируются между собой).

Проф.Гибиан совершенно справедливо констатирует, что среди современных русских националистов имеются различные направления. В особенности проф.Гибиан выделяет фигуру такого замечательного человека, блестящего знатока русской культуры как академик Дмитрий Лихачев, которого он считает русским патриотом, а не шовинистом. Я также отметил в своей статье факт наличия различных групп в современном руссофильстве. Я разделяю мнение Гибиана, что академик Лихачев является русским патриотом, который хотел бы видеть Россию на пути либерализации, которому в целом чужды презрение к Западу, антисемитизм и т.п. Однако я в своей статье сконцентрировал внимание на реакционных группах русских националистов. Предпосылкой для выделения этой группы было мое предположение, что в период глубокого кризиса империи при политической культуре нации, где весьма сильны националистические начала, реакционные группы имеют больше шансов прийти к власти. Именно их фашизм и искренность так важны, чтобы преодолеть сопротивление консервативных и либеральных кругов. Что же касается умеренных русских националистов - русских патриотов, к которым принадлежит и академик Лихачев, то в острой ситуации они скорее окажутся союзниками крайних реакционеров, хотя им будет претить их фашизм и оголтелость в выборе любых средств для достижения поставленной цели (аналогичное явление наблюдалось при приходе Гитлера к власти).

Увы, я должен сказать, что последние высказывания академика Дмитрия Лихачева мне представляется говорят скорее в пользу моих опасений о роли умеренных русских националистов, нежели в пользу проф.Гибиана. Я специально останавливаюсь на этой фигуре, так как в том, что я в своей статье даже не упомянул имя академика Дмитрия Лихачева, проф. Гибиан видит одну из причин ее порочности.

Я надеюсь, что проф. Гибиан внимательно следит за советской периодикой и уже успел прочитать пространное, на 4-ех страницах, интервью академика Лихачева, данное корреспонденту весьма либерального журнала "Огонек" касательно тысячелетия крещения Руси (см. "Огонек", 10, март 1988, стр.9-12).

Ниже я привожу несколько цитат из этого интервью, которые во многом говорят сами за себя. Я лишь подчеркну в них слова, кажущиеся мне ключевыми.

"Просто государство не могло жить разрозненными верованиями. Ведь христианство принимается в момент, когда Владимир объединил Русь. Надо говорить не о выходе из тупика, а о государственной необходимости, обеспечить которую язычество было не в состоянии. Государство Владимира держалось не на полицейской системе и на одной системе военной. Это было многонациональное государство, потому столь необходима была интернациональная религия".

"Православное христианство - самое веселое христианство. Помните у Тютчева: "Я лютеран люблю богослуженье"? Но поэт подчеркивает мрачность этого богослужения. Обратите внимание, что и католические храмы суровы в своей градиозности. Тогда как русский храм благодаря светлomu, яркому, сияющему иконостасу, благодаря очеловеченному устройству пространства, его космизму и золоту огня просто красив. И светел".

"Если Новгород ничего не делал для объединения Руси, потому что был республикой, то в

Москву переехал митрополит Всея Руси, и Москва стала символом духовного объединения."

"Поскольку христианство интернационально, постольку оно является великой религией. Если оно сводится к религии национальной, оно перестает быть собой. Мне не хочется упоминать религий, замкнутых в одном народе. Их несколько, но это большой недостаток этих религий."

"Книга осваивала новые территории. Теперь ясно, что в Сибирь везли книги. И этим завоевали Сибирь. Не столько оружием, сколько книгой."

И еще одно замечание к интервью академика Лихачева. В этом интервью крещению Руси придается решающая роль, поскольку с него "вообще можно начинать историю русской культуры". Благодаря этому событию, отмечает далее Лихачев, "произошло соединение с культурой Византии, наиболее передовой страны того времени".

Была ли в то время Византия наиболее передовой страной, остается весьма спорным вопросом. Позволительно спросить академика Лихачева по поводу того, какую роль играл в то время арабский мир и не там ли были получены тогда наиболее сильные результаты по крайней мере в области науки и философии.

Я также хотел напомнить читателю, что во время крещения Руси императором Византии был Василий II. "Энциклопедия Британика" в т.15, стр.357 в частности указывает, что Василий II после победы в 1014г. при Беласице выколол глаза 15 000 захваченным в плен болгарским воинам.

Наконец, касаясь общего стиля замечаний проф. Гибиана, замечу, что желая обесценить мои выводы, он считает, что "я излишни основываюсь на вторичных

источниках, цитировании западных обзоров советских событий". Конечно, проф. Гибиац не мог знать, что в рукописи моей статьи, представленной в редакцию "Орбис" были ссылки почти только на советские источники, в т.ч. и неформальные. По предложению редакции, пожелавшей приблизить статью к западному читателю, помимо советских источников в статье появились ссылки на значительное число англо-язычных работ.

ЯНОВ ПРОТИВ СОЛЖЕНИЦЫНА:

прозрения и презрения Александра Янува. К выходу книги А.Янува "Русская идея и 2000-ый год", изд-во Либерти, 1988, 399стр. *

В статье "Парадокс Горбачева", помещенной в данном сборнике, я попытался показать насколько взрывоопасна ситуация, складывающаяся в СССР в период гласности. Опасность нынешней ситуации в том, что при стагнации режима, когда для смены неспособных к изменениям консерваторов нужны искренне преданные идее перестройке люди, поддержанные народом, русские националисты, следуя русской традиции, могут добиться большего успеха, чем либералы.

К такого рода позиции я пришел в огромной мере благодаря моему многолетнему интересу к работам талантливого советского историка и публициста Александра Янува.

* Статья опубликована в журнале "Время и мы", 100, 1988, стр. (204-214).

Я не могу сказать, что русскоязычные авторы как в СССР, так и за рубежом не касались проблемы угрозы развивающегося в СССР русского национализма. Я хотел бы в этой связи отметить статьи двух эмигрантов из СССР В.Соловьева и Е.Клепиковой, которые на протяжении последних десяти лет неоднократно обращали внимание на опасность усиления русского национализма ("русской партии)". В последний год в связи с бурным ростом русского национализма в СССР число такого рода статей в русскоязычной прессе на Западе резко увеличилось.

Однако пионером в этом деле, показавшим развитие русского национализма с середины девятнадцатого века до наших дней, по праву можно считать А.Янова. Об этом я уже довольно подробно писал в упомянутой выше статье "Парадокс Горбачева". Здесь же я хочу разобрать только новую работу Янова по этой проблеме.

В 1987г. впервые (?) на русском языке, поскольку предыдущие работы автора, написанные на Западе, публиковались только в англоязычной прессе, выходит фундаментальная работа А.Янова "Русская идея и 2000-ый год". В этой книге подытоживаются многолетние размышления автора о судьбе России, будущем ее народов, об отношении России к Западу и т.д. и место, которое занимает в решении этих вопросов руссофильское крыло.

Один перечень тем, поднимаемых Яновым в этой книге мог быть занять несколько страниц. И вероятно одна из наиболее интересующих его - это тема Солженицына, занимающей более чем шестую часть книги. В анализе творчества Солженицына Янов фокусирует как на вчерашние и сегодняшние идеалы общие для всех руссофилов, так и специфичные для определенных руссофильских кругов. Не все идеи Солженицына разделяются другими руссофилами, а некоторые, как предлагаемый им разгон империи, вызывает даже озлобление. Руссофилы, которые хотят

сохранять империю, да даже собственно Россию, не могут согласиться с Солженицыным, что Россия, находясь в окружении индустриальных или индустриализирующихся стран (и прежде всего такого грозного врага как Китай), стала бы по преимуществу крестьянской страшой.

Однако я бы не преувеличивал роль этих разногласий. Взгляды экстремистов до прихода к власти весьма резко могут отличаться от более трезвых взглядов после получения ими власти. Так было, к примеру, с большевиками, которые до революции были самыми яркими критиками российской империи как тюрьмы народов. Немедленно же после революции они делали все возможное, чтобы сохранить, а потом и расширить русскую империю. Более того, основная политическая направленность произведений Солженицына созвучна требованиям нынешних руссофилов или по крайней мере близка им по методу повторения взглядов славянофилов в прошлом.

Янов использует особый литературный прием, чтобы проиллюстрировать теснейшую связь взглядов Солженицына со взглядами славянофилов в прошлом столетии. Вначале на стр.215, Янов приводит цитату с соответствующими ссылками. Вот текст этой цитаты.

"У вас (у вождей СССР) остается непоколебимая власть, отдельная сильная замкнутая партия, армия, милиция, промышленность, транспорт, связь, недра, монополия внешней торговли, принудительный курс рубля,- но дайте же народу дышать, думать и развиваться... Народ желает для себя одного: свободы жизни, духа и слова. Не вмешиваясь в государственную власть, он желает, чтобы государство не вмешивалось в самостоятельную жизнь его духа..." (А. Солженицын.

Письмо вождям Советского Союза. Париж, Ижма-Пресс, 1974, стр. 49; К. Аксаков; цит. по: Теория государства у славянофилов. СПб., 1898, с. 41.)

Затем Янов пишет:

" Не правда ли, эта тирада звучит так как будто она написана одной рукой? Между тем, только первая ее часть принадлежит Солженицыну. Вторая была обращена к совсем другим вождям и совсем в другие времена. Сто тридцать лет назад Константин Аксаков рекомендовал вождю православного государства буквально то же самое, что Солженицын рекомендует вождям советским: возьмите себе *всю* власть, а народу дайте *всю* свободу. Народ не будет вмешиваться в политику, - обещают Аксаков и Солженицын, - он желает лишь свободно "дышать, думать и развиваться". "

Славянофильство, исповедуемое Солженицыным, и продолжающее, как показал Янов, традиции этого направления, носит типичный фундаменталистский, антизападный характер. Эти взгляды являются не только прерогативой России-СССР, они есть и даже процветают в некоторых странах.

Возможно это и обидно Солженицыну, крупнейшему русскому писателю нынешнего столетия, что его называют "айатола Солженицын". Но так ли это несправедливо? Программа Солженицына, неоднократно им самим объявляемая ("Письмо вождям Советского Союза", Гарвардская речь), а также его литературные произведения последних лет мало чем отличаются от фундаменталистских воззрений Хомейши до прихода к власти. А что стал бы делать Солженицын, если бы он стал вождем России, ее духовным лидером, не очень трудно догадаться.

Солженицынский фундаментализм и антизападничество, являющиеся краеугольным камнем мировоззрения Солженицына, прежде всего проявляется в его убеждении, что в отличие от индустриального городского пути развития Запада, истинный путь развития России лежит через возврат народа к земле. К сожалению, Янов, акцентируя на многие важные стороны солженицынского фундаментализма, недостаточно вскрыл этот аспект. Между тем, на мой взгляд, без довольно тщательного понимания этого аспекта труднее становится понимать сложность солженицынского мировоззрения и прежде всего его антизападных политических настроений, даже независимо от того явно или неявно (эксплицитно или имплицитно) этот аспект выражает сам Солженицын. Я поэтому позволю напомнить, что западный путь развития экстравертный, т.е. направлен на достижение человеческого счастья прежде всего через изменение среды на основе научно-технического прогресса и динамичности социальной организации общества. Конечно, это предполагает прежде всего развитие личности, признание примата личности, т.е., что общество для личности, а не личность для общества (как это не режет слух многим русскоязычным читателям). При этом речь идет о развитии индивида, а не эгоиста, т.е. о таком развитии человека, который и других людей признает за таких же "человеков", а не рассматривает их просто как "винтиков" для удовлетворения его прихотей. Противоположный Западу путь развития связан с интровертностью, с акцентом на внутреннее развитие личности. Такой путь естественным образом увязывается по преимуществу с консервативным производством и малоподвижной политической

Сложность ситуации заключается в том, что в интровертной позиции есть свой резон. Отнюдь не доказано, что акцент на индустриальное развитие страны является единственно верным, так как технический прогресс может привести к неконтролируемым

последствиям, связанными не только с загрязнением окружающей среды и гибелью человечества от ракет с ядерными боеголовками или его испепеления с помощью лазеров, установленных на спутниках. Наибольшая опасность от технического прогресса идет от невозможности доказать, что совершаемые глубокие технические открытия будут служить для благо человечества: скажем, что исследования в физике элементарных частиц на всякого рода акселераторах не приведут к "мировому пожару", открытия в инженерной генетике не дадут невиданных и всеокрушающих монстров, а творческие компьютеры не направят развитие человечества в некоем неизвестном направлении. Более двух тысяч лет назад индусы поняли опасность технического прогресса и создали цивилизацию, отвергнувшую техническое развитие и сделавшую акцент на внутреннее развитие личности.

Сказанным я вовсе не хочу отвергнуть целесообразность индустриального пути развития, но я бы хотел только сказать, что не надо быть такими амбициозными, обуянными гордыней и считать, что только западный путь развития цивилизации единственно возможный.

В равной мере нельзя сказать, что только "деревенский" путь развития является единственно верным. Отсутствие научно-технического прогресса не только приводит к болезням и голоду людей. В более широком масштабе времени оно ставит под угрозу существование человечества на земле из-за возможных космических катастроф. В этом случае, к примеру, переселение людей на другие планеты становится весьма важным средством сохранения человечества. В связи с этим я хотел бы заметить, что одна из величайших заслуг русских философов и ученых заключается в создании и развитии космической философии и ее практического претворения. Я имею ввиду в этой связи прежде всего имена двух таких выдающихся русских людей как Н.Ф.Федоров и К.Э. Циолковский.

Какой путь своего развития выбирает та или иная страна в тот или иной период своей истории является делом самого народа. А хочет ли русский народ идти по пути Солженицына? Последний не допускает и мысли, что русский народ может избрать другой путь. Он преисполнен веры в то, что "деревенский путь" предопределен самой историей и судьбой России. Солженицын, как показывает Янов, не допускает возможности того, что патриотичность русского народа допускает разные точки зрения по поводу путей развития страны и что нельзя ни доказать ни опровергнуть с вселенской точки зрения какой из них истинен, какой ложный.

При этих условиях плюралистический механизм в соединении с демократическим в наибольшей мере обеспечивает народам свободный выбор пути своего развития и смены его в изменившейся ситуации. Обильно цитируя Солженицына, Янов замечает, что Солженицыну, глубоко верующему в один единственно истинный путь развития человечества, глубоко чужд политический плюрализм (стр.222). В свою очередь в основе такого рода взглядов Солженицына лежит пренебрежение к философскому плюрализму. Янов справедливо вспоминает слова из статьи Солженицына "Наши плюралисты", что "*истина одна*". (стр.243). Возможно что то от "плювать" есть для Солженицына в иностранном термине плюрализм, в основе которого лежит представление о невозможности доказать или опровергнуть истинность ответов на кардинальные вопросы, связанные с выбором того или иного генерального пути развития.

Все эти рассуждения Солженицына, проанализированные Яновым, касаются не только выработки идеала для развития России. Они широко используются Яновым для критики сложившейся в настоящее время ситуации в России, поисков источников случившегося. Спору нет, большевистская революция принесла России немало горя и в конечном счете ввергла

ее в стагнацию. Пользуясь языком Янова, мы имеем дело с очередным системным кризисом в России. Но все дело в том, где искать истоки победы Октябрьской революции. Ответ на этот вопрос тесно связан и с ответом на вопрос на каких путях искать выход из создавшегося трудностей.

Янов подробно показывает, что истоки бед в современной России Солженицын видит не в самой России, а во влиянии тлетворного Запада, в привнесении им в России чуждого элемента в виде западных коммунистических идей.

И тут уже один шаг, учитывая традиции России искать источник зла в евреях. То, что Солженицын поражен антисемитизмом Янов весьма убедительно доказал в своей книге. Из образа Израиля Лазаревича Парвуса (настоящая фамилия Гельфанд) в "Ленин в Цюрихе" и из образа Дмитрия (Мордехая, Мордже) Богрова в "Красном колесе" достаточно ясно видно, что именно в евреях прежде всего ищет Солженицын те дьявольские силы, которые как темный вихрь были насланы на погибель России.

Янов подробно разбирает в отдельном параграфе книгу "Ленин в Цюрихе". Солженицын здесь, не скрывая, прямо говорит о том, что Ленин был чужд подлинным интересам России, что он был полурусским (по крови только на четверть он был русским). Но этого мало. Янов убедительно показывает с многочисленными ссылками на данную книгу, что главным источником всех зол был человек, стоявший за Лениным, который "по собственному ленинскому признанию, превосходит его во всех отношениях" (стр.238). И этим человеком был Парвус. Собственно говоря, это даже был не человек, а как следует из эпитетов, отнесенных к нему Солженицыным и цитируемых Яновым, это был некто с "бегемотской гениальной головой", "сейсмическим чувством недр", "беспощадным нечеловеческим умом", который к тому же "25 лет проболтался по Европе Азифером" (стр.239).

Но дьявол по Солженицину может принимать разные обличья. И вот Солженицын в "Красном колесе" рисует уже образ другого еврея Мордже Богрова, убивающего в лице П.А.Столыпина Россию, повинуюсь *"трехтысячелетию, тонкому, уверенному зову"* своей расы. (стр.261).

Вот как Янов анализирует дьяволизацию Солженицыным Богрова (в скобках указан том собрания сочинений Солженицына, выпущенного в Париже в 1983г., а затем номер страницы, где приведены соответствующие высказывания:

"Дьяволизация Богрова, если можно так выразиться, происходит постепенно, вводится осторожно, поначалу вполне незаметными штрихами. Вот Богрову ужасается "проползти бесшумно, невидимо, между революцией и полицией" (12;124). Через несколько страниц собеседник увидит его вдруг с "передлинненными верхними двумя резцами, они выдвигались вперед, когда при разговоре поднималась верхняя губа" (12;131). Еще через несколько страниц он будет ползти по шесту - "совершенно гладкому, без зазубрины, без сучка...ни за что не держась" (12;138), "всем телом своим тереться и переползать по несправдотподобиям" (12.141). Страницей дальше сходство со змием растет : Богров "с удлинненной стиснутой головой, постоянно чуть изогнутой набок, с постоянно несмыкнутыми губами" (12.142). Ни жало, ни яд еще не упоминаются, только "узкая голова чуть на сторону" (12.143), только "завораживает, как тение редкой птицы, вытянувшей шею, и даже врагам своим в такие минуты он кажется милым" (12.144), хотя - и тут впервые метафора становится опасно открытой - "он хотел только

впустить между ними каплю расслабляющего яда" (12.144).

Теперь у читателей сомнений нет: перед ним змий. А Богров все полз по роковому шесту, "вился, вился" (12.157) со своим "привораживающим взглядом, чуть набок плосковатую голову" 12.158). И - автор даже посочувствовал ему - "как уже устали мускулы кольца" (12.163). Но все это время "те несколько нужных капель для рокового мига должны были накопиться, насочиться - в мозгу? в zobу? в зубу" (12.146). Вот как видит Богрова Столыпин, когда наступил наконец "роковой миг" - ужалить: "шел, как извивался, узкий длинный, во фраке, черный...долголицый молодой еврей" (12.248). Ужалил, "змеясь черной спиной, убежал" (12.249). Образ еврея слился с образом змия. Только библейский ли это был змий?" стр.264-265).

Обвинение евреев в чужеродности явление не новое на Руси. Также не ново, что руссофильски настроенные писатели, и даже такие великие как Достоевский, не чужды были антисемитизма. Их антисемитизм не был бытовой, он был идейным. Так довольно распространённым является мнение, что антисемитизм Достоевского был порожден тем, что он считал русский народ богоизбранным, а это оказывалось несовместимым с точкой зрения о богоизбранности еврейского народа, религия которого была предтечей христианства.

Рассуждения о нетерпимости Солженицина к идее ограниченной политической власти толкнули меня к мысли, что не в этом ли явлении лежат некоторые подспудные корни его антисемитских настроений.

Евреи, как мне представляется и отличаются прежде всего тем, что их дух и религия направлены на ограничение власти. (См. об этом подробнее в

помещенной в этом сборнике статье "Заметки об антисемитизме). Конечно, я понимаю, что предложенные объяснения антисемитских настроений Солженицына весьма спекулятивны. Конечно, могут быть и другие объяснения этому явлению и возможно более существенные. Но может быть какая то толика в совокупности причин, объясняющих Солженицынский антисемитизм, есть и в моих рассуждениях.

Почвенничество, антизападничество, антисемитизм, монизм, о котором говорилось выше, не случайно занимают такое большое место в миропонимании Солженицына, да и вообще руссофилов. Дело в том, что на бумаге критика запада, евреев, плюрализма и восхваление родной земли сравнительно легко и органически связывается с нравственностью нации: куда сложнее в теоретических конструкциях убедительно связать нравственность нации с индустриальным городским обществом. Не случайно Янов, опять же обильно цитируя солженицынские антизападные высказывания заканчивает это цитатой из Солженицына, что *"общество, где действуют политические партии, не возвышается в нравственности"*.

Между тем необходимость нравственного возрождения Солженицын и руссофилы отлично понимают. Действительно, без нравственного возрождения нации трудно ожидать длительного успешного развития. Мораль с ее безусловными требованиями не убей, не укради и т.п. дает каждому отдельному человеку основные представления о правилах поведения в условиях незнаемого будущего. Она дает возможность человеку создать нравственный потенциал для того, чтобы он по возможности не соблазнился сиюминутным эффектом. Она дает (и особенно хорошим людям) понимание того, что не дано знать к каким в конечном счете катастрофическим последствиям приведет убийство даже одного человека, воровство у кого то во имя спасения тысяч несчастных.

Дело однако не в том, что демократически настроенные круги не замечают важнейшей роли нравственности. Люди, принадлежащие к этим кругам, всем своим поведением подтверждают служение высоким нравственным идеалам. Академик А.Сахаров, России которого Янов посвятил свою книгу, пример этому. Вместе с тем борцы за демократию делают акцент прежде всего на создании политических и правовых условий, чтобы личность была сохранена. История рода человеческого показала, что если не созданы политические и правовые условия, при которых личности гарантирована неприкосновенность, а решение судьбы человека зависит во многом от благодати лидеров, то при самых изощренных методах, направленных на соблюдение морали, политические лидеры не будут святыми. Огромнейшее большинство лидеров, не будучи ограничены в своей власти, подавляют человека и делают его рабом.

Янов подробно разбирает эволюцию Солженицына, показывает как он, повторяя известные идеи определенных руссофильских кругов, отвергает создание политической системы, в которой власть имущие будут ограничены политической активностью народа, закрепленной в определенных политических институтах, и становится ярким адептом авторитарного режима. Эта мысль пронизывает по существу все главы, которые Янов посвящает анализу творчества Солженицына. В особенности Янов замечает, что восхваление авторитарного режима невольно приводит Солженицына к старой славянофильской идее "двух свобод", внутренней и внешней. Солженицын также считает, что политически можно быть зависимым, так как это не столь важно: важно сохранить внутреннюю независимость и свободу духа. Если несколько конкретизировать критику Яновым этих взглядов Солженицына, то можно сказать, что внутренняя свобода при внешней несвободе - это удел подвижников. А строить мир, считая, что каждый

человек может стать подвижником - это по-видимому, не считаться с тем, какой огромной силой ограничения заложены в нашей психике природой, как генетически во многом предопределен эмоциональный строй человека, сопротивляющийся рабству. блажены те, кому от природы отпущена предрасположенность развить в себе подвижничество.

Разумеется, если есть только правовая система, но нет морали, общество может закоснеть в бюрократизме и бездушии. По всякому поводу будут писаться оправдательные и подтверждающие документы, и люди будут бегать по судам, чтобы разрешать свои конфликты. Вражда между людьми будет усиливаться, хотя она будет принимать легальные формы. Но опять же вспоминается замечание, высказанное известным правозащитником В.Чалидзе, величие права в том, что оно создает минимальные гарантии для защиты личности.

Почвенничество и в особенности ее сопряженность с нравственностью во многом определяют отношение к интеллигенции и к образованию вообще. С легкой руки Солженицына термин "образованщина", выражающий крайне негативное отношение к интеллигенции, широко был пущен в обиход.

Янов, опять же с ссылками на тексты Солженицына, достаточно подробно критикует его "образованщину".

Внимательно читая "Образованщину", просто невозможно не заметить в ней такие сентенции, как: *"потеря в образовании - не главная потеря в жизни"*,⁴⁴ и такие рекомендации, как создание новой *"жертвенной элиты"*, нового ядра нации *"воспитанного не столько в библиотеках, сколько в нравственных испытаниях"*⁴⁵. Причем, оказывается, образовательный ценз и число печатных научных работ тут совершенно ни к чему, ибо мы

пойдем к народу рядом с "полуграмотными проповедниками религии" ⁴⁶." (стр.234). (Верхние цифры являются номерами сносков на соответствующие страницы цитируемого произведения Солженицына).

Янов пытается вскрыть причины такого пренебрежительного отношения Солженицына к интеллигенции и образованию. Он находит их в том, что Солженицын пытается отрицать существование современной русской интеллигенции, поскольку последняя ориентирована в чуждом руссофилам направлении, т.е. в сторону европеизации, антиизоляционизме, антимиессианстве. (стр.233).

Я разделяю мнение Янова по поводу "образования". Но мне представляется, что причины этого явления имеют и более глубокий уровень. Дело в том, что образование весьма противоречивый процесс, особенно и прежде всего, если образование концентрируется на естественно-научных дисциплинах в ущерб гуманитарным и социальным. Действительно, в этом случае образование может способствовать разрушению вековых ценностей, поскольку способствует формированию мнения, что мораль как абсолютные ценности бессмысленна, что все ценности релятивистски, относительны сложившейся ситуации. И что греха таить естественные науки могут способствовать также формированию далеко не лучших целей. Дело в том, что после ознакомления с великими результатами в области науки и техники человека могла одолеть гордыня, ему могло начинаться казаться, что все возможно. И если почвенник создавал утопию, призывая к "опрощению", к смирению, то "образованец" может также создавать утопию, но только с другим знаком, т.е. обещая райскую жизнь на земле с изобилием благ и неограниченным покорением природы.

Более того, естественно-научное образование, особенно на примитивной философской почве, может способствовать формированию полупримитивного рационализма, так как создает иллюзию, что все можно рационально объяснить и создать. А такого рода иллюзии лучший союзник в создании утопии земного рая на базе строгой упорядоченности. А тут уже один шаг к авторитарному режиму, который должен эту упорядоченность воплощать. демократия не может этого сделать, так как она во многом спотана. И тут Солженицын неожиданно смыкается с ненавистными ему зараженными Западом коммунистами: поистине крайности сходятся.

Таким образом, Солженицын весьма последователен: почвенничество + нравственность = "образованщина".

Но можно стать на противоположную точку зрения, т.е. можно показать, что образование способствует не только созданию утопий. Именно высокий уровень естественно-научного образования дает понимание того, что не все возможно, что невозможен не только вечный двигатель, но и подобные ему социальные конструкции как коммунизм (подобно тому, как вечный двигатель предполагает, что нет сдерживающих сил трения, так и коммунизм предполагает, что ресурсы неограниченны и не будут сдерживать создания изобилия всего что угодно). Именно высокий уровень образования позволяет понять великую идею Бога в том смысле, что раскрывает сложнейшие механизмы в известном смысле упорядоченности в развитии неорганического, органического и социального миров в противовес упрощенческим представлениям о том, что в основе развития лежат только случайные изменения (хотя роль последних также не должна игнорироваться)..

Именно высокий уровень образования позволяет понять великую роль морали как института развития в условиях индетерминистского мира. Именно редкость для своего времени высочайшей образованностью отцов американской демократии мы во многом обязаны

созданию политической системы, терпимой к различным точкам зрения и давшей приют Солженицыну. А что бы делал Солженицын без демократического общества? Погиб бы на кресте, являя другим пример великомученика? И этого ему не дали бы - его изничтожили бы тихой сапой и кинули в неизвестность как это неоднократно делали авторитарные режимы с не менее крутыми талантами.

Из приведенного в книге весьма подробного анализа политических взглядов Солженицына вырисовывается и его психологический портрет.

Создается впечатление, что Солженицын считает себя пророком, который пришел возвестить миру истину. Я старался понять корни этого и пришел к выводу, что возможно они также лежат в необычной его судьбе. Солженицын прошел войну в чине боевого офицера и остался жив, тогда как большинство его сверстников были убиты. Солженицын прошел сталинские лагеря и остался жив и активен, тогда как многие не пережили лагеря или оказались сломленными. Солженицын прошел раковый корпус, из которого мало кто выходил живым. Солженицын сохранил многое из созданного им в эти годы и затем в не очень благоприятных условиях создал новые произведения, которые принесли ему не только всероссийскую, но и

Как человек-пророк, знающий истину, Солженицын нетерпим к инакомыслию. Эта нетерпимость иногда входит даже в конфликт с его собственными требованиями и прежде всего с тем, чтобы каждый человек жил не по лжи. (Возможно чрезмерно саркастично, но довольно метко один видный советский диссидент заметил в адрес Солженицына, что он призывает жить не по лжи всеми правдами и неправдами).

Я думаю, что Янов прав, обвиняя Солженицына в несоблюдении им самим этого требования. Солженицын обвиняет Янова в том, что ему *"ненавистно все русское"*, что он *"печатался только в "Молодом*

коммунисте" и мельче" (стр.221). Я знаю Янова более 20 лет. Весьма редко можно встретить большего патриота России, человека глубоко преданного интересам России и желающего ей процветания. Янов считает себя глубоко русским человеком, если русскость определяется не кровью, а принадлежностью к культуре страны (в самом широком смысле этого слова). Я, который ощущает себя в большой мере приверженцем еврейства (разумеется при первостепенности для меня общечеловеческого), эти черты Янова особенно ощутимы. Янов не был в СССР мелким журналистом. Он печатался в центральной прессе и в особенности в "Литературной газете". Уже одна его статья в этой газете "По дорогам Смоленщины", преисполненная боли за обезлюдивание центральной России, принесла ему известность как одному из выдающихся советских журналистов, которые могут в подцензурной печати выразить наболевшие проблемы развития страны. Янов печатался и в "Новом мире" - журнале, который принес Солженицыну славу. К слову сказать, насколько мне известно, Янов в "Молодом коммунисте" напечатал только одну статью. Но эта была необычная статья, за напечатание которой немало влетело кому надо от кого надо. Эта статья была посвящена великому русскому политическому деятелю Александру Герцену. Живя на Западе, Герцен не побоялся поднять свой голос протеста против подавления Россией восстания в Польше.

Читатель может задать неудоменный вопрос: "Экая храбрость ругать Россию, живя на Западе?" Да, эта была невероятная храбрость со стороны Герцена. Дело в том, что широкие круги русской общественности поддерживали имперские акции России (и разве это не было раньше, когда Александр Сергеевич Пушкин написал, на мой взгляд, внутренне несообразную поэму "Полтава" с обвинением борца за независимость ~~м~~азачества Мазелы в предательстве и не найдя тем самым внутренних причин искренней любви Марии к старцу, а

затем в 1831г. разразился стихотворением "Клеветникам России" вслед за подавлением Николаем I польского восстания и разве это не было после, когда широкие круги общественности в СССР негодовали против маленькой группы смельчаков, которая вышла на демонстрацию с протестом против советской интервенции в Чехословакию в 1968г). Заявления великого русского патриота Герцена русская общественность посчитала антипатриотичной. Да, нужно поистине обладать большим мужеством, чтобы вдали от Родины, отдавая всего себя служению ей, оказаться отвергнутым не только властями, но и общественностью.

Думаю, что мужеством обладает и Александр Янов, бросивший вызов крупному русскому писателю, который не разделяет демократических идеалов России. Вот как об этом пишет сам Янов:

"...для людей в России (и для меня в том числе) Солженицын был (а для многих еще остается) совестью страны, символом того, на что мы сами не оказались способны. И дело здесь не только в художественном даре или легендарном мужестве, дело еще и в той роли, которую сыграл Солженицын в духовном раскрепощении страны, а значит, и меня самого. И трагедия заключается в том, что этот человек оказался в рядах "новой русской правой". Я не говорю уже, что сам по себе этот факт является индикатором громадной мощи, которую имеет правая традиция в русской культуре...Я хочу, чтобы читатель ясно понял мое отношение к Солженицыну. Оно заключается в этом вопросе: почему человек, который так много для меня сделал, потом предал меня? И не

меня? И не только предал, но и проклял вместе с проклятой им русской интеллигенцией?" (стр.).

Я рискну ответить на последний вопрос Янова. Мне кажется, что Солженицын не предавал Янова. Просто Солженицын как критик коммунизма, тирана-безбожника Сталина автоматически воспринимался демократически настроенными людьми как им подобный. А ведь критика коммунизма и Сталина может идти и с противоположных позиций, с позиций фундаментализма, что уже довольно рано начало наблюдаться в творчестве Солженицына.

Как гласит африканская поговорка, "если крокодил съел твоего врага, то это не значит, что он твой друг". Да, и вообще, не надо создавать идолов...

ЗАМЕТКИ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ.

Почему в СССР существует еврейский вопрос?

Ответ на вопрос, вынесенный в заголовок параграфа, весьма прост: по крайней мере потому, что в СССР есть евреи.

А почему они там есть? Ответ на этот вопрос связан с ответом на общий вопрос о сохранении в СССР многообразия национальных групп, даже если данная национальность вообще не имеет нигде своей территории как то цыгане.

Я не буду вдаваться в конкретную аргументацию сторонников сохранения в СССР многонационального государства и сторонников создания единого советского народа. Мне хотелось бы только заметить, что за этими аргументами лежат весьма общие процессы развития.

Можно полагать, что дифференциация является ведущим направлением развития; интеграция сопровождает этот процесс. Конечно, крайне соблазнительно интегрировать на основе однообразия, унификации. Однако такого рода системы не могут развиваться и в конечном счете даже расти и выживать. По крайней мере сказанное не противоречит прошлому развитию как неорганического, так и органического и социального миров. Можно полагать, что сказанное будет верно и для будущего, хотя бы потому, что, с одной стороны, ни одна система не может полностью

предугадать будущее, а с другой, - может наилучшим образом функционировать в этом неопределенном мире, сохраняя многообразие и возможность менять пропорции между его объектами в зависимости от складывающейся ситуации.

Сегодняшние достижения в области генетики делают все более обоснованным мнение консервативных ученых, что генетические особенности predispose к определенной культуре, но не определяют ее. В этой связи представляет интерес книга Lumsden, C., Wilson, E., Genes, Mind, and Culture, Harvard University Press, 1981, в которой авторы претендуют на "первую попытку проследить развитие от генов через сознание к культуре". Их концепция Эсконструирована таким образом, чтобы включить всякого рода культурные системы, начиная от протокультур макаков и шимпанзе к новой человеческой культуре, равно как и к культурам, которые могут быть порождены лишь воображением."¹

Естественно, говоря о связи генов и культуры, надо быть предельно осторожным, так как здесь легко скатиться на всякого рода примитивные расовые теории. Прежде всего надо напомнить, что определенные гены, по-видимому, влияют на характер человека, который в свою очередь создает predisposition к определенной культуре, но не жестко ее детерминирует. Далее, наличие всего развивающегося многообразия генетических структур и коррелированное с ними многообразие культур, неотдифференцированных по ценности, целесообразно рассматривать с эволюционной точки зрения как исходную единицу. С глобальной эволюционной точки зрения сохранение и приумножение как многообразия генов, так и многообразия культур является принципиальным.²

Ратуя за многообразие в указанном смысле, я явным образом предполагаю, что каждый объект в этом многообразии не может быть сравним с другим. Лишь в

конкретной ситуации и с определенной точки зрения это сравнение может быть сделано и выяснена мера важности объекта. Но это сравнение лишь локальное по времени и доминирующим все равно остается сохранение многообразия. Я понимаю, что уже само по себе сохранение многообразия таит в себе угрозы, так как стремление к сохранению этнической группы заставляет весьма настороженно относиться к другим этносам, хотя бы для того, чтобы не допустить массового перемешивания, быть настороже, так как не всегда ясны намерения другой группы с иной ценностной ориентацией и т.п. По-видимому, здесь видны биологические корни настороженности одних этнических групп к другим.

Проблема сохранения многообразия весьма усложняется при наличии механизма отбора, поскольку отбор связан с акцентом на поиск лучшего в данной ситуации. Механизм отбора может быть таким жестким, что подчас может даже разрушить многообразие. Наличие многообразия этнических групп и их неравенство применительно к условиям определенной исторической ситуации может при наличии отбора порождать у отдельных народов стремление к своей исключительности. Это особенно опасно для больших стран, в которых шовинизм может стать угрозой вообще существованию человечеству. Поэтому я с пониманием отношусь к аргументам сторонников целесообразности перемешивания народов. И все же, учитывая приведенные мною в начале аргументы, мне кажется, что решение проблем человечества следует искать на пути сохранения многообразия этносов как биологических и социально-культурных групп, и приумножения этого многообразия этнических групп на пути их успешного интегрирования, а не унификации.

Далее можно задать следующий вопрос: советские руководители казалось бы сделали все возможное, чтобы ассимилировать евреев. Еще в середине 30-ых

годов в центральной России были закрыты еврейские школы, после войны их закрыли и на Украине и в Белоруссии. В конце 40-ых годов была уничтожена центральное еврейское издательство и выпускаемое им газета, еврейский театр и т.п.; наиболее известные еврейские писатели и поэты были арестованы и убиты в сталинских застенках.

И все же ассимиляция евреев в СССР в целом не произошло. Дело в том, что ассимиляционные процессы в одной группе еврейского населения в СССР сопровождались усилением этнического самосознания в другой группе, усугубленные наличием еврейского государства и мирового еврейства. Рост интереса у еврейской молодежи к еврейству за последние 25 лет вряд ли вызывает сомнения.

Я называю последнее явление "эффектом двойной пирамиды" и вот почему. Обычно считается, что старшее поколение, деды и бабки, наиболее консервативны, религиозны и сохраняют культуру своего народа. Их дети уже меньше склонны к этому, а внуки уже совсем становятся атеистами без роду и племени. Между тем мы видим и резко противоположные тенденции. Нынешние деды и бабки, выросшие в условиях ассимиляторских идей, удобренных антисемитскими настроениями народов, среди которых они жили, старались забыть свое еврейское происхождение. Они пытались найти решение проблемы в отказе от идей их еврейски настроенных родителей. Следующее поколение этих дедов и бабок - уже частично убедилось, что уход от еврейства не дает решения проблемы. Но у них оставалась еще надежда приспособиться к среде на пути своих отцов. А уже внуки во многом поняли иллюзию такого решения проблемы. Таким образом пирамида оказалась перевернутой - в ней есть тенденция к тому, что ее острие опять будет еврейство.

Но, по-видимому, все же главной причиной помешавшей ассимиляции евреев в СССР является наличие в стране сильного антисемитизма.

Новое в антисемитской политике в СССР.

В своей статье "Парадокс Горбачева" я довольно подробно разбираю историю антисемитизма в СССР. Основная мысль по этому поводу заключалась в том, что исторически имевший место антисемитизм в России был унаследован СССР. За исключением короткого периода времени, относящегося к периоду правления Ленина, антисемитская политика советского государства нарастала. В частности, попытка решения еврейской проблемы в СССР, где сразу после революции казалось были провозглашены самые благоприятные условия для сохранения еврейства, кончается трагически. На протяжении советской истории фактически шло уничтожение евреев под самыми разными лозунгами: борьбы с троцкистами,³ /космополитами, сионистами.

Она постепенно охватывала все новые и новые уровни иерархии, пока в 1943-44г. не опустилась до широких масс еврейского населения. Антисемитизм достиг своей вершины в начале 1953г., когда Сталин намечал массовую высылку евреев в Сибирь. В последующие годы при приливах и отливах антисемитизма в целом поддерживался достаточно высокий его уровень.

Происходящие сейчас в СССР события вызывают у меня представление, что не находится ли СССР перед новым пиком антисемитизма вплоть до погромов.

В последние месяцы из СССР приходят все новые вести не только о всякого рода антисемитских открытых высказываниях членами общества "Память" или им подобными, но уже об антисемитских действиях со стороны населения. О некоторых из них даже сообщается в печати.

Так газета "Московские новости" от 29 мая 1988г. опубликовала заметку по поводу разгрома 15 мая 1988г. двумя пьяными мужчинами, Павлом Лященко, 1935г. рождения, и Александром Ершовым, 1954г.

рождения, памятников на еврейской части Востряковского кладбища в Москве; пострадало 46 памятников и 16 из них были разбиты. Поступок был оценен газетой как преступление. Правда, при этом хулиганы подавались газетой как семейные, образованные люди (один из них даже доцент Шахтинского филиала Новочеркасского политехнического института, а другой старший инженер того же института) с безупречным прошлым, члены Коммунистической партии, совершившие необычный для себя хулиганский поступок.

Описав некоторые подробности происшедшего и прямо указав, что разгромленные памятники были в той части кладбища, где захоронены евреи, автор заметки в газете вместе с тем так истерпретирует это событие:

"Следствие при самой тщательной проверке не обнаружило никаких данных, которые свидетельствовали бы о националистических мотивах преступников. Я твердо убежден: это был льяный дебош, а не антисемитская акция."

Этих хулиганов, далее сообщает газета, будут судить и они должны возместить нанесенный материальный ущерб, измеряемой не одной тысячей рублей.

Итак, в газете подчеркивается, что судить двух признавших свою вину громил будут просто как хулиганов. Действительно, если судить их за антисемитские действия, то непонятно к каким последствиям может привести такой судебный процесс в ситуации стагнации страны и растущей разнузданности масс.

Многие из приходящих вестей из СССР, и в особенности из Москвы и Ленинграда, об антисемитских действиях носят характер слухов. Неизвестно в какой мере они верны, но сам факт их распространения знаменателен.

Сообщается, что в Москве разбрасывались листовки и вывешивались на некоторых домах транспоранты с призывом организовать еврейские погромы 5 июня 1988г., в честь 1000 годовщины крещения Руси. В доме писателей на Аэропортовской улице в Москве в почтовых ящиках как будто находили записки с просьбой сообщить в каких квартирах живут евреи (ответы должны были быть положены в определенное место, почему около мусорного ящика). Милиция Москвы якобы предупреждала евреев о нецелесообразности выезжать в Подмоскowie на дачи, так как в год празднования крещения Руси она не может гарантировать им там безопасности. По полученной из Москвы неофициальной информации, там создаются, пока, правда, единичные, группы еврейской самозащиты на случай возможных антисемитских акций со стороны русского населения.

В Ленинграде (или в пригородах) как будто были недавно случаи, когда какие то молодые люди врываются в квартиры, где жили евреи, выгоняли их и устраивали в квартире дебош; самих евреев они при этом не били.

В чем же опасность происходящих ныне в СССР событий касательно евреев?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос я прежде всего замечу две новые особенности в антисемитской политике руководства страной. Во-первых, в самом руководстве по этому поводу имеется глубокий раскол, непосредственно отражающий раскол в путях преодоления стагнации. Во-вторых, руководство резко передало реализацию антисемитской политики массам. Поясню сказанное несколько подробнее.

Судя по ведущим партийным журналам и газетам, а также информации, полученной от недавно эмигрировавших советских евреев, правящая группа членов Политбюро, направляющая развитие страны в сторону перестройки и гласности непосредственно не разжигает антисемитизма и хотя и редко, но даже разрешает критиковать его. Между тем группа членов

Политбюро, судя по всему возглавляемая Е.Лигачевым, занимает противоположную позицию. Эта сталинистская, национал-социалистическая группа достаточно сильна и благодаря этому в печать проникают и антисемитские взгляды. В данном отношении наиболее важным является "манифест" этой группы, занявший всю вторую полосу в газете "Советская Россия" от 13 марта 1988г. (Формально этот "манифест" был подан в виде письма, написанного в редакцию Н.Андреевой, преподавателем Ленинградского технологического института имени Ленсовета). С интересующей меня точки зрения я хотел бы обратить внимание на следующие положения "манифеста":

"Другая особенность воззрений "леволибералов" - явная или замаскированная космополитическая тенденция, некий безнациональный "интернационализм". Я где-то читала, что когда после революции в Петросовет к Троцкому "как к еврею" пришла делегация купцов и фабрикантов с жалобами на притеснения красюгвардейцев, тот заявил, что он "не еврей, а интернационалист", чем весьма озадачил просителей.

Понятие "национального" у Троцкого означало некоторую неполноценность и ограниченность в сравнении с "интернациональным". И поэтому он подчеркивал "национальную традицию" Октября, писал о "национальном в Ленине", утверждал, что русский народ "никакого культурного наследия не получил" и т.п. Мы как то стесняемся говорить, что именно русский пролетариат, который троцкисты третировали как "отсталый и некультурный", совершил по словам Ленина, "три русские революции", что в авангарде битвы человечества с фашизмом шли славянские народы.

Конечно, сказанное не означает какого-либо умаления исторического вклада других наций и народностей. Это, как говорят сейчас, лишь обеспечивает полноту исторической правды... Когда

студенты спрашивают меня, как могло случиться, что опустели тысячи деревушек Нечерноземья и Сибири, я отвечаю, что это тоже дорогая цена за Победу и послевоенное восстановление народного хозяйства, как и безвозвратные утраты массы памятников русской национальной культуры. И еще я убеждена: из умаления значимости исторического сознания проистекает пацифистское размывание оборонного и патриотического сознания, а также стремление малейшие проявления национальной гордости великороссов записывать в графу великодержавного шовинизма.

Тревожит меня и вот что: с воинствующим космополитизмом связана ныне практика "отказничества" от социализма. К сожалению, мы спохватываемся лишь тогда, когда его нефииты своими бесчинствами мозолят глаза перед Смольным или под стенами Кремля. Более того, нас как-то исподволь приучают видеть в названном явлении некую почти безобидную смену "местожительства", а не классовую и национальную измену лиц, большинство которых на наши общенародные средства окончили вузы и аспирантуры. Вообще некоторые склонны смотреть на "отказничество" как на некое проявление "демократии" и "прав человека", талантам которого помешал расцвести "застойный социализм". Ну а если и там, в "свободном мире", не оценят кипучую предприимчивость и "гениальность" и торг совестью не представит интереса для спецслужб, можно возвратиться назад...

Как известно, в зависимости от конкретной исторической роли К.Маркс и Ф.Энгельс называли целые нации на определенном этапе их истории "контрреволюционными" - подчеркиваю, не классы, не сословия, а именно нации. На фундаменте классового подхода они не стеснялись давать резкие характеристики ряду наций, в том числе русским, полякам, а также тем национальностям, к которым принадлежали сами. Основоположники научно-пролетарского мировоззрения

как бы напоминают нам, что в братском содружестве советских народов каждой нации и народности следует "беречь честь смолоду", не позволять провоцировать себя на националистические и шовинистические настроения. Национальная гордость и национальное достоинство каждого народа должны органически сливаться с интернационализмом единого социалистического общества."

Важно также обратить внимание на тот факт, что среди поименованных лиц в "манифесте" отрицательная оценка дана только и только лицам еврейской национальности как то М.Шатров, А.Рыбаков, Троцкий, Ягода, Дан, Мартов (в порядке появления этих имен в тексте).

Таким образом, при всех разногласиях в руководстве страной в период гласности получилось так, что массам во многом делегировано формирование антисемитской атмосферы. Дозволенность массам на собраниях добровольно организованных ими обществ высказывать свои взгляды, да и вообще резко уменьшившаяся боязнь населения открыто выражать свое мнение, привело к резкой активизации антисемитских настроений среди народа.

Такое широкое вовлечение масс в разжигание антисемитской истерии крайне опасно в период общей стагнации страны, опустошенных душах людей при резкой нехватке продуктов питания, необычных ограничениях на покупку алкоголя и когда Горбачев открыто говорит о возможном повышении цен и массовых увольнениях.

Хотя сам Горбачев, по-видимому, относится с несколько подчеркнутой симпатией к идее величия русского народа, однако нет никаких оснований обвинять его в русском национализме и антисемитизме. Между тем, как пишет в своей статье В.Соловьев "Гласность: пир во время чумы" (жур."Время и мы", 1100, 1988), жена Горбачева, Раиса Максимовна, не

скрывает своих связей с руссофилами. Она "по словам академика Лихачева, пользуясь его возрастом и его ленинградской пропиской, превращает возглавляемый им формально Культурный Фонд в филиал "Памяти". (стр.155).

Вместе с тем не нужно забывать, что Горбачев, как и многие другие политические лидеры в условиях острой политической борьбы, пытается занимать центристскую позицию между неистовыми сторонниками перестройки типа Ельцина и национал-социалистами. Объявленная Горбачевым либеральная программа преобразования СССР плохо совместима с антисемитизмом. Однако эту карту он, по-видимому, не хочет отдавать. Гласность дает ему возможность самому непосредственно отстраниться от проведения каких-либо антисемитских акций и одновременно политически балансировать, переложив антисемитские активности на массы и считать растущий антисемитизм масс издержками демократии. Более конкретно это означает, что проводимая Горбачевым политика может позволить ему в случае крайней надобности "выпустить пары" через антисемитские акции масс. Конечно, это весьма рискованная игра, так как в складывающейся ситуации массы сами могут начать антисемитские акции, если даже Горбачеву в этот момент было бы желательно их недопустить. События в Нагорном Карабахе показывают, что националистические чувства масс весьма трудно контролировать. Более того, противники Горбачева могут в пику ему организовать даже еврейские погромы, чтобы поставить его в чрезвычайно тяжелое положение как внутри страны, так и зарубежом.

Таким образом, исторический опыт развития СССР показал, что если даже страна провозглашает идеологию, которой в принципе чужды всякого рода националистические и религиозные начала, реальность берет вверх и антисемитизм выходит вновь на

поверхность. Все это подводит меня к попытке понять причины антисемитизма в более общем ключе.

О многообразии причин антисемитизма и групп населения, поддерживающих его.

Феномену причин антисемитизма посвящена огромная литература. Непрофессионал может решиться писать на эту тему либо по невежеству, либо по амбициозности, т.е. по вере в то, что у него есть некоторые нетривиальные методологические подходы к анализу этой вековой темы, либо по той и другой причине вместе. Мне, как непрофессионалу, хочется верить, что мои заметки по данной теме относятся по крайней мере к последнему случаю.

Мне кажется, чтобы социальное явление устойчиво играло заметную роль на протяжении длительных периодов времени, измеряемых веками, оно должно иметь гетерогенные основания, т.е. найти поддержку у самых разных групп населения и быть порождено разнородными причинами; эти причины могут причудливо переплетаться в каждой отдельной группе населения.

Действительно, если взять явление антисемитизма, то мы увидим, что самые разные группы населения в каждой стране и иногда по совершенно разным мотивам высказывали антисемитские настроения. Антисемитскими настроениями были заражены и крестьяне и городские жители; образованные и необразованные группы населения; интеллектуалы и "люди земли"; бедные люди, средний класс и богатые люди; преследуемые и преследующие группы населения; рабы и свободные граждане; люмпены и собственники и т.д. и т.п.

Антисемитские настроения могли быть порождены самыми различными причинами. Среди этих причин прежде всего можно назвать религиозные мотивы: (в странах христианского мира - это были обвинения в распятии Христа, в ритуальных убийствах младенцев) и

страх неконкурентоспособности с активностью евреев. Неконкурентность с евреями принимала самые различные формы. Это был общий страх перед взаимопомощью евреев друг другу при их всепроникающей способностью вторгаться в самые различные области, начиная от бизнеса и кончая политикой.⁴ Это был страх перед евреями, которые могут занять лакомые места и даже могут увести местных женщин благодаря их способности добиваться более высокого качества жизни своей семьи, включая сюда не только создаваемые им лучшие материальные условия, но и ответственности перед семьей и уважения к жене и детям.

Такого рода страхи подогревались подчас некоторыми весьма рациональными причинами. Прежде всего считалось опасным, что евреи оккупируют определенную область, особенно если эта область важна для благополучия страны. Скажем, если много евреев становится, пастухами, врачами, торговцами и т.п., то опасно, что в случае их желания покинуть страну обитания и возвратиться в обетованную землю, они могут подорвать нормальную жизнь дашной страны, лишив ее нужных кадров.

Здесь я хотел бы сослаться на замечательную работу З.Жаботинского "Четыре сына"ю Автор этой работы обращает внимание на то, что в основе антисемитизма лежит конфликт между тем, что евреи, поселяясь на территориях чужих народов, готовы поначалу выполнять важные для местного населения работы, но которые по тем или иным причинам (в частности, незнания как эффективно выполнять эти работы, особенно если они сложные) были для них "мерзостными". Постепенно к этим работам привыкает и местное население и обнаруживает в один прекрасный день, что евреи слишком захватили эту важную для них область. Тогда местные власти начинают искать способы как "ухитриться"б чтобы избавиться от еврейского засилия. Так было в Египте с евреями, которые после

своего прихода туда согласились стать пастухами, "ибо мерзость для египтян всякий пастух овец" (Бытие, 46:34); так было в средние века в Европе, где евреи становились торговцами и ростовщиками.

Рассмотревшие мотивы антисемитизма могли быть порождены как результатом соприкосновения с евреями, что особенно характерно для т.н. бытового антисемитизма, так и результатом распространяемых представлений о том, что несет еврейское племя другим народам (особенно если еврейское племя селилось на территории данного народа, хотя и в изоляции от него). Так, к примеру, в дореволюционной России бытовой антисемитизм был особенно характерен в западных областях империи, в "черте оседлости" где местное население соприкасалось с евреями. Там зависть переплеталась с религиозными предрассудками и легендами о евреях как о дьяволах. Что же касается основных масс русского населения, то они тогда мало соприкасались с евреями и причины их антисемитских настроений были преимущественно результатом религиозных мотивов, как то распятие Христа или ритуальные убийства, широко распространенных мнений о евреях как о дьявольском племени, могущим принести данному народу неисчислимые бедствия. Лишь после революции, когда евреи вышли из черты оседлости и поселились в городах, бытовой антисемитизм стал господствующим среди широких масс русского населения.

Многообразие групп населения, зараженных антисемитизмом, равно как и многообразные причины, порождающие антисемитизм, наблюдаются на протяжении всей истории в самых разных странах. Конечно, в зависимости от особенностей культуры страны и переживаемой ею ситуации меняются пропорции охвата антисемитизмом разных групп населения, пропорции между мотивами (в пределах силы определяющего мотива может быть нулевая - так в нехристианских странах не будет мотива распятия

Христа) и что особенно существенно - сила антисемитских настроений.

Все сказанное показывает, что проблема снятия антисемитизма является весьма и весьма трудной. Но может ли она быть вообще разрешена?

Может ли исчезнуть антисемитизм?

В науке известно, что перед тем как решать проблему пытаются в начале выяснить имеет ли она вообще решение. Именно для науки XVIII-XVIII веков, добившейся невиданных ранее результатов в самых различных областях знания, была характерна вера во всевозможность, начиная с создания вечного двигателя и кончая формированием утопических социальных систем, где все люди будут счастливы навеки. Уже наука XIX столетия трезвеет и начинает во многом выяснять, что невозможно. В первой половине XIX века под влиянием развития термодинамики становится понятным, что вечный двигатель не может быть создан. Выдающаяся работа Э. Галуа (1821) дала возможность понять, что уравнения 5-ой и выше степеней нельзя решить в радикалах (т.е. через формулу); многие другие успехи в области математики были сделаны на пути доказательства существования или несуществования решения, вне зависимости от нахождения методов решения задачи. В меньшей мере повезло социальным наукам. Мне известно лишь одно строгое доказательство невозможности решения некоторой социальной проблемы, относящейся к возможности демократического выбора решения; оно было получено лауреатом Нобелевской премии К. Эрроу во второй половине XX века.

Я не берусь строго доказать, существует ли возможность уничтожения антисемитизма. Мне хотелось бы только заметить, что вряд ли такая возможность существует. Дело в том, что такие

специфические мотивы антисемитизма как заведомо ложные наветы в ритуальных убийствах могут быть сняты; ответственность за распятие Христа может быть во многом преодолена. Зависть к евреям может быть ослаблена как специфическая зависть к евреям, т.е. сведена во всей ее силе к общелюдской зависти.

Против аргумента, что евреи могут захватить ключевые позиции и угрожать в случае своего ухода развалом страны, можно возразить тем, что число евреев в каждой стране не так уже велико, чтобы евреи действительно могли захватить критическую массу ключевых позиций. Как показывает опыт истории, в случае добровольного исхода, а не насильственного изгнания или создания невыносимых условий, подавляющее большинство евреев остаются в данной стране. Кажется, что после вавилонского пленения вернулось в Иудею лишь 200 из оставшихся в живых евреев. Более того, можно полагать, что конкурирование с евреями для данной страны весьма полезно, так как заставляет местное население активизироваться. При наличии ограничительной политики допущения евреев в определенную область деятельности есть дополнительная сильная угроза тому, что в эту область хлынут и малоквалифицированные местные жители, умеющие угождать начальству в борьбе с "еврейским засилием". Я понимаю, что эти доводы весьма спорны, так как в социально-экономической области весьма трудно определить при каких условиях выгоднее "протекционизм" или "свобода торговли".

Но есть такие специфические черты еврейства, используемые для рационального аргументирования антисемитизма, которые вообще не могут быть преодолены. Мне хотелось бы говорить об одном таком мотиве антисемитизма и среди особой группы общественно-интеллектуалов, мотиве, который, ассоциируясь с данной группой, как мне представляется, играет особую

роль и во многом предопределяют неразрешимость проблемы антисемитизма.

Интеллектуалы, "программирующая сфера" и антисемитизм.

Итак, прежде всего по поводу интеллектуалов. Интеллектуалы, как никакая другая группа не только осознает, но может концептуально выразить требования общественного развития в сложившейся ситуации. Особая роль интеллектуалов заключается в том, что она интегрирует общество, единяет власть имущих и массы. Прежде всего идеи интеллектуалов становятся той силой, которую используют власть имущие, чтобы утверждать и расширять свое могущество.⁵

Все это, конечно, не исключает того, что мнение других групп, сформированное под влиянием их собственной жизни, играет огромную роль в жизни общества и может в свою очередь влиять на интеллектуалов, давая им "эмпирический материал". Но прежде всего именно интеллектуалы формируют идеи, которые используются как власть имущими, так и массами.

Когда дело касается интеллектуалов, то их антисемитские доводы также могут повторять доводы других групп населения. Но вместе с тем они будут находить и более изощренные доводы, которые базируются на реальных фактах, которые отражают действительные стороны жизни и беспокойство по отношению к которым весьма и весьма трудно оспаривать.

Мне представляется, что именно интеллектуалы могут приводить доводы в пользу антисемитизма, которые имеют под собой реальную почву и против которых весьма трудно привести возражения. Эти доводы носят специфический характер применительно к евреям и относятся к глубинным основам еврейского мировоззрения. Поэтому весьма трудно надеяться на то,

что они в принципе смогут быть преодолены, коль скоро сохраняется еврейская культура. Лишь принятие евреями мировоззрения (и в особенности религии) данного народа избавляет их в этом случае от антисемитских преследований. Более того, со стороны определенной части интеллектуалов антисемитские доводы могут носить расовый характер, т.е. опосредствовать генетические свойства евреев. (Ниже я рассмотрю последнее замечание несколько подробнее). В этом случае решение проблемы антисемитизма лежит на пути истребления евреев или в лучшем случае их изгнания из страны обитания.

Перед тем как подробнее рассматривать указанные проблемы, я хотел бы заметить, что имеются определенные сферы деятельности в обществе, куда проникновение иноземцев с резко выраженной иной системой ценностей кажется особенно опасным, так как в этом случае они могут повлиять на систему ценностей данной страны (на преобладающую по силе этническую группу) и отклонить ее развитие от органически присущего ей пути. Для конкретизации этого утверждения выделим в обществе "программирующую сферу" и "исполнительную сферу".

К программирующей сфере отнесем всевозможные виды деятельности, которые связаны с формированием "генетического кода" данного общества и трансформирование этого кода к системам, которые на его основе формируют все многообразие общественных структур и механизм его функционирования. Эти два начала, т.е. формирование и трансформирование генетического кода, по-видимому, связаны между собой и оказывают влияния друг на друга, составляя в целом программирующую систему. К числу видов деятельности, которые лежат в основе формирования генетического кода, относится прежде всего деятельность в области культуры: идеологии, искусства и фундаментальной науки; деятельность в таких областях как массовая информация, образование,

политическое и хозяйственное руководство (и в особенности на высших уровнях иерархии и в ключевых точках) и т.п. составляют связанную с ней на основе взаимного воздействия систему трансформирования кода.

В исполнительную сферу будут включены все виды профессиональной деятельности, относящиеся к отдельным областям как физической, так и умственной деятельности, которые преобразуют природу в соответствии с переданным им "генетическим кодом". В свою очередь, исполнительная сфера может оказывать влияние на "генетический код".

Таким образом, именно вторжение евреев в "программирующую область" может считаться самым опасным для развития данного этноса, так как еврейская система ценностей может повлиять на "генетический код". Именно в этом смысле евреи диаспоры воспринимаются как вирусы, которые, как известно, не имеют своей белковой оболочки и, прощая в клетку, меняют ее генетический код.

Свидетельств такому отношению к еврейству превеликое множество, и они принимают самые различные формы вплоть до самых нелепых фантазмагорических измышлений какими являются "документы" именуемые "Заговор Сионских мудрецов". Интересно с этой точки зрения также циркулирующее в СССР письмо от июня 1987г. на имя Пленума ЦК КПСС, подписанное тремя довольно видными интеллигентами: В.Г.Брюсовой, доктор искусствоведения, член Союза художников СССР, лауреат Государственной премии РСФСР; Г.И.Литвиновой, доктор юридических наук; Т.А. Пономаревой, член Союза писателей СССР. В этом письме, где разбираются причины "угнетения" в СССР русского народа в частности говорится:

"Объективная научная статистика показывает, что подавляющая часть верхушки социальной пирамиды в

настоящее время занята представителями еврейской национальности.

...Каждый из нас на собственном опыте убеждается, что противозаконное владение "мозговым центром" - вовсе не выдумка "сионских мудрецов", а самая что ни на есть реальная действительность, нас окружающая. Откровенный захват всех руководящих ключевых позиций в экономике, науке и культуре, "ускоренный" социальный рост давно стал, увы, явью.

...Чем же одарил нас "интернациональный", а по существу "еврейский мозговой центр"? А вот чем - он нанес нам неисчислимый ущерб в развитии народного хозяйства, экономике, торговле, экологии, культуре. Мы вынуждены были считать все эти убытки и "просчеты", и размах их оказался слишком велик. На счету - разрушение сельского хозяйства, уничтожение "неперспективных деревень", антинародные проекты переброса северных рек, уничтожение Волги, под угрозой - Байкал. Эксперимент за экспериментом, каждый из которых отбрасывает нас назад, заставляет маховое колесо мощной советской экономики вращаться вхолостую. А ведь наш строй - самый передовой в мире, а мы не можем накормить себя, когда мы с сохой и телегой кормили всю Европу, часть Африки и Азии. Без помощи капиталистических держав мы, оказывается, существовать не можем. А народ трудится в поте лица, решая все новые и новые нерешаемые проблемы, которые засасывают в гибельную воронку наши финансы, трудовую энергию, создающие все новые кризисные ситуации, вроде алкоголизма и наркомании, серии катастроф и т.п.

Теперь потребовались новые героические усилия, чтобы вывести страну из кризисного состояния, расчистить путь прогрессу путем перестройки. Все это происходит потому, что "интернационалисты" не желают считаться с традициями жизни и быта народа, ни с самой землей, которая им вовсе не дорога (сколько лучших земель в поймах рек ушло безвозвратно под

воду!), ни с самим человеком. Могли ли русские в Госплане додуматься до того, чтобы за счет продажи алкоголя обеспечивать вылату рабочим зарплаты? Нет, это - хорошо исторически знакомая тень шинкаря, обирающего и спаивающего народ.

А развал театра, засилье рок-музыки, трюкачества в живописи? А бегство во враждебные страны - США и Израиль и чуть ли не триумфальное возвращение назад!

Нет, пусть мы не будем "идушими вперед", пусть мы будем не столь скоропалительны в своих решениях, но мы не станем экспериментировать с самым главным, что есть у нас дорогого - нашей Родиной.⁶

Что же это за еврейская система ценностей, которая может проникнуть в "программирующую сферу" и которую так опасаются интеллектуалы?

Сравнимость Человека и Бога в еврейской ментальности.

Ценности, присущие еврейской ментальности, связаны с представлениями самих евреев о сравнимости Человека с силами развития вселенной. Весьма резко данная черта еврейства выступает в иудаизме. Можно полагать, что эта религия, практически исповедуемая только еврейским племенем, вполне созвучна еврейской ментальности: вряд ли допустимо предполагать, что нет заметной корреляции между ментальностью и выбранной религией. Из самого сакраментального еврейского источника - Торы - следует, что еврей сравним с Богом как мастером вселенной. При этом, как следует из Торы, данную черту евреев можно понимать расширительно, т.е. это не просто отношение еврея к Богу, это также его общее отношение к окружающей природе, в т.ч. и к лидерам государства.

Противоположная еврейской система ценностей будет основана на двух крайностях: либо признании подчиненности Человека силам им управляющими (будет ли это Бог, лидер страны или тот и другой) либо

признании превосходства человека над силами развития вселенной. Первой системе ценностей соответствует большинство религий и идеологий; мне вообще неизвестны кроме иудаизма другие религии, которые бы провозглашали, что Человек может быть сравним с Богом. Системе ценностей, предполагающей превосходство человека над силами движения вселенной, соответствует в чистом виде коммунистическая идеология. Но ее воплощение в той или иной стране сопряжено с введением авторитарных режимов и тем самым таит в себе угрозу весьма быстрого перерастания в идеологию, направленную на подчинение человека силам им управляющим, т.е. в идеологию, в конечном счете глубоко чуждую весьма заметному числу евреев.

Для подтверждения своей точки зрения об указанной системе ценностей еврейского племени я приведу соответствующие выдержки из Торы.

По представлению авторов Торы, Человек создан по образу и подобию Божьему (Бытие, 1:26). Сам же Бог представлен не как застывшая всемогущая и всезнающая сила, а как развивающееся Начало. Человек, наделенный творческой мощью и свободой воли, усиливает мощь такого рода Бога. Именно через людей и прежде всего через людей Бог реализует дальнейшее развитие универса.

Более того, роль людей может быть даже так велика, что с некоторыми из них, избранными, Бог даже становится вровень, заключая с ними контракт. Согласно этому контракту Бог, с одной стороны, обязуется размножить народ, идущий от Авраама, сделать Авраама отцом многих народов, с другой стороны, еврей должен соблюсти завет, идущий от Бога и выражающийся в том, что все мужчины должны быть обрезаны.

Вообще говоря, заключение контракта между всемогущим Богом и Человеком может оказаться пустой формальностью, преследующей лишь демагогические цели. К примеру, в СССР администрация предприятий

ежегодно заключает коллективный договор с профсоюзами, которые должны представлять интересы работников. Однако этот договор пустая формальность, так как профсоюзы полностью контролируются государством, в данном случае представляемым партийной организацией и дирекцией.

Для того чтобы контракт между Богом и Человеком был реальностью, достаточным условием является то, что в основе контракта между Богом и Человеком лежит, с одной стороны, признание Богом своего несовершенства, а другой, - величие Человека и в принципе его необходимость для Бога как независимой силы. Более того, реальность такого рода контракта заметно усиливается, если допускается сравнимость сторон по их мощи, как физической, так и интеллектуальной.⁷ И, действительно, авторы Торы приводят доказательства такого рода: сравнительной мощи.

Прежде всего физическая мощь Человека, сравнимая с Богом, подтверждается легендой о поединке Якова с Богом. В этом поединке Бог не мог одолеть Якова, но лишь "повредил состав бедра" его. И сказал далее Бог Якову:

"отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь." (Бытие, 32:28).

Как бы ни интерпретировать этот поединок Якова, если даже предположить, что он боролся не с Богом, а лишь с ангелом, во всяком случае Человек оказался сравним по своей физической мощи с неземной силой.

Сравнимость интеллектуальной мощи Бога и Человека в общем виде утверждается авторами Торы при характеристике Адама после того как он вкусил плоды от дерева познания: Адам становится интеллектуально даже вровень с Богом. Его отличает от Бога лишь то, что он смертен. И Бог выслал Адама из

сада Эдемского, чтобы он не смог вкусить плод от древа жизни и стать бессмертным (Бытие, 3:22-23).

Авторы Торы приводят также конкретные ситуации, подтверждающие сказанное о сравнимой интеллектуальной мощи Бога и Человека. Когда Бог прогневался на непослушание еврейского народа во время его пребывания в пустыне и приходит к решению уничтожить его и заменить новым народом, идущим от Моисея, последний возражает ему и склоняет Бога к сохранению народа.

И сказал Господь Моисею: доколе будет раздражать Меня народ сей? И доколе будет он не верить Мне при всех знамениях, которые делал Я среди его?

Поражу его язвою и истреблю его, и произведу от тебя народ многочисленнее и сильнее его.

Но Моисей сказал Господу: услышат Египтяне, из среды которых Ты силою Твоею вывел народ сей.

И скажут жителям земли сей, которые слышали, что Ты, Господь, находишься среди народа сего, и что Ты, Господь, даешь им видеть себя лицом к лицу, и облако Твое стоит над ними, и Ты идешь перед ними днем в столпе облачном, а ночью в столпе огненном; и если Ты истребишь народ сей как одного человека, то народы, которые слышали славу Твою, скажут :

"Господь не мог ввести народ сей в землю, которую он с клятвою обещал ему, а потому и погубил его в пустыне."

Итак да возвеличится сила Господня, как ты сказал, говоря: "Господь долготерпив и многомилостив, прощающий беззакония и преступления, и не оставляющий без наказания, но наказывающий беззаконие отцов в детях до третьего и четвертого рода".

Прости грех народу сему по великой милости Твоей, как ты прощал народ сей от Египта доселе.

И сказал Господь Моисею: прощаю по слову твоему". (Числа, 14: 11-20).

Восприятие евреями Бога как в некотором смысле равноправной силы, непочтение к кумирам, созданию идолов, явным образом воплотилась в Торе и в резко критическом отношении к лидерам государства. Подтверждением этому могут быть наставления евреям во время их пребывания в пустыне по поводу возможного их будущего царя в обетованной земле.

"Когда ты придешь в землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе, и овладеешь ею, и поселишься на ней, и скажешь: "поставлю я над собою царя, подобно прочим народам, которые вокруг меня": то поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой; из среды братьев твоих поставь над собою царя; не можешь поставить над собою царем иноземца, который не брат тебе.

Только чтоб он не умножал себе коней и не возвращал народа в Египет для умножения себе коней; ибо Господь сказал вам: "не возвращайтесь более путем сим".

И чтобы не умножал себе жен, дабы не развратилось сердце его, и чтобы серебра и золота не умножал себе чрезмерно.

Но когда он сядет на престол царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у священников левитов,

И пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научался бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии;

Чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие годы пребыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля." (Второзаконие,17:14-20).

О совместимости евреев с другими народами.

Из приведенных мною рассуждений следует, что антисемитизм вряд ли может быть преодолен, поскольку евреи по тем или иным причинам будут плохо совместимы со многими окружающими их народами и в особенности с теми из них, которые склонны к авторитарным режимам..

Вообще нужно заметить, что категория совместимости как общесистемный феномен весьма мало разработана. В медицине существенные теоретические и практические результаты в этой области были получены лишь в XX веке. Я имею ввиду установление совместимости групп крови столь важную при переливании крови; пересадку органов с первоначальным выделением донора и т.п. Однако и в медицине, не говоря уже о психологии, социальных процессах, проблема совместимости одна из наименее разработанных областей. В равной мере сказанное относится и к проблеме совмещения различных этнических групп.

Говоря, о проблеме совместимости евреев с другими народами надо иметь ввиду, что если не окончательное решение этой проблемы, то по крайней мере значительное снижение ее напряженности зависит в немалой мере от поведения самих евреев. Чтобы прояснить данный вопрос я хотел бы предложить следующую последовательность, характеризующую взаимоотношение евреев с другими народами.

Эта мера общности может быть по крайней мере следующая: человечество- непосредственно окружающие евреев народы - еврейский народ- еврейское государство- еврейская семья - еврей как индивид. Если расположить компоненты этой последовательности в различном порядке предпочтительности, то из простых комбинаторных соображений мы видим, что здесь могут быть сто двадцать комбинаций - пять факториал.⁸ Мы можем увидеть 120 различных групп евреев (разумеется

неодинаковых по численности), которые будут различаться с точки зрения того, какова их предрасположенность к снятию напряжений во взаимоотношениях с окружающими народами. Возьмем в начале две крайние группы. Так одна из этих групп на первый план поставит развитие евре.: как индивида, потом еврейское государство, на третье место - еврейский народ, на четвертое место - непосредственно окружающие народы и на пятое - человечество. По-видимому, такая группа может оказаться наименее предрасположенной к снятию напряжений с окружающими народами. Другая группа поставит на первый план человечество, на второй - непосредственно окружающие народы, на третий - еврейский народ, затем еврейское государство, потом еврея-индивида. Эта группа, по-видимому, окажется наиболее предрасположенной к снятию напряжений с другими народами.

Вся эта классификация имеет весьма практическое значение и отражает серьезное разделение в еврейском общественном мнении. Так, применительно к вопросу эмиграции евреев из СССР первая из упомянутых групп будет прежде интересоваться евреями, которые едут в Израиль вплоть до того, что будет даже считать предосудительным думать о евреях, которые не едут в Израиль; затем они будут думать о евреях диаспоры с точки зрения убеждения их не помогать евреям, не желающим ехать в Израиль; наконец они будут решительно протестовать против отправления вызовов в Израиль лицам нееврейской национальности, которые хотят таким путем уехать из СССР. По тому же вопросу вторая группа будет совместно с диссидентами других национальностей прежде всего бороться за права человека, в рамках которой они будут видеть основной путь для решения вопроса о выезде евреев из СССР; затем они будут защищать право уехавшего из СССР еврея селиться в той стране, которую он считает для себя приемлимой; наконец, они будут всячески

способствовать тому, чтобы евреи ехали в Израиль, затем будут помогать еврейским семьям в обучении детей еврейской культуре, наконец будут помогать отдельному еврею сохранить свое еврейство (к примеру, передавая ему соответствующие книги).

Между указанными двумя крайними группами имеется множество других групп, каждая из которых будет соответствовать своей комбинации указанных компонент последовательности и адекватной ей мере предрасположенности евреев к снятию напряжений с другими народами.

Безусловный ответ на вопрос о том, какая из этих ста двадцати групп вообще права дать нельзя: они нужны все. Но в каждой конкретной исторической ситуации возможно, что преобладание каких-либо из этих групп более важно для ослабления напряжения между евреями и другими этническими группами.

Примечания

¹Примечательно к генетическим началам еврейской культуры читатель найдет весьма интересные замечания в аппендиксе "The Formation and Transmission of Jewish "Differential" Characteristics from the Viewpoint of Contemporary Biology" r rybut L/Poliakov The History of Anti-Semitism, New York: Schocken Books, 1965.

²Я как то задумался над таким простым и вместе с тем парадоксальным фактом, что белые блондины, которым легче отражать солнце, живут в более северных районах, где как раз нехватает солнца, тогда как черное население, кожа которых вбирает солнечные лучи, живет в районах, где слишком много палящего солнца. Между тем, черная кожа как раз и приспособлена к палящему солнцу, так как она имеет специальные пигменты, которые предохраняют кожу от чрезмерных доз ультрафиолетовых лучей. Таких пигментов нет в белой коже. В случае увеличения дозы ультрафиолетового излучения, при прочих равных условиях, население с черной кожей (я не знаю как относительно желтой и красной) может оказаться более приспособленным к выживанию, чем население с белой кожей.

³Проф. Б.Мойшезон сказал мне в частной беседе, что, по его мнению, основанному на анализе документов 30-ых годов, термин троцкисты ассоциировался в то время с еврейством. Я разделяю это мнение.

Некоторым косвенным подтверждением этому может быть следующий уникальный факт, который мне рассказала в середине 60-ых годов В.Каплан. По ее словам, ее муж Каплан в 1937 (1938?)г. был отстранен от работы в секретариате Сталина, где он занимался редактированием работ вождя. Одновременно с ним были устранены из секретариата Сталина и другие работники еврейской национальности. Каплан потом работал редактором в профсоюзном издательстве и уже после смерти Сталина перешел на работу в Комиссию Партийного Контроля Московского Городского Комитета Партии.

Семья Капланов в начале 30-ых годов была очень дружна с А.С.Щербаковым. В эти годы Щербаков уже играл видную роль в Партии, будучи в 1934г. назначен ее представителем в Союз Советских Писателей. В 1936г. он переехал в Ленинград (он был назначен вторым секретарем Ленинградского обкома партии), затем в Сибирь (где он был первым секретарем Восточно-Сибирского обкома партии), Украину. Приезжая в Москву по служебным делам, Щербаков обычно останавливался на квартире у Капланов. В один из своих приездов из Сибири в Москву на совещание к тогдашнему всеильному наркому внутренних дел Н.И.Ежову Щербаков не остановился у Капланов. Он позвонил им, извинившись за то, что должен остановиться в гостинице "Савой" (нынешний "Берлиш"), где его охраняет работник НКВД. Он пообещал, что вечером после совещания позвонит Капланам. Однако звонка не последовало. Время тогда было весьма тревожное и ничего не было необычного в том, что человек после совещания у Ежова мог и не вернуться

домой. Понятно было волнение четы Капланов. Равно утром жена Каплана поехала в гостиницу. На правах ближайшего друга она разбудила Щербакова и спросила его почему он не позвонил. В ответ Щербаков, несколько замявшись (то ли от спросонья) пробормотал, что вчера на совещании Ежов говорил, что среди врагов народа много евреев. В ответ жена Каплана сказала: "Как ты можешь так считать, ты ведь не знаешь, что это неправда!" Предмет разговора затем быстро сменился. Они просидели до 2-ух часов дня, беседуя на разные темы. В 2 часа к ним присоединился Каплан. И кажется эта была их последняя встреча.

⁴Мне как то довелось знать весьма приближенного к Хрущеву сотрудника аппарата ЦК. Он мне рассказал о своем разговоре, который у него был с одним из помощников Хрущева. Мой знакомый, человек весьма широких взглядов, убеждал помощника Хрущева, что нужно взять на работу в аппарат ЦК нескольких толковых евреев, мотивируя это их нужностью для дела. На это помощник Хрущева ответил: "Ты что, сдурел? Если мы возьмем хотя бы одного еврея, то он немедленно потащит своих, устроит здесь сишагогу и нас с тобой выпрет."

⁵По этому поводу весьма интересно привести высказывание выдающегося английского экономиста Кейнса.

"...идеи экономистов и политических мыслителей - и тогда, когда они правы, и тогда, когда они ошибаются, - более могущественны, чем обычно думают. В действительности мир почти эгим только и управляется. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно

являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Сумасшедшие, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают источники своего безумия из творений какого-нибудь академического писаки, сочинявшего несколько лет назад. Я уверен, что мощь корыстных интересов значительно преувеличивают по сравнению с постепенным просачиванием идей. Правда, это происходит не немедленно, а по истечении известного периода времени. В области экономической и политической философии не так уж много людей, поддающихся влиянию новых теорий, после того как они достигли 25-или 30-летнего возраста, и потому идеи, которые государственные служащие, политические деятели и даже агитаторы применяют к текущим событиям, по большей части не являются новейшими. Но рано или поздно, имеем от идей, а не от корыстных интересов исходит опасность как для блага, так и для зла." Кейнс, Дж.М., Общая теория занятости, процента и денег. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1949, стр.370.

⁶Цитировано по газ. "Новое Русское Слово", 6 января 1988.

⁷В своей работе "Plan, Market, and Measurement", Acta Slavica Iaponica, т.ШШ, 1984, стр.1-24, я описал социально-экономические аналогии, вытекающие из контракта между всемогущим Богом и Человеком. Эти аналогии касались возможности введения контрактов между министерствами и подчиненными им предприятиям в централизованной экономике, в частности типа советской. Я объяснял в этой статье, что в СССР такого рода контракты невозможны, ссылаясь

на то, что ветхозаветный Бог заключает контракт с Человеком потому, что он, Бог, находится в конкуренции с другими Богами и с помощью контракта хочет привлечь к себе сторонников. В СССР же всеильное государство вне конкуренции.

Сейчас мне представляется такая точка зрения несколько упрощенной. Что же касается упомянутого выше момента конкуренции между Богами, то этот фактор мог играть роль при заключении контракта между ветхозаветным Богом и Человеком, однако не определяющую. Если уже касаться аналогий религии с экономикой, то возможно, что более уместно было бы здесь вспомнить о договорах, заключаемых между крупными корпорациями и мелкими аутсайдерами. Именно осознание крупными корпорациями своего несовершенства особенно в области совершенствования приводит к тому, что они даже финансируют некоторые сторонние мелкие фирмы, которые занимаются поиском новых направлений технического развития.

8 Я очень благодарен М.Берману за то, что он обсуждал со мной свои методологические идеи изучения поведения человека на основе факториальной комбинаторики его приоритетов. Конечно, он не несет никакой ответственности за все те выводы, которые я делаю, прилагая его методологию к данной проблеме.

